Проф. Е. А. ЭНГЕЛЬ

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА / ПЕТРОГРАД
1923

Издательство Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ

МОСКВА, Кузнецкий пер., д. № 4, кв. 25, тел. 250-45.
ПЕТРОГРАД, Мойка, 42, кв. 25, тел. 175-11.

Вышли из печати и поступили в продажу:

Философия, история и литература.

	Цена.
О. Шпенглер.—Закат Европы, т. 1. (Распродано)	2 р. 50 к.
Вильгельм II.—Мемуары. События и люди. 1878-1918 г.г.	1 р. 20 к.
Ф. Нитти.—Вырождение Европы	1 р. —
С. М. Дубнов.—Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции	3 р. —
Б. Горев.—От Томаса Мора до Ленина (4-е издание)	— 60 к.
Леонид Гроссман.—Этюды о Пушкине	— 90 к.
Литературная энциклопедия, в 4 частях, 15 томах (1-й том печатается)	— —
А. Франс—Книги и люди (литературные очерки) перевод и предисловие В. А. Азова (печатается)	— —
Дневник А. С. Суворина. Редакция, предисловие и примечания М. Кричевского (заканчивается печатанием)	— —
Ф. А. Вольценштейн. На путях революции. Речи защитника. (Печатается)	— —

Научная и научно-популярная литература.

Проф. В. Г. Богораз (Тан).—Эйнштейн и религия. Иллюстр. издание	1 р. —
Ш. Нордманн.—Эйнштейн и вселенная. Научный роман, перев. с француз. Р. Калменс. (Печатается 2-е дополненное издание)	— —
Проф. В. Омелянский.—Невидимый мир (очерки по микробиологии)	— 20 к.
Проф. Б. И. Словцов.—Питание и работа, 2-е изд.	— 20 к.
Б. С. Жуков.—Происхождение человека, с 60 иллюстрац. в тексте	1 р. 20 к.
Проф. Б. И. Словцов.—Физиология труда, с 47 рис. (2-е переработанное и дополненное издание)	— 90 к.
А. И. Опарин.—Ферменты и их роль в жизни организмов	— 30 к.
Проф. Н. А. Шилов.—Первые шаги в химии	— 10 к.
Б. Ф. Добрынин.—Потонувшие материки	— 50 к.
В. Никольский.—Очерк первобытной культуры. 2-е переработан. и дополненное издание	1 р. 50 к.
Ирисов.—Звук и музыка. Иллюстр. изд.	— —
Н. А. Шилов. Химические основы питания	— 30 к.
Проф. П. Ю. Шмидт.—Анабиоз. С 19 рисунками	1 р. 20 к.
Малая энциклопедия по биологии.—Под редакц. проф. П. Ю. Шмидта (заканчивается печатанием)	— —
Проф. Г. Н. Попов. Очерки по истории математики. С 39 рис. и чертеж.	1 р. 20 к.
Проф. А. И. Некрасов.—Конспект лекций по теоретической механике	— 60 к.
Прив.-доц. А. Гиллер—Вражда и дружба в мире растений. Популярные очерки по ботанике (печатается)	— —
Ш. Гибсон.—Автобиография Электрона. С иллюстрациями	— 75 к.
В. А. Набоков. Пособие при практ. зан. по гигиене. С предисл. проф. Диатроптова	1 р. 50 к.
Артур Хаас. Физическая картина мира по данным новейшей физики. Перев. с нем. под ред. проф. Н. Н. Андреева (печатается)	— —
Проф. Г. Н. Попов и А. Воронец. Математический словарь.	— 80 к.

Проф. Е. А. ЭНГЕЛЬ

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА / ПЕТРОГРАД
1923

Пров 1966

НИ
21

170
38

29

Петрооблит № 8277. Зак. № 556. Тираж 10.000 экз.

Военная Типография Шт. Р.-К. К. А. (площадь Урицкого, 10).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наука материалистична по своей природе. Ее материалистическая природа находится в логическом противоречии с точкой зрения идеализма. Противоречие это обнаруживается до конца, когда оно выступает, как классовое противоречие, когда материалистическая идеология одного класса противостоит идеалистической идеологии другого, враждебного класса. Так, когда, например, революционная буржуазия Франции вела борьбу за власть с классом феодалов, опираясь на современную ей науку, она сделала из последней все материалистические выводы в соответствии с достигнутым в то время уровнем научных знаний и противопоставила их, как свою идеологию, теологической идеологии враждебного ей класса. Следовательно, классовая борьба в период буржуазной революции обнаружила и развила до возможных пределов логическое противоречие между материализмом (наукой) и идеализмом. Когда буржуазия вступила в реакционный период своего развития и от нападения перешла к обороне против наступающего пролетариата, она оказалась вынужденной противоставить науке, как революционному оружию пролетариата, идеалистическую философию, т.-е. ту же теологию, но лишь в рафинированном виде, в наукообразной форме. Вместо былого противопоставления науки и теологии и выяснения их логического противоречия, она вступила на путь всяческого маскирования этого противоречия. Агностицизм, позитивизм, нео-критицизм, психологизм, витализм и т. п. представляют не более, как различные формы маскирования противоречий между материалистической по своей природе наукой и идеалистической точкой зрения. В то время,

как на фронте реакционной буржуазии пытаются притупить революционное острие науки, поставив ее на службу господствующей идеологии, на революционном фронте пролетариата, наоборот, заостряют материалистическое острие науки против реакционной идеологии эксплуататорских классов. В классовой борьбе пролетариата, особенно в настоящее время в советских республиках, происходит интенсивный процесс очищения различных научных отраслей от пропитывающих их теологических и идеалистических элементов. Полное торжество пролетариата будет полным торжеством чистой науки. Однако, в виду того, что в настоящее время все еще поступают на рынок труды социологов, стоящих на „психологической", „позитивистической" и т. п. точках зрения, пуще огня чурающихся материализма и засоряющих головы читателей и учащихся, поневоле приходится отгораживаться от этих „научных" трудов. Вот почему предлагаемые вниманию читателя „очерки" озаглавлены не просто „Очерки социологии", но „Очерки материалистической социологии". Термин материалистический употреблен в данном случае, как синоним термина научный.

Предлагаемые „очерки" представляют набросанные грубыми мазками этюды. Отнюдь не претендуя на то, чтобы быть учебным пособием, имеющим целью ввести в круг проблем материалистической социологии, „очерки" преследуют более скромную задачу—ознакомить товарищей по работе и всех интересующихся проблемами марксизма с попыткой несколько иного, чем общепринятый, подхода к разрешению некоторых из основных проблем марксизма. В очерке „Материалистическая биология и материалистическая социология" автор пытается установить логический стык между дарвинизмом и марксизмом. Насколько известно автору, до сих пор этот стык больше констатировался, чем устанавливался. Таким стыком является понятие целесообразного воздействия организма на среду, понятие, покрываемое биологическим термином „активное приспособление" или соответствующим ему социологическим термином „производство". Понятие активного приспособления было введено в обращение автором в 1912 г. в его литографированном конспекте лекций „Право и власть" и затем несколько развито в его научно-популярных работах „Социология" и „Государство

и формы его строя". Благодаря указанному стыку выясняется связь процесса биологического с процессом социальным и в то же время устраняется возможность упрощенного понимания социального процесса, чем грешит, например, буржуазно-дарвиновское направление в социологии. Наоборот, указанный стык определенно подчеркивает различие между биологическим процессом, как пассивным процессом развития органических форм, который обусловливается совершающимися в материальной среде изменениями, и процессом социальным, как активным процессом, исходным моментом развития которого является развитие материальных производительных сил, т.-е. изменения, сознательно совершаемые человеком во внешней среде.

Исходным пунктом для построения теоретической социологии является анализ понятия общественного отношения, как элементарного социального явления. В результате анализа этого понятия (очерк второй) автор дает определение общественного отношения, как отношения между людьми, которому присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный. Благодаря установлению точного содержания понятия общественного отношения явилась, прежде всего, возможность правильного разграничения социологии, с одной стороны, с биологией и, с другой стороны, с психологией, а также что особенно важно с точки зрения автора, возможность правильного подхода к построению материалистической теории права. Отправляясь от понятия „общественного отношения", автор определяет право (или, выражаясь точнее, „правоотношение") как „нормативное содержание общественного отношения", и избегает, таким образом, как противопоставления понятий правоотношения и общественного отношения (или „бытового отношения", по выражению буржуазных юристов), так равно и их отождествления.

Даваемое автором определение общественного отношения послужило для него, далее, основою для анализа производственных отношений классового общества, преимущественно со стороны их нормативного содержания.

Наконец, пользуясь тем же понятием общественного отношения, автор получил возможность развить определение общества, попутно,

в общей форме, брошенное Марксом в его работе „Наемный труд и капитал".

Материалистическая природа нормативного момента общественных отношений в общих чертах обосновывается автором в очерке третьем — „Конструктивно-идеологические элементы социальной организации: задачи, нормы и право".

В учении о производительных силах автор делает попытку противопоставить понимание их с точки зрения социологической общепринятой трактовке вопроса с точки зрения технической.

Автор.

Август 1923 г.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

Материалистическая биология и материалистическая социология.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Материалистическая биология.

1. Каждая органическая форма, будет ли то растение или животное, составляет часть или элемент природы.

Из этого основного положения вытекает и основной методологический принцип материалистической биологии: чтобы понять какую-либо органическую форму, ее надлежит рассматривать не изолированно, не как таковую, а в ее отношении к природе. В самом деле, если она только часть, то для ее познания надо исходить из целого. Это единственно правильный путь для ее познания. Вне этого пути она просто непознаваема. Отказ от этого пути неминуемо приводит к одному— к воззрению на органическую форму, как на метафизическую сущность, как на вещь, которая существует сама по себе и сама для себя.

2. Каждая органическая форма есть продукт развития природы. В известный момент развития природы форма возникает, проделывает определенный цикл своего индивидуального развития и исчезает, как бы растворяясь в природе. Приэтом весь цикл развития формы во всех своих моментах обусловлен природою. Следовательно, в течение всего периода своего существования органическая форма составляет нераздельную часть природы. Тем не менее, когда мы останавливаем на какой-либо конкретной органической форме свое практическое или теоретическое внимание, мы как бы выделяем ее из остальной природы и противопоставляем ей. Иным, конечно, наш прием в таких случаях и

быть не может, потому что сосредоточивать на чем-либо свое внимание это и значит выделять объект внимания из окружающего и обособлять его в соответствии с потребностью или интересом, которые направляют наше внимание. В том случае, когда мы не сознаем, что противопоставление конкретной органической формы окружающей ее природе есть только наше практическое или познавательное отношение к этой форме, мы незаметно для себя начинаем рассматривать это „противопоставление", как реальное отношение, существующее между формой и природой Тут-то и начинается биологическая метафизика!

3. Итак, органическая форма и природа нераздельны. По своему происхождению форма представляет продукт природы, а по своему бытию — ее элемент.

Если рассматривать взаимоотношение между органической формой и природой с точки зрения природы, то форма, как часть природы, поглощается природой, как целым. Если же рассматривать это взаимоотношение с точки зрения органической формы, то природа выступает в ее отношении к органической форме, как совокупность условий существования последней.

Каждая конкретная органическая форма и природа, как совокупность условий ее существования, соотносительны в том смысле, что каждой определенной органической форме соответствует определенная совокупность условий существования. „Природа", как совокупность условий существования одной конкретной органической формы, не тождественна во всех своих элементах с „природой", как совокупностью условий существования другой конкретной органической формы. Для первой формы вторая может составлять одно из условий ее существования и, как таковое, входить в состав окружающей ее природы, и, наоборот, для второй первая может являться одним из элементов окружающей ее природы. Из сказанного следует, что понятиями „совокупность условий существования" или „среда" или „природа", употребляемыми в вышеуказанном смысле, нельзя оперировать. как понятиями абсолютными.

4. Отношение органической формы к ее среде в биологии определяется термином приспособление. Органическая форма (растение или животное), как говорят, „приспособлена" к своей среде. Под „средой" разумеют те элементы природы, с которыми данная форма, как один из элементов природы, находится в более или менее близком соприкосновении.

Отношение органической формы к окружающей среде, определяемое, как приспособление первой ко второй, не представляет состояния неизменного, абсолютного. Природа находится в постоянном движении. Одни

ее элементы разрушаются, другие возникают, третьи изменяются. Органическая форма, находящаяся, как элемент природы, в постоянном взаимодействии с последней, точно также изменчива и непостоянна. Вследствие этого „приспособление“ формы к среде представляет состояние подвижного равновесия. Как состояние соответствия свойств формы свойствам среды, оно постоянно частично нарушается вследствие совершающихся в среде изменений и постоянно восстановляется вследствие изменений, совершающихся в форме. Чтобы быть приспособленной к среде, органическая форма должна постоянно приходить в соответствие со средой. Следовательно, изменения органической формы являются производными от изменений, происходящих в среде. Исходя из аналогичного представления о процессе приспособления, английский ученый Герберт Спенсер определяет процесс жизни организма, как процесс приспособления внутренних отношений к внешним.

5. Весьма существенно в методологическом отношении различение двух форм или способов приспособления: приспособление пассивное, под которым следует понимать изменения, совершающиеся в организме под воздействием среды, и приспособление активное, под которым следует разуметь изменения, производимые организмом в среде[1]). Изменения первого порядка суть органические изменения, полезные для сохранения и развития животной или растительной формы. Изменения же второго порядка суть те технические, химические и органические изменения, полезные для сохранения органических форм, которые последние производят в среде. Активное приспособление приобретает все большее и большее значение по мере развития органического мира, получая преобладающий характер у человека, как это будет показано ниже. Поскольку производимые организмом изменения среды оказываются для него полезными, постольку они повышают степень его приспособленности к среде, как непосредственно, так и косвенно. Как на пример непосредственного повышения приспособленности к среде, можно указать на постройку животными жилищ, которые обеспечивают бо́льшую сохранимость животного. Как на пример косвенного повышения приспособленности к среде, можно указать на случаи развития органов животного, вследствие производимого этими органами технического воздействия на среду. Последний пример показывает, что претерпеваемые организмом изменения обусловливаются не только воздействием среды на организм (пассивное приспособление), но также и воздействием организма на среду (активное приспособление). Из этого вытекает необходи-

[1]) См. мою научно популярную работу „Социология“. 1919 г.

мость различать два вида изменений, претерпеваемых организмом: прямые, как результат пассивного приспособления, и косвенные или производные, как результат активного приспособления. Про второй вид изменений можно сказать, что органическая форма, в меру изменений, совершаемых ею в среде, сама изменяет себя.

6. Если иметь в виду какую-либо конкретную разновидность или какой-либо конкретный вид органической формы, то по отношению к ней приходится говорить и о соответствующей ей конкретной среде, как конкретной совокупности условий существования вида или разновидности. Вне пределов соответствующей ей среды органическая форма, как неприспособленная, существовать не может. Конкретная среда ограничивает в горизонтальном и вертикальном направлениях географическое распространение органических форм.

Степень приспособленности органических форм, как одного вида, так и разных видов, является, в силу индивидуальных и видовых их особенностей, неодинаковой, колеблясь между минимальным и максимальным пределами. Если бы емкость среды была настолько велика, что последняя обеспечивала бы возможность существования для всех обитающих в ней форм, то степень приспособленности не препятствовала бы каждой форме совершить полный цикл своего существования. Менее приспособленные существовали бы рядом с более приспособленными, описывая весь цикл бытия, обусловленный их индивидуальными особенностями. Однако, на деле, в виду того, что среда, как совокупность условий существования, оказывается далеко не достаточной для обеспечения существования всех находящихся в ее пределах органических форм, степень приспособленности этих форм оказывается роковой для существования большей их части. В силу ограниченности, по сравнению с количеством форм, условий их существования, формы более приспособленные вытесняют с жизненной арены формы менее приспособленные. Благодаря такому вытеснению, в природе совершается сам собою, механически, отбор организмов, наиболее приспособленных к данным условиям существования. Этот отбор констатировал Ч. Дарвин. Он же назвал этот отбор естественным, в отличие от искусственного отбора, практикуемого человеком. Естественный отбор сам Дарвин определяет как „the preservation of favoured races in their struggle for life“, т.-е. как сохранение избранных пород в борьбе за существование. Более удачное определение естественного отбора предложил Г. Спеснер. Его определение гласит: „out living of the fittes“, т.-е. „переживание наиболее приспособленных“.

7. Под борьбою за существование Дарвин понимает: во-первых, борьбу за существование в прямом смысле этого слова, т.-е. борьбу с врагами; во-вторых, борьбу со средой, или с физическими условиями существования, например, почвой и климатом, и, в-третьих, состязание с соперниками, или конкуренцию. О борьбе за существование в прямом смысле, т.-е. в смысле физической борьбы с врагами, уместно говорить лишь по отношению к животным. Растения, лишенные способности движения, не ведут активной, прямой борьбы с врагами. В прямой борьбе с врагами верх одерживает животное, наиболее приспособленное к условиям борьбы. Что касается второго и третьего рода борьбы, то о них, как о „борьбе за существование", можно говорить лишь в фигуральном смысле. „Борьба" со средой представляет пассивное состояние организма. При этой борьбе мы имеем дело с прямым влиянием среды. При благоприятных условиях, например, климата, данная форма распространяется лучше, при неблагоприятных хуже. Это значит, что в первом случае большее количество особей, чем во втором, будет лучше приспособленным к климату, как условию своего существования. „Если", говорит Дарвин, „подвигаясь к югу, мы замечаем, что какой-либо вид редеет, мы можем быть уверены, что это зависит ... от того, что редеющий вид страдает. Точно также ... подвигаясь к северу или поднимаясь в горы, гораздо чаще встречаемся с формами, недоразвившимися вследствие прямого действия климата... Когда мы достигаем до стран полярных или до снеговых вершин, или до абсолютных пустынь, нам представляется борьба, ведущаяся почти исключительно со стихиями". Конкуренция органических форм представляет косвенный вид „борьбы за существование". Если условия существования в каком-либо отношении более благоприятствуют одной форме, чем другой, то первая, как наиболее приспособленная к условиям существования, будет, распространяясь, вытеснять другую, менее приспособленную. Условия существования в данном случае постольку „враждебны" второй форме, поскольку они благоприятствуют лучше приспособленной к ним первой форме. При отсутствии первой формы вторая получила бы возможность свободного, т.-е. более широкого распространения. Таким образом, при „конкуренции", или „состязании", в отличие от прямой „борьбы" со средой, сохранение и распространение формы зависит не от степени ее непосредственной приспособленности к среде, а от степени ее относительной или косвенной приспособленности. „Особенно наглядно обнаруживается косвенное влияние среды в опытах искусственного удобрения лугов. Азотистые и минеральные удобрения полезны для всех растений, но не в одинаковой

степени, и вот под влиянием азотистых удобрений злаки берут перевес над бобовыми растениями, под влиянием исключительно минеральных удобрений бобовые берут перевес над злаками" [1]). Из данного примера, в частности, видно, в какой мере одна органическая форма может быть условием существования другой, или, выражаясь иначе, насколько взаимозависимы органические формы. Злаки, при наличии азотистых удобрений, оказываются отрицательным условием существования для бобовых. Бобовые, при наличии минеральных удобрений, оказываются отрицательным условием существования для злаков. Азотистые удобрения, являющиеся сами по себе положительным условием для бобовых, при наличии злаков превращаются в отрицательные условия в отношении бобовых. Следовательно, указанный пример показывает также, что положительное физическое условие может, при наличии других форм, превращаться в отрицательное условие.

Все сказанное показывает, насколько многообразны формы „борьбы за существование" и насколько ошибочно обывательское представление, разделяемое и некоторыми теоретиками, об этой борьбе, как о прямой борьбе. Прямая борьба, по сравнению с косвенными формами борьбы, на самом деле имеет весьма ограниченное значение.

Для большей отчетливости понимания всего сказанного о борьбе за существование, возьмем упрощенный пример и будем его постепенно усложнять. Предположим: а) — что на территории данной среды распространена только одна органическая форма и что свойства всех ее экземпляров в общем соответствуют свойствам среды, одинаковым на всей территории среды, и б) — что между емкостью среды в отношении данной формы и количеством экземпляров органической формы существует полное соответствие, в виду того, что количество новых, рождающихся экземпляров равняется количеству естественно умирающих. Может ли в данном случае иметь место борьба и естественный отбор? Очевидно нет, потому что все экземпляры, независимо от степени их приспособленности к среде, будут обеспечены условиями существования в полной мере. Предположим теперь, что количество рождений начинает преобладать над количеством смертей. В этом случае последует перенаселение, т.-е. емкость среды окажется недостаточной для обеспечения условий существования всех экземпляров. Определенное количество экземпляров, вследствие недостатка условий существования, должно погибнуть. Какие же именно? Те, степень приспособленности которых окажется наименьшей. Почему? Потому что

[1]) К. Тимирязев. Ч. Дарвин и его учение.

они не выдержат пассивной конкуренции с лучше приспособленными, т.-е. более устойчивыми. В результате произойдет естественный отбор, т.-е. сохранение лучше приспособленных и гибель хуже приспособленных. Как следствие естественного отбора, произойдет улучшение породы. В приведенном примере мы имеем случай пассивной или механической конкуренции между экземплярами одного вида.

Предположим теперь, что на территории той же среды появляется новая форма, по своим свойствам совершенно несходная с первой. Следовательно, и соответствующие ей свойства среды совершенно не будут сходны со свойствами той же среды, соответствующими первой форме. В таком случае первая форма, как условие существования второй, будет совершенно нейтральна. Потребности и интересы обеих форм совершенно не будут совпадать, и потому о конкуренции между ними не может быть и речи. Каждая из форм будет существовать и совершенствоваться путем естественного отбора вне какой бы то ни было зависимости от другой.

Предположим далее, что появляется третья форма, свойства которой в общем соответствуют тем же свойствам среды, которым соответствуют и свойства первой формы, но степень приспособленности к среде новой формы выше, чем степень приспособленности первой. В таком случае, в результате пассивной конкуренции первой и третьей формы, первая окажется вытесненной третьей. Первая, следовательно, погибнет, потому что встретила в новой форме отрицательное условие своего существования. В указанном примере мы имеем случай пассивного состязания между разными видами или разновидностями.

9. Из первого примера мы видели, что пассивная конкуренция между экземплярами одного и того же вида, обусловливая отбор наиболее приспособленных, способствует совершенствованию вида. Из третьего же примера мы видели, что пассивная конкуренция между видами, обусловливая сохранение наиболее приспособленного вида, способствует совершенствованию рода. Из указанных примеров вытекает, следовательно, что движущей силой развития органического мира является борьба за существование, главнейшее содержание которой составляет пассивная конкуренция между видами и которая проявляется в форме естественного отбора.

Сказанным не исчерпывается учение дарвинизма. Согласно последнему, все существовавшие и существующие органические формы генетически связаны между собой и происходят из простейших форм. Этому положению, повидимому, противоречит факт отсутствия переходных форм между существующими видами. Дарвинизм, однако, легко отводит это возражение указанием на закон расхождения признаков. Как

известно, конкуренция особенно упорна и истребительна между формами, наиболее сходными по условиям существования, и не так упорна между организмами, менее сходными по условиям их существования. Иначе говоря, интенсивность борьбы прямо пропорциональна степени сходства между организмами. Отсюда вытекает, что для каждой формы является выгодным всякое уклонение от сходных с ней форм, потому что каждое такое уклонение увеличивает ее шансы на сохранение, устраняя необходимость соперничества. И так как всякое выгодное уклонение или изменение, полезное для органической формы, подхватывается отбором, то естественно допустить, что в каждом новом поколении отбор будет сохранять экземпляры формы, наиболее расходящиеся по своим признакам. Таким именно способом, в естественных условиях, возникают новые разновидности, дающие начало новым видам.

Благодаря действию закона расхождения признаков или дифференциации органических форм увеличивается емкость среды. „Было доказано", говорит Дарвин, в «Происхождении видов», „путем опытов, что если один участок земли засеян одним сортом травы, и подобный же участок засеян различными сортами, то во втором случае может быть получено большее число растений и будет сжато более значительное весовое количество сена". Известно, что поле, засеянное одной породой пшеницы, дает меньше урожая, чем то же поле, засеянное несколькими сортами пшеницы. Отсутствие конкуренции, как следствие расхождения признаков, открывает возможность сожительства на одной и той же территории большего количества экземпляров.

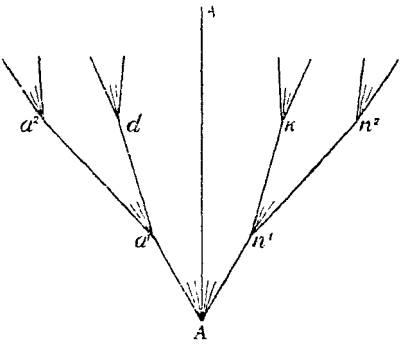
Начало дифференциации органических форм, сопутствуемое процессом вымирания экземпляров менее приспособленных, т.-е. с менее несходными признаками, в результате и приводит, так сказать, к выпадению промежуточных, не столь устойчивых форм. Выпадением и бесследным исчезновением промежуточных звеньев в длинной цепи развития и объясняется отсутствие переходных форм между существующими видами.

Сказанное прекрасно поясняется схемой[1]), помещенной на стр. 11.

10. Выше я сказал, что движущей силой развития органического мира является борьба за существование, главнейшее содержание которой составляет пассивная конкуренция между видами. На естественно возникающий приэтом вопрос: чем же питается эта движущая сила?— ответ собственно уже заключается в вышеизложенном. Непосредственной причиной пассивной конкуренции является противоположность интересов борющихся видов. Каждому виду присуща способность безгранич-

[1]) См. К. Тимирязев. „Ч. Дарвин и его учение".

ного размножения. Поскольку эта способность стремится реализоваться, она угрожает гибелью всем другим видам, условия существования которых аналогичны условиям существования данного вида. Для них размножение данного вида равносильно лишению их условий существования, т.-е. их гибели. Такова непосредственная причина борьбы между видами; что же касается более глубокой, основной причины, то она заключается в противоречии между способностью видов к безграничному размножению или воспроизводству и между ограниченностью условий существования. Это-то основное противоречие и порождает противоположность видовых интересов, непосредственно питающих борьбу между ними. Если стремление каждого вида к безграничному размножению рассматривать как тезу, то ограничение этого стремления данными условиями существования будет антитезой, а переживание лишь наиболее приспособленных будет синтезой цикла диалектического развития, возобновляющегося с появлением каждого нового поколения особей вида.



„Предположим", говорит К. Тимирязев, „что потомство какой-нибудь видовой формы A уклоняется от нее по нескольким различным направлениям, что означено на нашем чертеже лучеобразно расходящимися чертами. В силу начала расхождения признаков, в общей борьбе, которая завяжется между этими видоизмененными потомками A, наиболее шансов на сохранение будут иметь формы, уклонившиеся по наиболее расходящимся направлениям (означенным на чертеже крайними чертами). Они, следовательно, вскоре оттеснят и заглушат формы средние, промежуточные между ними, и будут продолжать уклоняться все далее и далее. Но рано или поздно, с каждой из этих новых форм a', n' повторится тот же процесс, что и с A, в них обнаружится раскол, стремление образовать более или менее резкие уклонения. Из этих уклонений снова, предпочтительно перед другими, сохранятся самые крайние. Таким образом две формы a' n' дадут начало уже четырем: a^2, d, k, n^2. Эти в свою очередь снова раздробятся, и дадут начало восьми формам".

Соотношения размножаемости или воспроизводства сосуществующих видов, обусловленные степенью приспособленности этих видов к условиям их существования, в своей совокупности образуют структуру органического мира или органической среды, взятой в целом. Изменения физических условий существования органических форм являются исходными моментами изменений в соотношении воспроизводства видов и, следовательно, изменений в структуре органической среды.

Естественный отбор является формой выражения всех указанных процессов изменения.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхождение человека.

Человек—высшее из животных.

Учение о животном происхождении человека составляет вывод из научной биологии и основание для научной социологии.

Каждый, желающий составить себе правильное представление об явлениях физической, психической и социальной жизни человека, должен исходить в своих суждениях об этих явлениях из представления о человеке, как о животном. И для того, чтобы суждения эти были самостоятельны и неповерхностны, необходимо, чтобы высказывающие их лица имели обоснованное убеждение в животном происхождении человека, а не принимали бы тезиса об его происхождении на веру.

С целью помочь читателям, еще не составившим себе указанного обоснованного убеждения, ориентироваться в столь важном вопросе, как вопрос о животном происхождении человека, я постараюсь в нижеследующих строках наметить вехи того пути, идя которым, выдающиеся естествоиспытатели пришли к твердому убеждению в несомненности животного происхождения человека.

1. В своей „Системе Природы“, вышедшей в 1735 г., Линней, первый из естествоиспытателей, отвел человеку место в классе млекопитающих, объединив его с полуобезьянами и обезьянами в группу высших животных или приматов (Primates). Мы ошиблись бы, однако, если бы на этом основании приписали Линнею утверждение о животном происхождении человека. На вопрос, каким образом появились впервые бесчисленные породы животных, Линней, не желавший, повидимому, впадать по столь щекотливому обстоятельству в противоречие с господствовавшими религиозными воззрениями, отвечал уклончиво: „Существует такое количество различных пород животных, сколько различных первоначальных форм их создано было бесконечным творцом“.

2. Правильный, хотя и неполный (вследствие недостатка научных данных), ответ на поставленный вопрос дал французский естествоиспытатель Ламарк в 1809 г. в своей „Philosophie Zoologique". Он утверждал, что все существующие породы животных произошли одна от другой путем постепенной трансформации, и что, спускаясь по лестнице живых существ, мы дойдем до небольшого числа первичных форм (монад), образовавшихся путем произвольного зарождения. Человек, по утверждению Ламарка, не составляет исключения из общего правила и является результатом медленного превращения человекообразных обезьян, сходных с живущими ныне орангом и шимпанзе. Ламарком были указаны и основные моменты трансформации человекообразных в человека: приспособление к прямому хождению в связи с дифференциацией деятельности ног и рук, образование способности издавать членораздельные звуки и повышение степени умственного развития. На вопрос, каким путем совершается в природе превращение одних видов в другие, Ламарк отвечает: путем приспособления органов к условиям существования; изменение внешних условий заставляет животное изменять привычки, следствием чего должно являться усиленное упражнение одних органов и ослабленное упражнение или неупотребление других; в силу присущего всем организмам физиологического закона, по которому весь орган или часть его уменьшается или увеличивается по мере производимой работы, эти органы изменяются и приспособляются к новым условиям.

3. В 1859 году появилась теория естественного отбора Дарвина, *завершившая учение Ламарка. Согласно этой теории, движущей силой преобразования видов является не прямое влияние внешней среды, а борьба за существование, обусловливающая переживание наиболее приспособленных. Иначе говоря, по Дарвину, причиной преобразования видов является не прямое, а косвенное приспособление.*

Учение Дарвина и составляет в настоящее время ту общую научную основу, на которой подтверждаются, ставятся и разрешаются вопросы о родственных связях животных пород.

4. Еще в 1801 г. Ламарк установил понятие позвоночных животных (vertebrata), исходя из представления о генетическом единстве этой зоологической группы. Его соотечественник Кювье подтвердил правильность такого представления, включив позвоночных животных в качестве одной из четырех главных групп животного царства в свою систематику (которая, таким образом, заключала: позвоночных, мягкотелых, членистых и лучистых). Правильность предположения Ламарка и Кювье подтверждена в настоящее время неоспори-

мыми свидетельствами палеонтологии (науки об ископаемых остатках животных), сравнительной анатомии и сравнительной эмбриологии (или онтогении). Все авторитетные, стоящие на почве дарвинизма естествоиспытатели пришли, на основании указанных неоспоримых данных, свидетельствующих об обладании всеми позвоночными одним и тем же типичным строением тела и одним и тем же типичным расположением и взаимоотношением главнейших органов, к заключению, что *все позвоночные произошли от одного вида, представителей которого следует искать среди вымерших бесчерепных.*

5. Развитие группы позвоночных совершалось путем последовательного ответвления новых, более сложных форм. Позже других среди этих форм появилась высоко организованная группа *млекопитающих* (mammalia). На основании многочисленных и тщательных исследований родословной этой группы, занимавшиеся этим вопросом естествоиспытатели пришли к твердому убеждению, что все виды млекопитающих генетически связаны и происходят из единого корня. Внешним доказательством единства класса млекопитающих служит то обстоятельство, что все составляющие его виды имеют большое количество общих признаков, отличающих их от прочих классов животных. К этим признакам относятся: волосистость кожи и образование на ней желез, вскармливание детей молоком, особое строение нижней челюсти, наличие коленной чашечки, отсутствие клеточного ядра в красных кровяных шариках, диафрагма и др.

Анатомическое и гистологическое сравнение человека с классом млекопитающих, устанавливая полное его сходство по всем главнейшим признакам с отдельными видами этого класса, убеждает в несомненной принадлежности человека к млекопитающим.

6. Из сопоставления двух принятых нами положений,—из которых первое гласит: все породы млекопитающих образуют генетически единую зоологическую группу, а второе: человек обладает всеми признаками группы млекопитающих,—логически правильный вывод может быть только один: человек *генетически* связан с классом млекопитающих. А так как класс млекопитающих генетически связан со всею группой позвоночных, то, следовательно, и человек генетически связан с этой группой.

Таким образом, для утверждения факта животного происхождения человека вовсе не требуется непременное определение его отношения к высшим обезьянам. Для этого, как мы видели, достаточно констатирование *общего сходства* человека с классом млекопитающих.

7. Кого, однако, не удовлетворяет общее утверждение наличия генетической связи человека с млекопитающими, и он интересуется узнать, какова эта генетическая связь, с какою именно породою млекопитающих человек состоит в непосредственном родстве, тому для получения ответа на этот вопрос надлежит обратиться к специальному сравнению человека с отдельными породами класса млекопитающих.

Указанное специальное сравнение убеждает в том, что человек обладает наибольшим сходством с высшими, человекообразными, обезьянами.

Прежде чем перейти к определению этого сходства, необходимо дать общую характеристику указанной группы млекопитающих.

Из ныне живущих обезьян к человекообразным принадлежат: две азиатских формы — гиббон и оранг-утанг, и две африканских — шимпанзе и горилла.

Гиббон (Hylobates, по-русски — „лесной летун"). Живет на южноазиатском материке и на некоторых островах Малайского архипелага. Ростом меньше человека и других человекообразных, от которых значительно отличается общим видом. Самым характерным признаком гиббона является относительная длина рук, которые гораздо длиннее ног. Эта особенность гиббона находится в прямой связи с его образом жизни. Руки его представляют органы лазания, вполне приспособленные к условиям жизни в первобытном лесу. С их помощью он легко перебрасывает свое тело с дерево на дерево, совершая как бы полет по лесу. У гиббона лучше, чем у других человекообразных, развита способность держать тело во время хождения в полувертикальном положении. Гиббон — животное стадное. Живет довольно большими группами. Отличается общительным и веселым характером. Очень музыкален, невпример прочим человекообразным. Дарвин сообщает, что гиббон может производить тоны в правильной последовательности гаммы.

Оранг-утанг (Satyrus, по-малайски — „лесной человек"). Живет в настоящее время только на островах Малайского Архипелага — Борнео и Суматре. С виду неуклюж, покрыт клочьями рыжеватой шерсти, обладает чрезвычайно развитой челюстью и клыками. Характерной особенностью служат мешковидные образования около шеи (защечные мешки). При хождении опирается на тыльную поверхность рук, которые по длине уступают только руками гиббона. Живет небольшими группами-семьями.

Шимпанзе (Antropophitecus niger) живет в Америке, населяя обширные средние и южные области. Разновидности очень многочисленны. Подобно гиббону, принадлежит к стадным животным, живя небольшими группами.

Горилла (Anthropopithecus horilla). Область ее распространения ограничена в настоящее время западными берегами Африки. Разновидности также очень многочисленны. Строение тела, передних и задних конечностей и голова с сильно развитой челюстью и клыками в общем сходны с таковыми же оранга. Передвигается также подобно орангу. Живет семьями.

Сходство четырех перечисленных форм высших обезьян с человеком подтверждается:

а) *Сравнительной анатомией.* Естествоиспытатель Геккель следующими выразительными словами характеризует анатомическое сходство человека и человекообразных: „Те же двести костей составляют костный остов человека и четырех безхвостых обезьян, наших ближайших сородичей. Та же система из трехсот мускулов служит для приведения в движение отдельных частей скелета. Такие же волосы покрывают нашу кожу, те же молочные железы служат для вскормления ребенка. Такое же четырехкамерное сердце является центральным насосом, приспособленным для кровообращения. Те же 32 зуба в том же порядке заполняют челюсти. Те же органы размножения обеспечивают продолжение рода. Те же самые группы невронов или ганглиевых клеток составляют дивное строение нашего мозга и продуцируют ту высшую деятельность плазмы, которую называют „душой".

б) *Сравнительной эмбриологией.* Естествоиспытатель Селенка, обстоятельно изучивший развитие зародышей азиатских человекообразных (оранга и гиббона), доказал, что поразительные отличия образования плаценты, которые до сего времени были известны исключительно у человека и считались его типичною особенностью, имеют место в процессе зародышевого развития человекообразных и отсутствуют у всех прочих обезьян.

в) *Сравнительной физиологией.* Произведенные в течение последних лет рядом выдающихся исследователей опыты с кровяной сывороткой различных млекопитающих показали, что, если смешать кровь близких видов животных (например, собаки и лисицы), то живые кровяные клетки обоих животных остаются без изменения; если же смешать кровь животных не близких видов (например. лисицы и зайца), то кровяные клетки обоих животных вступают в упорную борьбу, пока клетки одного из животных не разрушат клеток другого. Опыты эти

открывают возможность, по реакции крови одних животных на кровь других, определить близость их родства. Следуя этому методу, доктор Фриденталь установил, что кровь человека оказывает разрушающее действие на кровь низших обезьян и других млекопитающих, но не на кровь человекообразных обезьян. Следовательно, близкое родство человека и высших обезьян несомненно.

8. На основании вышеизложенных данных *можно считать установленной генетическую связь человека с высшими обезьянами.* Однако, так как к ныне живущим высшим обезьянам принадлежат четыре различных формы, то естественно напрашивается вопрос: с какой же из этих четырех форм человек имеет наиболее близкое родство?

Принимая во внимание, что из всех антропоморфных обезьян гиббон всего более приспособлен к вертикальному положению, что сравнение эмбрионального развития гиббона свидетельствует о поразительном сходстве первых стадий этого развития с соответствующими стадиями развития человеческого эмбриона, и особенно принимая во внимание данные палеоэтнографии, т.-е. науки об ископаемом человеке, на поставленный выше вопрос мы можем дать только один ответ: в наиболее близком родстве человек состоит с гиббоном.

Для подкрепления сделанного вывода обратимся к данным палеоэтнографии. В 1894 г. голландец Дюбуа опубликовал статью, под названием „Pithecanthropus erectus“, о нескольких костях, найденных им на острове Яве. По высказанному им в этой статье мнению, найденные кости принадлежат промежуточной форме между антропоморфными обезьянами и человеком. Находка Дюбуа возбудила сильнейший интерес среди естествоиспытателей-археологов. Однако, по вопросу о том, кому принадлежат кости (два коренных зуба, бедро и черепной свод), мнения ученых разделились. Одни утверждали, что кости эти представляют остатки стоящего на весьма низкой ступени развития человека; другие оспаривали это мнение, утверждая, что кости принадлежат обезьяне. Восторжествовало третье мнение, мнение большинства, согласно которому ископаемые кости принадлежат форме, промежуточной между человеком и человекообразными обезьянами, а именно гиббонами. Правильность последнего мнения подтверждается тщательным сравнительно-анатомическим исследованием найденных костей. Вот краткие результаты этого исследования (заимствованные из книг известного французского археолога Габриэля де-Мортилье „Доисторическая жизнь“):

Зубы. Третий коренной зуб удаляется по своим размерам и по расхождению корней от соответствующего зуба человека, но в то же время не представляет сходства с аналогичными зубами антропоидов (человекообразных). Второй коренной также отличается от зубов человека и обезьяны, но отличие это менее глубоко.

Бедро. Очень приближается к человеческому, но отличается от него некоторыми признаками. Прежде всего поражает незначительная его толщина сравнительно с длиной. Этот признак резко отличает его от бедра больших антропоидов, но приближает его к бедру гиббона. Прямота этого бедра оправдывает название erectus (прямостоящий), данное ископаемой форме Дюбуа.

Черепной свод составляет из всех найденных костей наиболее важный объект для исследования: его одного достаточно, чтобы установить тип питекантропа. Тщательное и беспристрастное изучение его не позволяет сказать: „это череп человека". Еще менее можно сказать: „это череп антропоида". Форма эта чисто промежуточная между черепом самого низшего человека и черепами наших антропоидов. О промежуточном характере этой формы свидетельствует ее емкость, равная приблизительно 900—1000 куб. сант., т.-е. низкая по сравнению со средней емкостью черепа у самых первобытных человеческих рас[1]) и высокая по сравнению с емкостью черепов антропоидных[2]). Из числа последних к найденному черепу больше всего приближается череп гиббона.

Таким образом, сравнительно-анатомические данные устанавливают: 1) несомненное промежуточное положение Pithecantropus erectus'a (прямостоящего обезьяноподобного человека) между человеком и антропоидными обезьянами и 2) наибольшую родственную близость этой промежуточной формы к гиббону. Из последнего положения не следует, однако, что человек генетически связан непосредственно с одной из форм ныне живущих гиббонов. Весьма вероятно (и это мнение разделяется многими авторитетными учеными), что человек произошел в качестве самостоятельной ветви от одного из вымерших предков гиббона, от так называемого древнего гиббона (Prothylobates), живших в третичный геологический период.

Каким же образом от „лесного летуна" или от одного из его ближайших предков мог произойти сперва прямостоящий обезьяноподобный человек, а потом и настоящий человек (Homo sapiens)? Все данные говорят за то, что человек, прежде чем превратиться в животное

[1]) Например, у бушменов, средняя емкость черепа которых равняется 1240 куб. сант. (см. I. Ранке, „Череп", т. II).

[2]) Наибольшие величины емкости черепов антропоидных доходят до 600 куб. сант.

прямостоящее, прямоходящее и прямобегающее, предпочитающее жить не в лесу, а на открытых местах, долгое время был лазающим существом, обитающим в лесах, подобно ныне живущим человекообразным. Сделался он прямостоящим не потому, что постепенно научился ходить, а стал ходить потому, что сделался прямостоящим. Сделался же он прямостоящим потому, что под влиянием внешних условий изменил метод лазания. В процессе приспособления к лазанию по новому методу у него, под действием естественного отбора, постепенно дифференцировались конечности: из четырех хватательных конечностей (двух передних и двух задних) сохранились только передние, задние же, вследствие того, что большой палец утратил способность противопоставляться остальным, превратились в ступни ног. Автором гипотезы превращения предков человека в прямостоящих в процессе лазания по новому способу является Герман Клаач. „В первобытном лесу", говорит он, „наши предки никогда не стали бы людьми, а приобрели бы длинные руки, подобно антропоидным обезьянам. В местности же, в которой растут отдельные высокоствольные деревья, скорее может встретиться необходимость в такого рода лазании, которое делает для нас совершенно понятным своеобразное устройство человеческой ноги". Влезание на растущие особняком высокоствольные деревья и в настоящее время играет еще большую роль в жизни первобытных народов. Лазанье по деревьям очень распространено в Азии, Америке, Африке и особенно сильно в Австралии. Высокие деревья последней, среди которых на западе и юге материка эвкалипты занимают первое место, служат местопребыванием для лазающих и летающих сумчатых. Для человека они становятся доступными только в случае, если он взбирается наверх. Кроме сумчатых, добычею для него на деревьях служат птичьи гнезда и мед [1]).

Очевидно, что при влезании на отдельно стоящие, особенно толстые и гладкоствольные деревья, хватательная функция ноги не имеет

[1]) Способ лазанья в настоящее время усложняется применением вспомогательных средств, но, на ряду с этим, при влезании на нетолстые деревья, пользуются и самым примитивным приемом: туземец обхватывает руками ствол, поджимает ноги к животу, упираясь ими в дерево, и затем, перебирая руками, карабкается, подобно древесной лягушке, вверх. Если дерево очень толсто, то из ветвей или куска австралийской пальмы приготовляется нечто вроде каната или бича, длиною в 5—6 метров. Это приспособление носит название „камина". На одном конце его завязывается узел, а другой остается свободным. В левой руке держат узел, захлестывают камин вокруг толстого ствола и свободный конец его ловят правой рукой. Правой ногой затем упираются в дерево, протягивают руки вперед, тело отгибается назад, чтобы не прикасаться непосредственно к дереву, и подъем начинается. Камин закидывается все выше и выше. При влезании на особенно высокие и гладкоствольные деревья пользуются каменными инструментами. Камин прикрепляют к правому бедру, а инструментами вырубают насечки или ступеньки в коре, в которые и упираются большим пальцем ноги.

значения. В процессе влезания вся нога выполняет совершенно иную роль. Подошва ноги при этом выгибается в виде свода и начинает функционировать почти таким же образом, как присоски у других лазающих животных. Вследствие прижимания внутреннего края ноги, большой палец лишается свободы движения. При пользовании углублениями в коре, в них вставляется большой палец, который и принимает на себя всю тяжесть тела. В приспособлении большого пальца к новой функции при лазании и следует усматривать причину того, что человек обладает не только самым длинным, но и самым сильным большим пальцем ноги, сравнительно с другими животными.

Под влиянием описанного способа лазания преобразилась не только вся нога антропоидных предков человека, но и все тело. Так, прежде всего изгибы позвоночного столба человека находятся в причинной связи с механизмом лазания. Прямое положение головы стало возможным, благодаря балансированию. Увеличение веса черепа не могло при этом нарушать прямого положения. Увеличение размеров грудной клетки в поперечном направлении, развитие мышц в грудной и плечевой областях и, наконец, развитие самых рук сделаются вполне понятными, если мы примем во внимание работу, выпадающую при лазании на долю рук.

На ряду с указанными методами лазания, как способом добывания пищи, на превращение человека в прямостоящее животное не могло не оказать влияния также употребление и производство им орудий. В частности, при употреблении человеком орудий задние конечности развивались как опорные пункты, а передние как подвижные рукоятки орудий (камня, кости, палки).

Мы знаем теперь, каким образом в процессе своеобразного метода лазания антропоморфный предок человека („лесной летун“) превратился в антропопитека (Antropophitecus erectus). От последнего, как от формы промежуточной, путь к современному человеку лежит через неандертальского человека. В противоположность получеловеку-антропопитеку, неандерталец, этот низший представитель настоящего человека, принадлежит уже не третичному, а четвертичному геологическому периоду. Период этот подразделяется обычно на два отдела: дилювий и аллювий. Во время дилювия климат Земли был настолько холоден, что большая часть Европы и Северной Америки была покрыта мощным слоем материкового льда, наподобие современной Гренландии. Огромные массы льда направлялись во все стороны от центральной части Скандинавии. Они наполняли Балтийское и Немецкое море и через Данию и Голландию до нынешних устьев Темзы и Рейна; с другой стороны, они покрывали всю северо-германскую низменность

до Гарца, Рудных и Судетских гор. Польша и большая часть Европейской России также была покрыта материковыми льдами. Мощность льда, как предполагают, достигала местами до одного и даже до двух километров. Принадлежность человека к этой эпохе доказывается тем, что остатки его не восходят ранее ее начала. Как показывают многочисленные находки в пещерах, одновременно с человеком в эту эпоху жили многие, ныне уже вымершие млекопитающие, как-то: пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена, исполинский олень, мамонт, мягкошерстный носорог, лось, тур и др.

Остатки представителя древнейшей европейской человеческой расы были найдены в 1856 г. в Германии в окрестностях Дюссельдорфа в пещере оврага, называемого Неандерталем. Эти остатки состояли из черепного свода, обоих цельных бедер, почти цельных плечевых и локтевых костей, правой лучевой кости, левой половины таза, обломка правой лопатки и пяти обломков ребер. По общему признанию лиц, исследовавших эти кости, последние принадлежали человеку среднего роста с могучими мускулами. Из всех костей наибольший интерес представляет череп. Он отличается сильным развитием лобных пазух и надбровных дуг. Последние образуют сильно выдающуюся выпуклость, имеющую форму двух выдающихся сводов, сливающихся повыше носа. Лоб узок, низок и покат, под очень косым углом сливается с теменной полостью. Весь череп очень велик и имеет продолговатую форму. Емкость его равняется почти 1220 куб. сант.

Своеобразные особенности, отличающие скелет человека, найденный в Неандертальской пещере, оказались присущими и многим из последующих пещерных находок человеческих остатков. Поэтому, в виду типичного характера этих особенностей, археологами был установлен термин „Неандертальская раса“. С этим термином соединяется представление о самой низкой из известных человеческих рас. Она в высшей степени своеобразна и отличается от наиболее диких из современных народов, австралийцев и бушменов, в большей мере, чем эти последние от европейцев.

Принадлежность неандертальского человека к началу четвертичного периода доказывается найденными в том же геологическом слое, по соседству с Неандертальской пещерой, остатками носорога, большого пещерного медведя и пещерной гиены.

Таков палеоэтнологический, или ископаемый, человек. Как видно из предыдущего, генетическая связь его с антропоидными обезьянами устанавливается через древнего гиббона (Prothylobates) и антропопитека.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Человек и активное приспособление.

1. Основные положения современной материалистической социологии можно суммировать следующим образом:

процесс общественного развития представляет процесс развития генетически связанных между собой общественных форм, исходным пунктом развития которых является простейшая ассоциация;

производственные отношения, в которые вступают в силу условий своего существования элементы общественных форм, образуют структуру социальных форм;

исходным моментом развития производственных отношений, а следовательно, и развития всей социальной структуры, является развитие материальных производительных сил.

2. Сопоставляя указанные положения материалистической социологии с вышеизложенными заключительными выводами (пункт 10 предыдущего параграфа) материалистической биологии, нельзя не констатировать их сходства. Однако, было бы ошибкой на основании указанного сходства заключать о полной тождественности биологического и социального процессов развития. Для правильного понимания социального процесса необходимо учесть не только моменты его сходства, но также и моменты его отличия от процесса биологического.

Основное отличие социального процесса от процесса биологического заключается в том, что в то время как первый в целом представляет процесс активный, второй является процессом пассивным. Упустить из виду это обстоятельство—значит поставить себя в условия невозможности понять природу социального развития. Я уже выше указал на необходимость различать два вида приспособления: пассивное, или приспособление к среде, и активное, или приспособление среды. Если под приспособлением понимать подвижное состояние соответствия

свойств биологической или социальной формы свойствам соответствующей среды, то нетрудно, исходя из только что указанного содержания термина „приспособление", притти к теоретическому выводу о том, что возможны два пути или два метода приспособления: изменения свойств формы, как результат изменения среды, или изменение свойств среды, как основание для изменения в каком-либо отношении свойств формы. Первый метод представляет путь пассивного, а второй путь активного приспособления. Этот теоретический вывод подкрепляется практикой. Многочисленные животные активно воздействуют на среду, производя в ней при помощи своих природных органов необходимые для их сохранения и развития технические изменения (напр., постройка жилищ). Однако, среди животных активное приспособление имеет подчиненное и ограниченное значение в виду того, что они при техническом воздействии на среду пользуются естественными, а не искусственными орудиями воздействия или производства. Что же касается человека, то последний, вследствие развитой в нем естественным отбором способности употреблять и производить искусственные орудия, широко развил метод активного приспособления. О значении для развития человечества активного приспособления можно судить по его результатам. Вся область человеческой культуры представляет не что иное, как продукт активного приспособления.

3. С точки зрения социальных форм окружающую среду обыкновенно делят на географическую, или внешнюю, и социальную, или внутреннюю. Первую подразделяют на неорганическую и органическую. Таким образом, по отношению к социальной форме, с точки зрения указанного разделения, можно говорить о шести видах приспособления: о пассивном и активном приспособлении в отношении среды неорганической, о пассивном и активном приспособлении в отношении среды органической и, наконец, о пассивном и активном приспособлении в отношении среды социальной. Что касается соответствующих видов активного приспособления, то: а) в отношении неорганической среды активное приспособление сводится в общем к многообразным формам технического воздействия на эту среду; продуктом этой формы воздействия человека на среду является вся материальная культура, как совокупность материальных продуктов деятельности человека; б) в отношении органической среды активное приспособление сводится к бессознательному и сознательному искусственному отбору растительных и животных форм; продуктом этой формы воздействия на среду является органическая культура; в) в отношении социальной среды активное приспособление сводится к многообразным формам идеологического (це-

левого и нормативного) воздействия на эту среду; продуктом этой формы приспособления является социальная культура. Духовная культура, как совокупность продуктов духовного творчества человека, возникает и развивается, как элемент вышеперечисленных видов активного приспособления.

4. Что касается присущих человеку форм борьбы за существование, то по аналогии с формами борьбы, практикуемыми другими организмами, их можно разделить на три основные формы: прямую борьбу с врагами, прямую борьбу с условиями и конкуренцию. Выше мы видели, что для других органических форм только прямая борьба с врагами представляет активную борьбу, борьба же с условиями и конкуренция представляют преимущественно пассивные, косвенные формы борьбы за существование. Совсем иначе обстоит дело с человеком. Борьба с условиями и конкуренция для него являются не только пассивными, но также и активными формами борьбы, и притом со все более возрастающим значением по мере развития.

Первоначально мы рассмотрим формы борьбы человека с неорганической и органической средой, а потом перейдем к рассмотрению форм его борьбы с социальной средой.

5. Способность человека к активному приспособлению коренным образом отличает его отношение к природе по сравнению с отношением к ней других органических форм. В то время, как последние подчинены условиям своего существования, человек господствует над ними. Правда, господство это не абсолютно, а относительно. Однако, это не ослабляет его значения в жизни человека, в особенности, если принять во внимание, что степень его господства все более и более повышается. В то время, как прочие организмы остаются подчиненными условиям своего существования даже в прямой борьбе с врагами, не будучи в состоянии активно влиять на условия борьбы, человек во всех случаях борьбы за существование господствует в той или иной мере над условиями этой борьбы.

Чем же обусловливается это господство? Способностью человека производить орудия. Но орудие—условие существования человека. Следовательно, человек, производя орудия труда и борьбы и занимаясь производством и воспроизводством с помощью орудий труда средств существования, тем самым творит условия своего существования. Поскольку же он творит условия своего существования и поскольку творимые им условия существования приобретают все большее и большее значение в общей совокупности условий его существования, постольку повышается и степень его господства над средой, как суммой

условий существования. Последняя в отношении человека начинает дифференцироваться на среду естественную и среду искусственную, или творимую человеком. Искусственная среда возникает на основе естественной, растет и развивается за счет последней в результате более или менее планомерного воздействия человека на эту последнюю и образует как бы защитный по отношению к человеку слой.

Способность человека производить орудия, необходимые для производства средств существования, обеспечивающая ему возможность господства над условиями его существования, и составляет ту главнейшую особенность, которая резко выделяет человека среди других органических видов, видоизменяет по отношению к нему действие естественного отбора и обусловливает целый ряд других, производных, особенностей, речь о которых будет впереди.

6. Активное приспособление человека [1]) к неорганической среде весьма разнообразно и выражается, например, в том, что он использует силы природы при помощи соответствующих технических приспособлений, совершенствует естественные и создает искусственные сред-

---

[1]) Понятие „активное приспособление" не следует смешивать с понятием „активности". Активность свойственна всякому организму, обладающему способностью движения. Всякое животное активно, поскольку оно движется или совершает те или иные действия: питается, ловит добычу, нападает, защищается. Совершаемые животным действия или отправления его организма сопровождаются обычно теми или иными изменениями среды. Так, например, преследуя добычу, животное может топтать и уничтожать траву, ломать деревья и т. д. Испражняясь, оно может тем самым удобрить почву и т. д. Однако, все эти изменения, как следствие активности животного, не имеют ничего общего с активным приспособлением. Последнее представляет целесообразное (инстинктивное или сознательное) воздействие органической формы (муравья, пчелы, человека и т. д.) на среду, объективное значение которого заключается в улучшении среды, как условия существования организма, или, выражаясь иначе, в повышении степени приспособленности к его среде. Поясним это примером. Проведение железной дороги есть активное приспособление, т.-е. целесообразное и полезное для человека техническое изменение среды. Для людей, которые ею пользуются, значение железной дороги равносильно увеличению скорости их ног, скажем, в 500 раз, или увеличению способности их переносить тяжести, скажем, в 1000 раз. Следовательно, постройка железной дороги во много раз повышает приспособленность человека в определенных отношениях. Обобщая приведенный пример, можно сказать: всякое техническое изобретение или усовершенствование эквивалентно усовершенствованию в соответствующем отношении человеческого организма. Изобретение велосипеда эквивалетно усовершенствованию способности человеческого организма передвигаться. Изобретение аэроплана эквивалентно в отношении лиц, пользующихся им, способности летать. Вот почему выше мною было указано, что полезные изменения, совершающиеся в человеческом организме в результате воздействия на него среды (пассивное приспособление), и целесообразные изменения, производимые человеком в среде (активное приспособление), суть различные м е т о д ы повышения степени приспособленности человека к среде.

Из указанного вытекает, что а к т и в н о е приспособление представляет лишь определенную форму проявления активности органической формы, и что отожествлять эти понятия неправильно. Отожествлять их—значит сводить на нет различие между активным и пассивным приспособлением и тем самым лишать себя возможности понять положение, занимаемое человеком среди других организмов, и особенности форм, в которых проявляется действие отбора в отношении человека.

ства сообщения и сношения, сооружает всякого рода защитные приспособления, выявляя физические и химические свойства материи, пользуется ими для производства необходимых для удовлетворения его потребностей предметов и т. д. Целесообразно изменяя и преобразуя неорганическую природу, человек, с одной стороны, парализует отрицательные условия своего существования (одежда и жилище парализуют, например, влияние низкой температуры и тем самым открывают возможность существования человека на севере) и, с другой стороны, улучшает или создает новые положительные условия существования.

7. Активное приспособление к органической среде выражается прежде всего в том, что человек, занимаясь разведением одомашненных, т.-е. поставленных им в более благоприятные условия для их размножения, растений и животных, увеличивает средства своего существования. Далее, оно выражается в сознательном искусственном отборе растений и животных с целью усовершенствования их породы в желательном для него направлении. Сознательный искусственный отбор развился из простого разведения растений и животных, которое, в сущности, представляет не что иное, как бессознательный искусственный отбор, при котором человек играет роль слепой силы природы.

Искусственный отбор, особенно полезных растений, приобретает в настоящее время значение массового отбора, захватывая все новые и новые области сельско-хозяйственного производства. Такой же массовый характер приобретает и искусственный отбор не только в области полеводства, но также в области разведения крупного и мелкого скота. Искусственный отбор открывает перед человеком широкие горизонты. В будущем он несомненно приведет к тому, что творимые человеком новые растительные и животные виды постепенно вытеснят естественные, вредные или бесполезные для человека виды. Овладевая постепенно теоретически механизмом естественного отбора и совершенствуя благодаря этому методы искусственного отбора, человек превратится в творца и господина всего органического мира.

Постепенное овладение человеком органическим миром несомненно будет итти в ногу со все увеличивающимся техническим овладеванием землей, водой и воздухом, т.-е. возрастающим подчинением человеку неорганической природы.

Претворяя постепенно естественные условия своего существования в искусственные, подчиняя все более и более своему контролю производительные силы неорганической и органической природы, человек тем самым почти неограниченно увеличивает средства своего существования. Но увеличение средств существования ведет к увели-

чению емкости среды в отношении человека. Следовательно, характерное для всего органического мира противоречие между стремлением видов к неограниченному размножению и ограниченностью средств существования будет постепенно ослабляться в отношении человека вместе с ростом активного приспособления, т.-е. с ростом производительных сил, т.-е. с увеличением средств существования. Поскольку человек ограничивает и суживает действие естественного отбора в отношении органического мира, благодаря все большему применению искусственного отбора, постольку он ограничивает действие естественного отбора в отношении самого себя. Иначе говоря, он подвергает самого себя бессознательному искусственному отбору.

9. Мы кратко рассмотрели „борьбу" человека с неорганической и органической природой. Если борьбу других органических форм с неорганической или мертвой природой мы характеризовали, как одностороннюю, пассивную борьбу, то борьбу человека с этой природой следует охарактеризовать так же, как борьбу одностороннюю, но уже не в смысле пассивности, а в смысле активности. При „пассивной борьбе" других органических форм, последние представляют в сущности объект, на который воздействует природа. При „активной борьбе" человека роль объекта выпадает на долю природы. Далее, если борьба между органическими видами также сводится к пассивной борьбе („конкуренции"), то борьба человека, как вида, с другими органическими видами выливается преимущественно в формы активной борьбы. Другие органические формы противостоят человеку или как объекты, которых он уничтожает, или как объекты, которых он приручает, т.-е. подвергает слепому искусственному отбору, или, наконец, как объекты, которых он подвергает сознательному искусственному отбору. Что касается борьбы внутри человеческого вида, то последняя точно так же выливается в формы преимущественно активной борьбы. Иначе говоря, здесь так же, как и в отношении борьбы человека с неорганической и органической природой, развитие идет в сторону все увеличивающегося значения активного приспособления. Внутривидовая борьба выливается: а) в борьбу между „обществами", противостоящими друг другу, как самостоятельные, замкнутые системы общественных групп; б) в борьбу внутри общества между составляющими его группами (в классовом обществе—классами); в) в борьбу между членами групп.

10. Если в борьбе с внешней, т.-е. с неорганической и органической, природой перевес на стороне человека определяется тем обстоятельством, что он относится к условиям своего существования не пассивно, а активно, т.-е. преобразует естественные условия („естественную

среду") в искусственные („искусственную среду"), или, иначе говоря, творит материальные условия своего существования, то в борьбе социальной определяющим моментом являются именно эти творимые человеком материальные условия его существования. Однако роль, этого момента в социальной борьбе выступает в иной форме. В социальной борьбе решающим моментом является момент господства над творимыми материальными условиями существования или над „материальными средствами производства". Победа в борьбе социальной принадлежит тому, кто обладает средствами производства, кто владеет ими, кто является их „собственником". Кто является собственником материальных средств производства, тому принадлежат и производимые при помощи этих средств производства средства существования. Поэтому социальная борьба представляет прежде всего борьбу за средства производства. И подобно тому, как в борьбе с внешней природой человек одерживает верх потому, что он господствует над средствами производства, как средствами воздействия на естественные условия своего существования, так и в социальной борьбе одни люди одерживают верх над другими, потому что они господствуют над средствами производства, как средствами воздействия на условия существования других людей.

11. В период, когда средства производства еще примитивны, вследствие низкого развития техники, и общественные группы, внутренне однородны, что имеет место в эпоху господства родовой общественной организации, социальная борьба ведется между общественными группами в форме прямой борьбы за условия существования. В этой борьбе, при прочих равных условиях, одерживают верх общественные группы, наиболее приспособленные к условиям существования и борьбы, то-есть обладающие относительно наиболее совершенными средствами производства. Обладание наиболее совершенными средствами производства означает, при прочих равных условиях, соответственно высокий уровень развития производительных сил и, следовательно, средств борьбы. В этот период социальная борьба есть та же прямая биологическая борьба за существование, характеризуемая лишь тем, что она ведется внутри вида Homo sapiens. Социальный отбор, обусловливаемый этой борьбой, также является лишь естественным отбором, действующим внутри определенного животного вида.

В период же, когда, под влиянием развития производительных сил, обусловленного общественным разделением труда, развитием техники и развитием обмена, родовое общество начинает дифференцироваться и превращается в общество классовое, социальная борьба перестает быть борьбою только междуобщественною и делается, одновре-

менно, борьбою внутриобщественною. Последняя, т.-е. внутриобщественная борьба, выступает одновременно и как борьба между общественными классами, и как борьба внутриклассовая, т.-е. борьба между членами одного и того же класса. Связь междуклассовой борьбы со средствами производства, которыми располагает данное общество в целом, определяется тем особым отношением, в котором находятся общественные классы к средствам производства, или, выражаясь иначе, производственными отношениями. Если в родовом обществе обладание средствами производства является коллективным, т.-е. отношение всех членов общества к его средствам производства одинаково, то в классовом обществе обладание средствами производства индивидуально и имеет место не для всех членов общества, а, следовательно, и отношение членов общества к находящимся в распоряжении последнего средствам производства неодинаково. Одни члены общества владеют в качестве собственников средствами производства, а другие не владеют. Одни владеют средствами производства одного рода (например, землей), а другие—другого рода (например, скотом). Неодинаковое отношение членов общества к средствам производства определяет естественно и неодинаковую степень их приспособленности к внешним условиям существования. Собственники средств производства оказываются более приспособленными к условиям существования, чем несобственники. Собственники одних средств производства могут оказаться более приспособленными, чем собственники других средств производства. Собственники, обладающие большим количеством однородных средств производства, оказываются более приспособленными, чем собственники, обладающие меньшим количеством таких же средств производства, и т. д. Но если, таким образом, факт обладания или необладания средствами производства, а также качественные и количественные различия обладаемых средств производства, обусловливают различную степень приспособленности членов общества к условиям существования, то, следовательно, борьба за условия существования оказывается ближайшим образом борьбою за средства производства, борьбою за их обладание, за их качественное и количественное улучшение.

Таким образом, внутрисоциальная борьба определяется характером производственных отношений, как отношений, обусловливающих неодинаковую степень приспособленности членов общества к внешним, т.-е. физическим, условиям их существования.

12. Борьба классов как вид социальной борьбы. Классовая борьба, определяясь в своих исходных моментах неодинаковой степенью приспособленности общественных классов к внешним условиям

существования, обусловливается, кроме того, характером и степенью взаимозависимости классов. Дело в том, что классовое общество (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое) представляет не простую, механическую совокупность общественных классов, а определенную систему последних, т.-е. такую совокупность общественных элементов, в которой существование и функция каждого элемента предполагают существование и соответствующие функции всех прочих общественных элементов. Из факта взаимозависимости общественных классов следует, что, пока не изжиты объективные условия существования классовой общественной системы, борьба между классами, образующими данную общественную систему, не может быть направлена на физическое уничтожение других классов, т.-е. не может быть физической борьбой за существование. Физическое уничтожение какого-либо класса, в условиях, когда существующая общественная система не может перейти в высшую общественную систему, предполагающую существование иных составляющих ее элементов, имело бы одно из двух последствий: или регенерацию уничтоженного класса, или гибель всей системы.

Из сказанного следует, что помимо тех случаев классовой борьбы, когда последняя для одного из борющихся классов является борьбой революционной, т.-е. ведется в целях замены существующей общественной системы иной, более совершенной, классовая борьба представляет не прямую физическую борьбу между особями одного и того же вида, но борьбу между с у б ъ е к т а м и производственных отношений.

Борьба рабочего с предпринимателем за повышение заработной платы представляет борьбу между разнородными субъектами производственных отношений. Конкуренция между рабочими или конкуренция между предпринимателями также представляет борьбу между однородными субъектами производственных отношений. В этой борьбе одержат верх лица, наиболее приспособленные к условиям социальной борьбы в качестве субъектов общественных отношений. Те же лица, которые, как субъекты производственных отношений, окажутся наименее приспособленными к условиям классовой борьбы, или потерпят полное поражение, т.-е. погибнут, как субъекты соответствующих производственных отношений, или выйдут из борьбы ослабленными. Так, например, при конкуренции между двумя собственниками однородных средств производства победителем, при прочих равных условиях, окажется владелец технически более совершенных средств производства. Обладатель же менее совершенных средств производства или обанкротится, т.-е. погибнет как субъект-собственник средств производства, или, если и сохранится как субъект, то уже в деградированном виде, т.-е., например, в ка-

честве субъекта, попавшего в ту или иную форму экономической зависимости от первого. В борьбе между рабочими, как между субъектами производственных отношений, одержат верх рабочие, наиболее приспособленные к условиям конкуренции в качестве носителей рабочей силы. Менее приспособленный останется без места, т.-е. или деградирует, как субъект производственных отношений, на степень безработного, т.-е. резервного субъекта производственных отношений, или совсем перестанет быть субъектом производственных отношений, опустившись до положения лумпен-пролетария. Гибель данного лица, как субъекта производственных отношений, поскольку она связана с его полным выпадением из системы субъектов производственных отношений, может повести, в результате резкого понижения его степени приспособленности к внешним условиям существования в связи с указанным выпадением, к его гибели и как особи, т.-е. к физической гибели.

13. Пассивная и активная социальная борьба. Подобно тому, как в отношении внешней, неорганической и органической, природы мы говорим о пассивной и активной борьбе человека за существование, так и по отношению к социальной среде необходимо различать те же две формы борьбы за существование. Пассивная социальная борьба, или пассивная классовая борьба. имеет место во всех тех случаях, когда субъекты существующих производственных отношений ведут между собой борьбу, диктуемую их классовыми интересами, не выходя из рамок действующей системы производственных отношений, или, выражаясь иначе, когда действующая система производственных отношений не является объектом их борьбы. Такова экономическая борьба рабочих с предпринимателями, таковы вообще все формы профессиональной борьбы, такова, наконец, конкуренция между членами одного и того же класса. Что же касается активной социальной или классовой борьбы, то она имеет место в тех случаях, когда одни классы ведут борьбу за изменение или уничтожение существующей системы производственных отношений, а другие за ее сохранение. В данном случае нападающий или революционный класс, движимый своими социальными интересами, стремится изменить существующую систему производственных отношений, как совокупность социальных условий своего существования. Поскольку ему это удается и поскольку он на место уничтоженной системы производственных отношений устанавливает новую систему производственных отношений, постольку он является творцом новых социальных условий существования. Так, буржуазия вела борьбу с феодалами против существовавшей феодальной системы производственных отношений. Уничтожив феодаль-

ный государственный аппарат, защищавший феодальную производственную систему, она установила новую, соответствующую ее классовым интересам, буржуазную систему производственных отношений. Так, в наши дни пролетариат ведет борьбу с буржуазией, направленную против существующей буржуазной системы производственных отношений, с тем, чтобы установить новую, соответствующую его социальным стремлениям и повышающую степень его приспособленности к внешним условиям, систему производственных отношений. В отличие от пассивной, классовой или экономической, борьбы, активная социальная борьба представляет борьбу политическую.

Таким образом, различие между активной и пассивной формами классовой борьбы, т.-е. социальной борьбы, характерной для классового общества, сводится к тому, является или нет непосредственным объектом или целью этой борьбы изменение существующей системы производственных, а следовательно, и всех прочих, связанных с ними общественных отношений.

14. Социальные условия существования. Для того, чтобы сделать более понятными характер и значение активной социальной борьбы, необходимо остановиться несколько подробнее на вопросе о том, что следует разуметь под совокупностью социальных условий существования. Выше я указал на то, что классовое общество представляет не простую механическую совокупность, а систему общественных классов. Каждая классовая общественная система характеризуется наличием двух основных классов, образующих как бы ядро данной системы, и противостоящих один другому как классы-антагонисты, т.-е. как классы с непримиримыми социальными интересами. Так, для античного общества классами-антагонистами являлись: класс рабовладельцев и класс рабов, для феодального общества феодалы и крепостные и, наконец, для буржуазного общества классами-антагонистами являются капиталисты и пролетарии. Основные классы-антагонисты являются теми общественными классами, преемственное возникновение, а также развитие и исчезновение которых составляют кардинальную линию исторического развития. Возникновение класса рабовладельцев и класса рабов было связано с процессом разложения родовой, первобытно-коммунистической системы производственных отношений и явилось выражением процесса образования новых частно-имущественных, рабовладельческих производственных отношений Развитие этих классов означало развитие и укрепление новой, рабовладельческой, системы производственных отношений. Исчезновение этих классов означало вытеснение их новыми основными классовыми образованиями—

феодалами и крепостными и, следовательно, означало исчезновение рабовладельческих производственных отношений и возникновение феодальных производственных отношений. Развитие и исчезновение класса феодалов и класса крепостных означало развитие и исчезновение феодальной системы производственных отношений и замену ее капиталистическими производственными отношениями, возникновение которых было возникновением и новых основных классов—буржуазии и пролетариата.

Классы эти, несмотря на то, что они противостоят друг другу, как антагонисты, являются в то же время один по отношению к другому главнейшим социальным условием существования. Так, например, буржуазия, как класс, в обладании которого находятся все средства производства, а, следовательно, и средства существования, является условием существования для рабочего класса, как класса, лишенного средств производства и средств существования. И, наоборот, рабочий класс является условием существования для буржуазии, поскольку получение прибыли составляет классовую задачу буржуазии и поскольку производство, как способ получения прибыли, представляет процесс потребления рабочей силы.

Буржуазия, как класс собственников средств производства и средств существования, господствует над материальными условиями своего существования, и в силу этого представляет класс, материально наиболее приспособленный к внешним условиям существования. В то же время она является классом, который в рамках существующих, т.-е. буржуазных, производственных отношений господствует и над социальными условиями своего существования, т.-е. над другими классами. Приспособленность ее, как класса, к условиям своего существования определяется также тем, что она при наименьших затратах собственных физических и духовных сил, благодаря эксплуатации рабочего класса, получает возможность наиболее полного, по сравнению с другими классами, удовлетворения своих материальных и психических потребностей.

Рабочий класс, эксплуатация которого составляет основу классового бытия буржуазии, является для последней положительным условием ее существования. С отпадением этого условия буржуазия перестает существовать, как класс, как совокупность субъектов-собственников производственных отношений, как привилегированная, наиболее приспособленная к условиям существования общественная группа.

Пролетариат как класс, не обладающий ни собственными средствами производства, ни собственными средствами существования и участвующий в производстве лишь как обладатель собственных рук, не господствует в рамках существующей буржуазной системы производ-

ственных отношений ни над материальными, ни над социальными условиями своего бытия. По сравнению с другими классами он оказывается наименее приспособленным к условиям существования. Ценою максимальных затрат физической и умственной энергии он покупает минимальное удовлетворение человеческих потребностей. Однако, если сам пролетариат составляет положительное условие существования для буржуазии в виду того, что, с отпадением этого условия, буржуазия, как сказано было выше, принуждена будет изменить паразитический режим своего социального существования на трудовой, т.-е. понизить прежний уровень своего существования, то буржуазия для пролетариата составляет, хотя и необходимое, в рамках существующих производственных отношений, условие существования, но в то же время отрицательное, а не положительное. С уничтожением буржуазии, как класса, рабочий класс перестает быть объектом эксплуатации и, становясь коллективным собственником средств производства и существования, получает господство над условиями своего существования. Иначе говоря, уничтожая буржуазию, как класс, пролетариат уничтожает отрицательное условие своего бытия и тем самым повышает свой жизненный уровень.

Поскольку городская промышленность предполагает в качестве своего условия существование сельско-хозяйственной промышленности и, наоборот, поскольку последняя предполагает существование первой, постольку промышленная буржуазия и промышленный пролетариат, а также землевладельцы и земледельцы взаимно нуждаются друг в друге, как в условиях своего существования. Наконец, класс торговых посредников является условием существования всех прочих классов, а последние—условием существования первого. Рабочий класс получает заработную плату, которую при посредстве торговцев превращает в средства существования, т. е. в предметы городской и сельской промышленности, служащие удовлетворению его потребностей. Класс торговцев, для удовлетворения потребностей рабочего класса, осуществляет обмен продуктов городской промышленности на продукты сельского хозяйства.

Из сказанного ясно, что в рамках капиталистических производственных отношений все вышеперечисленные классы капиталистического общества составляют необходимое условие существования одни для других, но разной значимости. С переходом, в результате революционной борьбы пролетариата, капиталистической системы производственных отношений в социалистическую, все общественные классы исчезают, а вместе с тем отпадает классовая борьба, как вид социальной борьбы.

15. Взаимоотношение биологического и социального отбора. Подобно тому, как биологический отбор представляет переживание в борьбе за существование наиболее приспособленных к условиям борьбы, подобно этому и социальный отбор представляет переживание наиболее приспособленных к условиям социальной борьбы. Однако, существенное отличие социального отбора от биологического заключается в том, что объектом социального отбора является не органическая единица, не физическая особь, а единица социальная, субъект производственных отношений. При экономической конкуренции субъекты производственных отношений, наиболее приспособленные к условиям конкуренции, подвергаются положительному социальному отбору, сохраняются, как субъекты; другие же субъекты, менее приспособленные к условиям конкуренции, подвергаются отрицательному социальному отбору, т.-е. частично или полностью выпадают из системы субъектов производственных отношений. Следовательно, гибель субъекта производственных отношений не означает еще физической гибели лица. Лицо, подпавшее отрицательному социальному отбору, может, при изменившихся условиях, вновь сделаться субъектом определенных общественных отношений. Лицо, сделавшееся, например, безработным, перестает быть действующим субъектом производственных отношений, что не устраняет, однако, для него возможности вновь стать на работу при новых обстоятельствах. Но поскольку лишение работы означает лишение средств существования, постольку отрицательный социальный отбор может повести и к отрицательному биологическому отбору, т.-е. к смерти, например, от голода.

Из сказанного вытекает необходимость различать биологический и социальный отбор, как особые формы отбора. Было бы неправильно полагать, что социальный отбор представляет лишь видоизмененную социальной средой форму биологического отбора. Это было бы равносильно предположению, что, поскольку человек является членом общества и поскольку в качестве такового он подчинен действию социального отбора, постольку на него не распространяется действие биологического отбора, как такового. Подчиняясь действию социального отбора, человек в то же время не перестает быть и объектом биологического отбора. Социальный отбор действует, так сказать, в рамках биологического отбора. В самом деле, в случае физической гибели лица в результате неблагоприятного для него биологического отбора, оно вместе с тем автоматически выпадает и из сферы действия социального отбора. Подпадение же лица под действие отрицательного социального отбора вовсе не означает обязательного его уничтожения и как объ-

екта биологического отбора. Оно может физически погибнуть, но может и не погибнуть.

Взаимоотношение между биологическим и социальным отбором, по моему мнению, сводится главным образом к тому, что последний, т.-е. социальный отбор, играет по отношению к первому роль момента, благоприятствующего или неблагоприятствующего. Положительный социальный отбор, если он связан, например, с улучшением материального положения, т.-е., если он открывает для этого лица возможность лучшего удовлетворения его органических потребностей, несомненно будет благоприятным условием для данного лица, как объекта биологического отбора, ибо повышает его шансы на сохранение при прочих равных условиях. И наоборот, отрицательный социальный отбор, поскольку он означает понижение, например, степени удовлетворения физических потребностей лица, несомненно будет играть роль неблагоприятного условия для действия биологического отбора. Иначе говоря, социальный отбор, поскольку с ним связано изменение степени органической приспособленности индивида к условиям существования, имеет по отношению к биологическому отбору значение момента, влияющего на него положительно или отрицательно, т.-е. значение момента, способствующего или неспособствующего физическому сохранению индивида.

В классовом обществе, как мы видели выше, социальная борьба выливается в формы классовой борьбы. Соответственно этому и социальный отбор протекает в этом обществе в формах классового отбора.

16. Искусственный социальный отбор. В отношении отбора органических, растительных и животных форм различают, как на это было указано выше, отбор естественный, т.-е. отбор, совершающийся в природе механически, без вмешательства человека, и отбор искусственный, совершающийся при участии человека. При бессознательном участии человека мы имеем случайный или бессознательный искусственный отбор, а при сознательном, планомерном участии человека, мы имеем сознательный искусственный отбор органических форм. Что касается социального отбора, то последний, как отбор, совершающийся на основе производственных отношений, или, выражаясь иначе, отношений, в которые становятся люди в процессе активного приспособления к внешней среде, т.-е. в процессе создания искусственных материальных условий своего существования, представляет по существу своему отбор искусственный, совершающийся при косвенном участии самого человека.

Далее, рост активного приспособления к внешней среде связан, как известно, с техническим процессом. Изменение техники обусловли-

вает изменение технических отношений производства, т.-е. тех отношений, в которых находятся люди, как функциональные элементы производственного процесса, как процесса технического. Изменение технических отношений производства обусловливает, в свою очередь, изменение правоотношений производства. Изменение же правоотношений производства означает изменение положения людей, как субъектов производственных отношений, или, что то же, изменяет социальные условия их существования.

Поскольку изменение производственных отношений или социальных условий существования является следствием активного социального приспособления, постольку и социальный отбор, совершающийся в условиях активного социального приспособления, также представляет форму искусственного отбора, протекающего при косвенном участии самого человека. Изменяя сознательно материальные и социальные условия своего существования, человек бессознательно изменяет свою собственную природу.

Наряду с социальным отбором бессознательным, т.-е. таким, при котором изменение природы человека является простым следствием его сознательных стремлений к изменению материальных и социальных условий своего существования, имеют место и формы сознательного социального отбора. При этом отборе действия людей направляются не на изменение материальных и социальных условий с целью лучшего удовлетворения своих потребностей, но намеренно направляются на развитие или на отбор определенных физических или духовных свойств. Как на пример развития определенных свойств можно указать на систему школьного воспитания и образования. С указанной точки зрения школьную систему можно определить, как систему воздействий на подрастающее поколение, имеющую целью профессиональное и идеологическое их приспособления к условиям существования данной общественной системы. Как на примеры прямого отбора потребных индивидуальных свойств, можно указать на систему комплектования армий или личных составов некоторых учреждений. В данных случаях практикуется прямой отбор индивидов, удовлетворяющих определенным требованиям. В других случаях, как, например, в случае чистки партии, применяется другой метод отбора, метод исключения лиц, неудовлетворяющих определенным качествам.

Однако, все практикуемые методы сознательного социального отбора являются методами, которыми человек овладел не столько теоретически, сколько практически. В будущем, когда человек поднимется до надлежащего теоретического овладения механизмом органического и

социального отбора, он не только встанет на путь массового производства путем искусственного отбора растительных и животных форм, но встанет также на путь массового сознательного совершенствования человеческих индивидов, как посредством регулирования материальных и социальных условий своего существования, так и посредством соответствующих методов воспитания и образования.

Буржуазная наука, верная своему классовому лозунгу—сохранение существующей общественно-государственной капиталистической системы—ограничивает свою задачу объяснением существующего порядка, как разумного. Маркс же, как идеолог революционного пролетариата, видит задачу науки не в объяснении, а в изменении существующего. Отбору органических и социальных форм суждено быть тем рычагом, овладев которым, наука действительно окажется в состоянии изменить органический и социальный мир.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественный человек и социальный отбор.

1. Сотрудничество — основа активного приспособления. Активное приспособление или производство и воспроизводство человеком материальных условий своего существования, как целесообразно-планомерный трудовой, основанный на общественном и техническом разделении труда, процесс воздействия на внешнюю природу, возникло и развивается на основе общественного бытия человека. Только как общественное животное, как животное, способное к сожительству и сотрудничеству, человек оказался способным воздвигнуть на основе естественной среды мощное здание искусственной среды или материальной культуры и тем самым создать условия для совершенствования собственной социальной и духовной природы.

Если, таким образом, представление об общественной природе человека является необходимой предпосылкой для правильного понимания процесса его активного приспособления к внешней среде и для развития человеческого общества, то естественно возникает вопрос, откуда взялась, каким образом возникла самая общественная природа человека.

2. Общественная природа человека. Еще Аристотель в своей „Политике“ высказал положение о том, что человек животное общественное. Среди современных социологов это положение считается общепринятым. Не будет преувеличением сказать, что оно даже успело превратиться в одно из общих, избитых мест современной социологии. Однако, это признание для большинства социологов, т.-е. для буржуазных социологов, является чисто внешним. Они не делали и не делают всех теоретических и практических выводов, вытекающих из этого положения. Они не кладут этого положения во главу угла социологических построений. Для них оно

само по себе, а их теоретические построения сами по себе. Их социологические построения, как идеологов класса собственников, проникнуты разнообразными индивидуалистическими настроениями и тенденциями. Классовой природы этих настроений и тенденций они не понимают да и не способны понять в силу того, что классовая борьба, как таковая, не вводится ими, как конструктивно-методологический момент, в их построения. Вывести же свои индивидуалистические, абстрактно формулируемые положения из положения об общественной природе человека, также абстрактно ими понимаемого, им не удается просто потому, что положения эти противоречат одно другому. Поэтому-то их отношение к тезису об общественной природе человека и является чисто внешним. Для них это положение равносильно простому констатированию того факта, что человек живет в обществе. Да и для самого Аристотеля это положение имеет не большее значение.

3. Что касается социолога-материалиста, то для него указанное положение представляет не абстрактную, ни к чему не обязывающую и пустую формулу, а научный вывод и определенное методологическое указание. Для социолога-материалиста утверждение об общественной природе человека означает не только то, что человек есть элемент общества, а прежде всего то, что человек представляет продукт общества. Элементом общества он становится именно потому, что он является продуктом общества. Человек фактически не предшествует обществу. Исторически развитие человека покрывается развитием общества. Существование человека предполагает существование общества. Следовательно, понятие человека не может быть логической предпосылкой понятия общества. Как раз наоборот, понятие общества является логической предпосылкой понятия человека. Между тем, все без исключения буржуазные социологи, которые исходят из представления об обществе, как об аггрегате или совокупности взаимодействующих индивидов, молчаливо признают первичность понятия человека и производность понятия общества. В этом именно следует искать объяснения того видимого противоречия, что присущая им концепция исторического идеализма сочетается у них со столь примитивным, грубомеханистическим представлением об обществе. Их концепция исторического развития („идеи творят общественное развитие“) также логически вытекает из признаваемой ими первичности понятия человека, как самая идея этой первичности логически вытекает из их представления об обществе, как о механической совокупности людей. Если они утверждают, что люди составляют общество, то мы, социологи-материалисты, утверждаем, что не люди составляют общество, а общество со-

стоит из людей, подобно тому, как не клетки составляют организм, а последний состоит из клеток. Если, далее, они утверждают, что люди образуют (творят) общество, то мы утверждаем, что, наоборот, общество образует человека. Если, наконец, они утверждают, что общество есть продукт жизнедеятельности человека, то мы утверждаем, что человек есть продукт жизнедеятельности общества.

4. Основной методологический принцип буржуазных социологов в полном соответствии с признаваемым ими началом приоритета понятия человека, гласит: чтобы понять общество, исходи из человека [1]). Основной же методологический принцип материалистической социологии, наоборот, гласит: чтобы понять человека, исходи из общества. Человек, рассматриваемый вне его отношения к обществу, тем самым превращается в представлении исследователя в существо метафизическое и, следовательно, непостижимое.

Столь распространенная в XVII и в XVIII в.в. так называемая договорная теория общества, представителями которой являются Томас Гоббз, Джон Локк, Спиноза, Руссо и др., так же как и большинство современных буржуазных теорий общества, исходит из начала приоритета понятия человека над понятием общества, рассматривая общество, как результат договора людей, т.-е., как продукт жизнедеятельности человека. Согласно этой теории, человек первоначально был необщественным животным, но потом сознательно вступил на путь общественного существования. Современное состояние исторической науки, этнографии, а также данные палеоэтнологии устраняют какую бы то ни было возможность говорить о дообщественном состоянии человека. Поэтому в настоящее время договорная теория общества оставлена буржуазными теоретиками, и уступила место исповеданию аристотелевского догмата об общественной природе человека, хотя догмат этот находится, как указано было выше, в логическом противоречии с их теоретическими построениями.

5. Что касается современной материалистической социологии, то, как это вытекает из вышесказанного, она не ограничивается простым исповеданием тезиса об общественной природе человека, но последовательно пользуется им, как одним из основных методологических принципов, о чем свидетельствует содержание всех ее построений. Для нее общественный человек—„совокупность всех общественных отношений“ [1]), а не какой-то абстракт. Следовательно, для нее и самая социология есть не что иное, как наука об общественном человеке. В самом деле, ведь обществен-

[1]) См., например, у Франка „Очерки методологии общественных наук“.
[1]) См. VI тезис К. Маркса о Фейербахе.

ный человек—это субъект общественных отношений. Но изучать субъекта общественных отношений—не значит ли это изучать всю совокупность общественных отношений в их взаимоотношении и развитии? И, наоборот, говорить об изучении общественных отношений—не значит ли это говорить об изучении субъекта этих отношений, т.-е. общественного человека? Каждое данное общество представляет конкретную, исторически-определенную систему субъектов общественных отношений, т.-е. отношений, в которые люди, как элементы этой системы, вступают не произвольно, но в силу материальных условий своего существования и которые изменяются вследствие изменений этих материальных условий [1]). Из этого определения ясно что процесс изменения общественных отношений, исходными моментами для которого являются изменения материальных условий существования, есть, в то же время, процесс изменения субъекта этих отношений, т.-е. общественного человека. Иначе говоря, это единый процесс.

6. Что касается процесса развития общественного человека, то в интересах правильного его понимания не следует забывать, что человек есть животное и что в качестве такового он подчинен действию законов развития всего органического мира. Последний, как это показал Ч. Дарвин, развивается посредством естественного отбора. Следовательно, и общественный человек развился и развивается путем отбора. Притом он подлежит отбору в двояком качестве: как физическая особь, как Homo sapiens, и как социальная особь, как субъект общественных отношений.

Общественная природа человека проявляется в его склонности и способности к сожительству и сотрудничеству с себе подобными. Естественно, что те человеческие группы или племена, члены которых в большей степени проявляли способность к мирному сожительству и сотрудничеству, оказывались, при прочих равных условиях, лучше приспособленными к борьбе за существование и потому подвергались положительному отбору. „Когда два племени первобытных людей", говорит Дарвин [1]), „живущие в одной стране, сталкивались между собой, то племя, которое (при прочих равных условиях) заключало в себе большее число храбрых, сострадательных и преданных членов, всегда готовых предупреждать других об опасности, помогать и защищать друг друга,—без всякого сомнения должно было иметь больше успеха и покорить другое. Себялюбивые и сварливые люди не могут дер-

---

[1]) См. К. Маркс. Предисловие к „Критике политической экономии".

[1]) Чарльз Дарвин „Происхождение человека и половой отбор". Глава V.

жаться вместе, а без единения нельзя ничего достигнуть. Племя, обладающее перечисленными качествами в значительной степени, без всякого сомнения распространится и одержит верх над другими племенами". Умственные и нравственные способности человека, согласно Дарвину, также представляют продукт естественного отбора. Следовательно, человек не только как физическая особь, но и как субъект, как личность, как интеллектуально-моральная отдельность, как член общества—представляет продукт отбора.

Таким образом, на поставленный в начале настоящей главы вопрос: как возник общественный человек?—ответ может быть дан следующий: Homo sapiens с самого начала развился в процессе биологического и социального отбора, как человек общественный. Только в качестве общественного человека, человек оказался способным вступить на путь активного приспособления к внешней среде, на путь развития материальных производительных сил, этого главнейшего условия общественного развития.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Марксизм или материалистическая социология.

Сущность материалистической социологии формулирована К. Марксом в известном предисловии „К критике политической экономии". „Тот общий результат", говорит Маркс в этом предисловии, „к которому я пришел, и который затем служил руководящей нитью для моих исследований, можно вкратце формулировать следующим образом: в общественном производстве люди вступают в определенные, необходимые, независимые от их собственной воли, отношения, в производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, ту реальную основу, на которой поднимается юридическая и политическая надстройка, и которой соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает весь социальный, политический и духовный жизненный процесс. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, общественное их бытие определяет их сознание. На определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, если выбрать для этого юридическое выражение, с теми имущественными отношениями, в пределах коих эти производительные силы вращались до сих пор. Будучи вначале формами развития для этих производительных сил, эти отношения становятся их оковами. И тогда наступает эпоха социальной революции..." Приведенная выдержка из „Предисловия" показывает прежде всего, что исходным пунктом социологического анализа у Маркса является общественное производство, т.-е. процесс активного приспособления общественного человека к внешней среде. Сущность процесса активного приспособления, как мы видели

выше, заключается в том, что человек отчасти видоизменяет существующие материальные условия, отчасти творит новые материальные условия своего существования. Видоизменяя существующие и творя новые условия существования, человек тем самым расширяет и повышает условия своего существования; с одной стороны он ослабляет и, с другой стороны, видоизменяет в отношении себя действие естественного отбора; наконец, в меру своей активности, он освобождается от непосредственного подчинения условиям своего существования и вступает на путь господства над ними.

Взаимоотношения, в которые вступают люди, как участники общественного производства, так называемые производственные отношения, образуют в своей совокупности основу общественного бытия людей. Характер производственных отношений находится в строгом соответствии с уровнем развития материальных производительных сил и, прежде всего, орудий производства. Бросая ретроспективный взгляд на общественное развитие, мы убеждаемся, что в период господства родовой общественной организации общественное производство покоилось на системе первобытно-коммунистических производственных отношений, обусловленной примитивным характером средств производства, отсутствием или весьма слабым развитием общественного разделения труда, а следовательно и обмена. По мере развития разделения труда и обмена, а также технического совершенствования ручных орудий производства, развиваются формы производства, основанные на личной собственности на орудия и продукты производства. При этой форме производства субъекты производственных отношений противостоят друг другу, как самостоятельные мелкие собственники производимых ими товаров. Когда, вследствие дальнейшего развития обмена и техники, появляются крупные орудия производства, приводимые в действие силами природы, требующие коллективного труда и доступные лишь имущему меньшинству, а вместе с тем появляются и новые, крупные формы производства, предполагающие дифференциацию субъектов производственных отношений на собственников орудий производства, не принимающих участия в непосредственном производстве, и на рабочих—тогда наступает несоответствие производственных отношений уровню развития производительных сил: принцип частной собственности на средства производства сохраняется, а форма производства, обусловленная уровнем развития производительных сил, и природа продукта производства изменяются. Продукты производства превращаются из продуктов индивидуального труда в продукты обобществленного труда. С постепенным развитием крупного производства и оттеснением, в связи с этим, мелкого произ-

водства на задний план, увеличивается несоответствие между обобществленным производством и индивидуальным присвоением его продуктов собственником средств производства: развитие производительных сил задерживается вследствие того, что производство определяется интересами эксплуатации, а не интересами широких масс непосредственных производителей, уровень удовлетворения потребностей которых постоянно падает соотносительно с таковым класса эксплуататоров; классовая борьба обостряется и приближается момент революции, т.-е. перестройки всей системы производственных отношений в соответствии с достигнутым уровнем развития материальных производительных сил. При новой экономической структуре обобществленному труду корреспондирует обобществленная собственность на средства производства, и устраняются препятствия для дальнейшего развития материальных производительных сил.

Таким образом, согласно Марксу, общественное развитие в своих исходных моментах определяется развитием материальных производительных сил страны, т.-е. зависит от степени активного воздействия на внешние, физические условия существования. Развитие материальных производительных сил обусловливает возникновение новых форм производства. Последние, развиваясь, вытесняют старые, технически отсталые, менее совершенные формы производства. Поскольку новые формы производства носят в себе зародыш новых производственных отношений, соответствующих уровню развивающихся материальных производительных сил и поскольку, вследствие этого, в процессе роста новых форм, вскрывается их несоответствие с существующими производственными отношениями, возникает борьба между общественными классами, жизненные интересы которых связаны с экономически конкурирующими старыми и новыми формами производства. В классовой борьбе, как борьбе политической, выковываются новые формы общественного сознания, соответствующие новым формам производства и заложенным в них новым системам производственных отношений.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Соотношение дарвинизма и марксизма.

1. Сопоставляя дарвинизм и марксизм, как теории современных материалистической биологии и материалистической социологии, нетрудно убедиться на основании вышеизложенного, что логической связью между ними служит понятие активного приспособления. Благодаря этому понятию мы получаем возможность осознать теоретически целостно весь путь развития органического мира от простейших организмов до современного общественного человека. Благодаря стыку, образуемому понятием активного приспособления между дарвинизмом и марксизмом, можно, отправляясь от марксизма и спускаясь вниз по лестнице органического мира, прийти к дарвинизму и наоборот, можно, отправляясь от дарвинизма и направляясь вверх к общественному человеку, прийти к марксизму. Иначе говоря, дарвинизм и марксизм представляют части единого материалистического миропонимания.

Соотношение между дарвинизмом и марксизмом не следует, однако, понимать в смысле их отожествления. Марксизм не есть дарвинизм, механически перенесенный в область общественных отношений.

Марксизм покрывает дарвинизм, но дарвинизм не покрывает марксизма. Чтобы, исходя из марксизма, прийти к дарвинизму, надо исключить, постепенно элиминируя, активное приспособление. И, наоборот, для того, чтобы, исходя из дарвинизма, прийти к марксизму, необходимо включить, ввести, как фактор, активное приспособление. Активное приспособление представляет мост, который открывает возможность перехода от одной теории к другой.

2. Чтобы сделать более убедительным последующее изложение, необходимо лишний раз остановиться на вопросе о том, что следует понимать под активным приспособлением. Побуждает меня к этому сознание того, что многие, даже марксисты, в особенности из числа тех, которые не интересуются специально проблемами биологии, поскольку

им приходится сталкиваться с понятием активного приспособления, отожествляют это понятие с понятием активности. В частности, в этом меня убедили прения по моему докладу „Дарвинизм и марксизм", имевшие место в этом году в Научном Обществе Марксистов. Именно, большинство моих оппонентов указывали на то, что активное приспособление не составляет преимущественной особенности человека, но свойственно всем животным. Оппоненты в данном случае грешили смешением понятий активности и активного приспособления, что, как вытекает из всего вышеизложенного, не одно и то же. Активность, как проявление способности движения, или самостоятельного перемещения в пространстве, разумеется, свойственна в общем всему животному миру. Активное же приспособление есть особый вид активности и представляет целесообразное, более или менее планомерное воздействие на внешнюю среду. Понятие производства, как процесса хозяйственной деятельности, целиком покрывается понятием активного приспособления. Последнее свойственно, на ряду с человеком, и многим другим животным. Однако, активное приспособление человека отличается от такового других животных количественно и качественно. Активное приспособление человека представляет процесс сознательный, а прочих животных—инстинктивный. Постройка, например, муравейника, улья, нор и т. п. представляет деятельность чисто инстинктивную. Поднимаясь вверх по лестнице животного царства, мы встречаем у древнейших родоначальников человека, у человекообразных обезьян, зачатки сознательного активного приспособления. „Человекообразные обезьяны", говорит Дарвин, „руководимые, вероятно, инстинктом, строят себе временные платформы: но так как многие инстинкты в значительной степени управляются разумом, то более простые из них,— как, например, сооружение платформ, легко могли перейти в произвольные и сознательные действия. Известно, что оранг покрывается на ночь листьями панданса; а Брэм рассказывает, что один из его павианов имел привычку защищаться от солнечного жара, покрывая себе голову соломенной рогожей. В этих случаях мы видим первые начатки некоторых из простейших искусств,—грубую архитектуру и одежду, в той форме, в которой они развились впервые у древнейших родоначальников человека".

3. Активное приспособление человека характеризуется, далее, тем, что человек воздействует на внешнюю среду при помощи искусственных орудий, а не при помощи своих естественных орудий—конечностей, зубов и т. д., как это имеет место у прочих животных. Эта особенность человека послужила для Франклина основанием определить человека, как животное, делающее орудия. В отношении этой особенности ни один

автор, поскольку мне известно, не мог указать из среды животных предшественника человека. Приводятся лишь многочисленные случаи употребления обезьянами в качестве орудий камней, палок и т. п. предметов во время борьбы или при добывании пищи[1]). Ф. Энгельс совершенно правильно ставит способность человека производить орудия в связь с постепенным развитием его руки, которая представляет „не только орган труда, но и продукт его". „Никогда", говорит Энгельс[1]), „ни одна обезьяна не изготовила своей рукой хотя бы самого грубого каменного ножа. Те отправления, к которым, при переходе от обезьяны к человеку, на протяжении сотен тысяч лет наши праотцы мало-помалу приспособляли свою руку, вначале, конечно, были чрезвычайно несложны. Дикари, стоящие на самой низкой ступени развития,—даже те из них, у которых приходится констатировать возврат к животному состоянию, с одновременно совершающимся телесным вырождением,—все же стоят несравненно выше этих существ переходной стадии. Пока человеческой руке удалось сделать первый кремневый нож, должны были, пожалуй, протечь промежутки времени, в сравнении с которыми ничтожен весь известный нам исторический период. Но решительный шаг был сделан: рука стала свободна и могла приобретать все новую ловкость, совершенствоваться в мастерстве, и приобретенная вместе с тем большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению". Как ни значительна для всего развития человеческого общества способность человека производить орудия, она не образует, однако, непроходимой пропасти между человеком и другими животными. „Нет сомнения", говорит Дарвин, „что это различие весьма важно, но я нахожу весьма справедливым замечание Леббока, что когда первобытный человек употреблял кремни для каких-либо целей, они должны были иногда разбиваться, и он принужден был употреблять их острые обломки. Отсюда уже не велик шаг до произвольного раскалывания кремней и

[1]) „Брэм", замечает Дарвин, „опираясь на авторитет известного путешественника Шимпера, говорит, что в Абиссинии, когда павианы, принадлежащие к виду C. gelada, сходят толпой с гор опустошать поля, они иногда встречают толпы другого вида (C. hamadrylas) и начинают с ними драться. Первые скатывают на вторых большие каменья, которых гамадрилы стараются избежать, и затем оба вида с громким криком бросаются друг на друга. Брэм во время своего путешествия с герцогом Кобург-Готским участвовал в вооруженном нападении на толпу павианов в проходе Менза, в Абиссинии. Обезьяны эти начали сбрасывать с горы такую массу камней, из которых многие были величиной с человеческую голову, что нападающие были принуждены поспешно удалиться, и проход был фактически недоступен для каравана на некоторое время" (Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор). „Много раз", замечает Дарвин в вышецитированном сочинении, „было говорено, что ни одно из животных не употребляет каких бы то ни было орудий; между тем шимпанзе в естественном состоянии разбивает каменьями один из туземных плодов, похожий на грецкий орех".

[1]) Ф. Энгельс. От обезьяны к человеку.

затем до грубой обработки их. Последнее усовершенствование потребовало, впрочем, долгих веков, если судить по громадному промежутку до того времени, когда человек неолитического периода стал высекать и полировать свои каменные орудия. При раскалывании кремней, как замечает далее Леббок, должны были показываться и искры, а при трении должна была развиваться теплота. „Таким образом произошли два обычные способа добывать огонь“ [1]). Поскольку, таким образом, употребление готовых предметов в качестве орудий послужило исходным пунктом для развития способности человека производить орудия и поскольку способность пользоваться готовыми предметами в качестве орудий встречается у предшественников человека, постольку можно утверждать, что активное приспособление человека есть продукт длительного развития этой способности в ряду других животных. Сначала эта способность развивается как инстинктивная деятельность, направленная на техническое изменение среды при помощи органов животного. Затем, у вышестоящих животных развивается инстинктивная, переходящая в сознательную, способность пользования разными случайными предметами, как орудиями. И, наконец, у человека развивается, на основе пользования готовыми предметами — орудиями, способность производить орудия. Способность человека производить орудия, его способность к сотрудничеству, связанное с сотрудничеством разделение труда, как условие совершенствования орудий труда, и пользование силами природы для приведения в действие этих орудий — таковы главнейшие факты, которые обусловили колоссальное развитие активного приспособления человека к условиям его существования и все возрастающее его господство над ними.

4. Дарвину не чужда была идея социального приспособления. Однако, как специалист-биолог, он подошел к ней с точки зрения влияния активного приспособления на биологический отбор. Социальный отбор, как результат активного приспособления, остался вне поля его внимания, как не социолога. Он обращает внимание на видоизменяющее и на ограничивающее влияние на естественный отбор человека развития его умственных и нравственных способностей, поскольку, употребляя усвоенную нами терминологию, развитие этих способностей, связано с ростом активного приспособления. Он, например, сочувственно ссылается на Уоллеса, который, по его словам, „доказал, что после того, как человек отчасти усвоил себе те умственные и нравственные способности, которые отличают его от низших животных, его физическое строение могло изме-

[1]) Ч. Дарвин. Происхождение человека.

ниться лишь весьма незначительно, посредством ли естественного отбора или другими какими-либо путями, потому что в силу своих умственных дарований человек способен „поддерживать гармонию между изменяющимся телом и изменяющеюся вселенной“. Он обладает большой способностью приноравливаться к новым условиям жизни. Он изобретает оружие, снаряды и новые способы для того, чтобы добывать пищу и защищать себя. При переселениях в более холодный климат он защищает себя одеждой, устраивает убежища и разводит огонь; а при помощи огня варит пищу, иначе неудобоваримую. Он помогает своим собратьям разными способами, и предвидит будущие события. Даже в отдаленные века у него существовало некоторое разделение труда. Наоборот, низшие животные должны изменять свое строение, чтобы остаться в живых при значительно измененных условиях. Они должны были сделаться сильнее или приобрести более сильные зубы и когти, чтобы защищаться от новых врагов, или должны были уменьшиться, чтобы не быть замеченными и уйти от опасности. При переселении в более холодный климат они должны были покрыться более густым мехом, или изменить свое телосложение. Если бы они таким образом не изменились, то перестали бы существовать“ [1]). Таким образом оказывается, что под влиянием активного приспособления действие естественного отбора в отношении человека видоизменяется в том смысле, что объектами естественного отбора являются не столько физические, сколько умственные и нравственные свойства человека. Дарвин утверждает, что племя, насчитывающее наибольшее количество умственно и нравственно одаренных членов, оттеснит в борьбе за существование племена, обладающие меньшим количеством умственно и нравственно одаренных членов. С другой стороны Дарвин находит, что цивилизация противодействует во многих отношениях влиянию естественного отбора. „Человек“, говорит он, например, „наживает себе собственность и оставляет ее детям; таким образом дети богатых в борьбе за успех имеют преимущество перед бедными, независимо от телесного или душевного развития“. В данном случае, как и во многих других, Дарвин вплотную подошел к явлениям внутрисоциальной борьбы и внутрисоциального отбора. Однако, эти явления не послужили толчком для его мысли в направлении исследования этих явлений, как явлений социальных, как явлений, связанных с процессом социального развития. Для него они лишь обстоятельства, оказывающие „противодействующее влияние“ на биологический отбор. Иначе говоря, объект его внимания—человеческий

[1]) Ч. Дарвин. Происхождение человека, глава V.

индивид как биологическая особь, а не как субъект общественных отношений.

5. Если для Дарвина, как специалиста-биолога, явления активного приспособления представляют не что иное, как только явления биологического порядка, то для Маркса, как специалиста-социолога, эти явления представляют явления социального порядка.

Если для Дарвина они суть предел, в который упирается биологический отбор и, упираясь, изменяет свое направление, то для Маркса они не предел, а исходный момент для социального развития. Иначе говоря, там, где Дарвин кончает, там Маркс начинает.

Маркса интересует не влияние явлений активного приспособления на биологический отбор, даже не влияние биологического отбора на процесс первоначального роста активного приспособления, а самое активное приспособление, как процесс производства, как совокупность творимых самим человеком материальных условий его существования, развитие которых составляет основу всего общественного развития. И если Дарвина интересовал вопрос о том, каков механизм развития органического мира, развития, определяемого в его исходных моментах изменениями материальных условий существования организма, то Маркса интересует вопрос о том, каков механизм общественного развития, определяемого в своих исходных моментах развитием материальных производительных сил. Если Дарвина интересует эволюция органических форм, то Маркса интересует эволюция общественных форм, и прежде всего эволюция форм производства, поскольку она определяется развитием материальных производительных сил. С этой точки зрения, т.-е. с точки зрения эволюции общественных форм, самый общественный человек как субъект общественных отношений не является непосредственным объектом социологического марксистского анализа. Таковым служит именно общественная форма как обособленная совокупность субъектов общественных отношений.

Пассивная социальная борьба или конкуренция происходит именно между социальными формами, и результатом ее является отбор форм наиболее приспособленных, т.-е. наиболее соответствующих данному уровню развития материальных производительных сил. Субъекты общественных отношений подлежат положительному социальному отбору лишь постольку, поскольку они являются элементами форм, наиболее приспособленных и потому побеждающих в социальной борьбе.

6. Между дарвинизмом, как материалистическим учением о происхождении и развитии органических форм, и марксизмом, как материалистическим учением о происхождении и развитии общественных форм,

существует не только методологическое сходство, выражающееся в том, что дарвинисты и марксисты при изучении соответствующих форм исходят из начала их генетической непрерывности и начала обусловленности их развития изменениями в материальных условиях существования этих форм. Между ними, как на это было указано в начале настоящей главы, существует внутренняя логическая связь, а не только внешнее методологическое сходство. Внешнее сходство есть лишь проявление внутреннего родства. Дарвинизм и марксизм представляют части единого материалистического мировоззрения и, как таковые, логически взаимно обусловлены. Поскольку дан дарвинизм, постольку латентно дан и марксизм и, наоборот, поскольку дан марксизм, постольку латентно дан и дарвинизм. Поскольку, по выражению Г. Плеханова, „марксизм есть дарвинизм в его применении к обществознанию", постольку и дарвинизм есть марксизм в его применении к естествознанию.

Попытаемся выявить хотя бы в основных чертах указанную логическую связь между дарвинизмом и марксизмом, исходя, как из данного, из дарвинизма. В „Происхождении видов путем естественного отбора" Дарвин показал, что развитие растительных и животных форм определяется в исходных моментах изменениями в материальных условиях их существования. В „Происхождении человека" он показал, что человек происходит от человекообразных обезьян, т.-е. есть животное.

Если первое положение Дарвина принять за большую посылку силлогизма, а второе за малую посылку, то при их сопоставлении мы получим следующий вывод: развитие человека определяется в исходных моментах изменениями в материальных условиях его существования. Это первый вывод. Пойдем дальше.

Если в качестве первой посылки взять положение дарвинизма, согласно которому развитие органических форм совершается путем отбора, а в качестве малой посылки его положение, что человек есть животное, то мы придем к выводу: развитие человека совершается посредством отбора.

Если, далее, принять во внимание то обстоятельство, что человек развился, как животное общественное, т.-е. способное к сотрудничеству, и как животное, производящее орудия, т.-е. творящее материальные условия своего существования, то нельзя не прийти к выводу, что это обстоятельство вносит существенное изменение в условия существования и развития человека сравнительно с другими животными, а именно: во-первых, по мере роста активного приспособления, развитие человека все

в большей и большей степени определяется создаваемыми им самим изменениями в материальных условиях его существования; во-вторых, развитие человека совершается посредством отбора, действующего не непосредственно, а косвенно, как элемент различных социальных форм.

Суммируя вышеизложенные выводы и принимая во внимание квалификацию человека, как животного общественного и производящего *орудия*, все сказанное можно резюмировать в следующих положениях:

а) развитие растений и животных совершается путем отбора и в своих исходных моментах определяется изменениями в материальных условиях их существования;

б) человек есть животное общественное и производящее орудия, т.-е. активно воздействующее в сотрудничестве с другими людьми на условия своего существования;

в) развитие человека, как животного общественного, совершается путем социального отбора и в своих исходных моментах определяется развитием материальных производительных сил или степенью активного приспособления человека к внешней среде.

Таким образом, активное приспособление представляет тот логический момент, через который устанавливается связь дарвинизма с марксизмом и открывается возможность логического перехода от одного к другому.

Для более полного и точного определения взаимоотношения дарвинизма и марксизма требуется, предварительно, точное определение взаимоотношения биологического и социального отбора. Однако, это не входит в задачи настоящего очерка, цель которого заключается лишь в попытке подойти к проблеме взаимоотношения дарвинизма и марксизма.

7. Если исходить из наличия логической связи между дарвинизмом и марксизмом, как частями единого материалистического миропонимания, то очевидно, что всякий, считающий себя в области естествознания дарвинистом, не может не быть, оставаясь логически последовательным, марксистом в области обществознания. И наоборот. Нельзя, считая себя марксистом и будучи логически последовательным, не быть дарвинистом. Против этой очевидности грешат, например, буржуазные дарвинисты (напр., Бенжамен Кидд „Социальное развитие“), считающие, что социалисты, а, следовательно, в том числе и марксисты, стремясь уничтожить конкуренцию, т.-е. борьбу за существование, впадают в противоречие с наукой, которая утверждает, что борьба за существование есть движущая сила развития. Причина заблуждения буржуазных дарвинистов заключается в неправильном понимании ими как дарвинизма,

так и марксизма. В частности, Б. Кидд суживает понятие борьбы за существование до одного из видов этой борьбы, до прямой физической борьбы. Именно эту борьбу он считает „движущей силой“ развития.

Наличие внутренней связи дарвинизма с марксизмом подтверждается и способом доказательства от противного. Социологическому идеализму в области биологии соответствует так называемый витализм. Сущность последнего заключается в утверждении, что развитие организма определяется не механическими причинами, как-то: естественным отбором, или изменением организма под непосредственным влиянием на него внешней среды, но действием внутренних сил, заложенных в самом организме, как таковом. Одни авторы определяют эту внутреннюю причину развития организма, как жизненную силу (vis vitae, vitalis), другие как энтелехию (внутренняя целесообразность), третьи, как, например, проф. Лосский, как психоид, четвертые, как, например, проф. Берг, как изначальную целесообразность (см. его „Номогенез или эволюция на основе закономерностей“, Труды географического Ин-та, том I, 1922 г.) и т. д.

Современный витализм воскрешает теорию „конечных целей“, давно сданную в архив дарвинизмом.

Чем объяснить этот новый поход против дарвинизма? Он представляет не что иное, как буржуазно-идеологическую реакцию на октябрьскую революцию. Дарвинизм был оружием революционной буржуазии. Она действовала им против феодально-теологической идеологии. Теперь, когда буржуазия сделалась реакционной и когда пролетариат с успехом пользуется дарвинизмом в борьбе с реакционно-буржуазной идеологией, буржуазия выдвигает нео-витализм, с целью обезвредить и ослабить силу дарвинизма. У нас вслед за октябрьской революцией среди мелкобуржуазной интеллигенции, не принявшей октября, стало наблюдаться на почве психической подавленности массовое идеологическое бегство в лагерь идеализма. Многие старые и испытанные дарвинисты и естественно-научные материалисты вдруг почувствовали непреодолимое влечение—кто просто к ортодоксальной религии, кто к витализму, кто вообще к идеалистической философии. Я объясняю это, на основании личных наблюдений, следующим: не понимая и не приемля пролетарской революции, они не могли принять и ее идеологии, т.-е. марксизма; неприемлемость эта выразилась в отходе от материализма и в уходе в религию и церковь; отход на линию идеализма в области понимания общественных явлений оказывался в противоречии с их профессиональным материализмом, т.-е. с дарвинизмом, которого они придерживались как врачи, как биологи научные работники, или—как биологи-препода-

ватели. И вот, в стремлении преодолеть противоречие между идеализмом или антимарксизмом в социологии и дарвинизмом в естествознании, они вступают на путь ревизии дарвинизма, очень легко и быстро „убеждаются" в несостоятельности последнего, как „уже устаревшей" теории, и переходят в лагерь виталистов, т.-е. на линию идеализма в естествознании. Когда в связи с новой экономической политикой упадочное настроение стало сменяться реставрационным, витализм перешел по отношению к дарвинизму в наступление. Таким образом, переход на линию идеализма в социологии с логической необходимостью повлек за собой переход на ту же линию в естествознании и тем самым вскрыл в своеобразной форме логическую связь между материалистической биологией и материалистической социологией.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

Материалистическая социология.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Размежевание социологии с биологией и психологией.

Наука, как и природа, составляющая объект научного исследования, едина и по существу неделима. Единство науки находит свое выражение в научном мировоззрении. Размежевание науки на отдельные дисциплины так же условно, как и размежевание природы на отдельные части. Подобно тому, как последнее обусловливается интересами хозяйственной деятельности человека и вытекает из разделения труда, размежевание науки точно так же, обусловливаясь в своих исходных моментах практическими, хозяйственными интересами, связано с разделением труда. Значение разделения труда в области научного исследования имеет такое же значение для развития последнего, как и разделение труда в других областях человеческой деятельности. Оно является одним из главнейших условий развития науки. Однако, для успешного развития науки в целом необходимо, чтобы отдельные научные дисциплины не утрачивали в лице своих представителей сознания своего единства с другими дисциплинами, чтобы на свое размежевание они смотрели как на условное, а не абсолютное, и чтобы самое размежевание производилось целесообразно, т.-е. в соответствии с теоретическими и практическими интересами научного исследования.

Социологии, как особой научной дисциплине, приходится размежевываться, с одной стороны, с биологией и, с другой стороны, с психологией. Как область знания, вступившая в фазу своего научного развития несколько позже сравнительно с биологией и психологией, социология вынуждена вести борьбу со своими соседками за самостоятельное место в ряду других дисциплин. Как свидетельствует опыт этой борьбы, задача размежевания социологии с ее соседками не из легких. Тем не менее она должна быть разрешена, так как ее надлежащее разрешение является необходимым предварительным условием успешного развития социологии, как научной дисциплины.

Размежевать социологию с биологией и психологией—это значит, прежде всего, точно установить основные признаки „социального явления". Попытаемся сделать это.

Процесс естественного отбора развил человека, подобно некоторым другим животным, как животное общественное, т.-е. как животное, склонное и способное к сожительству и сотрудничеству с себе подобными. Можно ли, однако, основываясь на этом факте, признать явления сожительства и сотрудничества за исходный момент социологического исследования? Вообще говоря, можно, поскольку нельзя провести абсолютной границы между человеком и другими животными. Однако, центр тяжести вопроса должен лежать не в плоскости возможного, а в плоскости целесообразного. То, что это возможно, об этом свидетельствуют примеры некоторых авторов, например, Эспинаса. Вопрос следует ставить так: целесообразно ли с теоретической и с практической точек зрения исходить в социологическом анализе из явлений сожительства и сотрудничества в мире животных вообще, или целесообразнее ограничиться исследованиями явлений сожительства и сотрудничества только людей? Дело в том, что с первого взгляда может показаться, будто в данном случае речь идет лишь об объеме содержания социологии, как науки, т.-е., о том, надлежит ли социологии быть только наукой об общественном человеке, или ей надлежит быть наукой об общественных животных вообще. Однако, при более глубоком отношении к вопросу оказывается, что в данном случае речь идет не об объеме содержании социологии, как науки, а об однородности ее содержания. В самом деле, если признать, что явления сожительства и сотрудничества, поскольку они присущи другим животным, однородны по существу с явлениями сожительства и сотрудничества людей, то в таком случае нет решительно никаких серьезных оснований для того, чтобы ограничивать задачу социологии исследованием явлений сожительства и сотрудничества только у людей. Если же указанные явления признавать неоднородными, то, несомненно, все говорит за целесообразность невключения в содержание одной науки по существу разнородных, хотя внешне, быть может, и сходных, явлений.

Для получения надлежащего ответа на вопрос об однородности или разнородности явлений сожительства и сотрудничества у людей и у других животных следует обратиться к анализу соответствующих явлений.

Что касается отношений сожительства и сотрудничества у таких животных, как муравьи, пчелы, бобры, или у так называемых стадных животных, то мы не обладаем достоверными данными для точного

суждения о характере этих отношений: все ли отношения сожительства и сотрудничества у животных инстинктивны или, в зависимости от ступени, занимаемой животными в лестнице животного мира, мы можем, на ряду с отношениями инстинктивными, констатировать и наличие сознательных отношений. Когда мы говорим о сознательности или бессознательности отношений у животных (по крайней мере у высших), то, за неимением непосредственных и точных данных, мы обычно рассуждаем об этих отношениях по аналогии с человеческими отношениями. Когда же речь идет об отношениях между людьми, то для суждения о том, какие из них сознательны и какие инстинктивны, мы всегда располагаем или можем располагать непосредственными данными, позволяющими в каждом отдельном случае констатировать наличие или отсутствие в деятельности человека целевого момента.

Таким образом оказывается, что при суждении о том, инстинктивны или сознательны отношения людей, нам приходится применять один метод, а при суждении о характере отношений сожительства и сотрудничества у животных—другой. В первом случае мы применяем метод непосредственного констатирования, а во втором случае метод суждения по аналогии или на основании косвенных данных. Следовательно, даже в тех случаях, когда мы не противопоставляем явления сожительства и сотрудничества у животных как явления инстинктивные явлениям сожительства и сотрудничества у людей как явлениям сознательным, а склонны, в силу тех или иных оснований, сопоставлять определенные отношения у животных, как явления сознательные, с соответствующими отношениями людей,—явления эти оказываются разнородными с методологической точки зрения.

Если бы сравнение человеческих и животных отношений исчерпывалось этим различием, то им, пожалуй, можно было бы и пренебречь. Однако, указанным не исчерпывается различие между отношениями у людей и отношениями у животных с методологической точки зрения. Дело в том, что если выделить область только сознательных отношений людей, то это не дает еще основания поставить знак равенства между понятиями „отношения людей“ и „общественные отношения“. Не всякое отношение людей есть общественное отношение. Половое общение есть „отношение людей“, но не всякое половое общение есть „общественное отношение“. Убийство человеком человека тоже „отношение людей“, но не всякое убийство есть „общественное явление“. Драка есть „отношение людей“, но не всякая драка есть „общественное отношение“. Понятие „общественное отношение“ уже понятия „отношение людей“. Что же должно служить признаком для разграничения этих понятий?

Человеку присущи пять основных жизненных функций: питание, воспроизведение, защита, познание и добывание средств существования. Функции эти необходимы для существования человека, и потому осуществление их составляет основное содержание также и явлений сожительства и сотрудничества. Так как абсолютная свобода в выборе методов осуществления функций несовместима с условиями сожительства и сотрудничества, то естественный отбор дисциплинировал индивида, подчинив его поведение интересам целого (аггрегата). Примат аггрегата над индивидом выражается в том, что первый в своих (т.-е. общих) интересах нормирует и контролирует осуществление индивидами их жизненных функций. Поскольку эти функции нормируются и контролируются, т.-е. поскольку они согласованы с интересами целого и служат его благу, постольку вытекающие из осуществления этих функций отношения индивидов суть „общественные отношения", а сами функции суть не только индивидуальные, но и социальные, ибо от их осуществления определенными методами зависит также и благополучие аггрегата. Момент нормирования „отношений людей" и является моментом, превращающим соответствующие отношения в „общественные отношения": половое общение—в брачные отношения, убийство—в преступление, драку—в войну. Таким образом, в результате вышеизложенного оказывается, что „отношение между людьми" лишь тогда может квалифицироваться как „общественное отношение", когда ему присущи два идеологических момента—целевой и нормативный.

Обращаясь, после сказанного, к сравнению отношений людей и отношений животных, мы должны констатировать, что если бы даже мы и признали возможным допустить предположение о существовании у животных сознательных отношений сожительства и сотрудничества, а также нормативных переживаний, то у нас нет средств удостовериться в этом, ибо мы не пчелы, не муравьи, а люди. Следовательно, остается признать, что исходным пунктом социологического анализа надлежит считать „общественные отношения" людей в указанном выше смысле, а не отношения сожительства и сотрудничества вообще. Последние, поскольку они не суть „общественные отношения", т.-е. поскольку мы не можем констатировать у них наличия нормативного идеологического признака, должны быть объектом биологического, а не социологического исследования. Определив пределы социологического исследования, обусловленные природой „общественных отношений", мы тем самым провели и межевую черту между социологией и биологией.

Теперь необходимо обратиться к размежеванию социологии и психологии. Во избежание путаницы здесь необходимо начать с предвари-

тельного разграничения психологии индивидуальной и психологии коллективной, т.-е. психологии, задачи которой определяются анализом психической организации индивида, и психологии, задачи которой определяются анализом как механизма психических взаимодействий индивидов, так и продуктов этого взаимодействия, т.-е. анализом обезличенного (лишенного субъективной окраски) или, говоря иначе, группового, классового („социального", „надъиндивидуального") сознания. Поясним смысл и значение указанного разграничения на примере противопоставления понятий „права субъективного" и „права объективного". Создала и развила эти понятия практика, нуждающаяся в них для каждодневного употребления. Отмахнуться от установленного практикой разграничения этих понятий наука не может. Она должна осознать, „объяснить" это разграничение. И она стремится к этому, пытаясь в лице теоретической юриспруденции разрешить эту проблему. „Субъективное" право—это конкретные правовые переживания, т.-е. правовые переживания определенных лиц; переживания, результатом которых являются те или иные индивидуальные правовые действия. „Объективное" право—это обезличенная правовая норма, определяющая массовое (групповое, классовое) правовое поведение. Первое—явление индивидуально-психологического порядка, второе—социально-психологического. Или, выражаясь иначе, первое—явление субъективно-идеологического порядка, а второе—объективно-идеологического. Совокупность данного рода „объективных" в указанном смысле норм и входит в содержание „социального" (группового, классового) сознания.

Обращаясь вновь, после предварительно произведенного разграничения индивидуальной и коллективной психологии, к размежеванию социологии и психологии, мы убеждаемся на основании результатов только что сделанного разграничения, что в данном случае речь может итти лишь о размежевании социологии и коллективной психологии. Если последняя имеет дело с „социальным сознанием", т.-е. с обезличенными интеллектуальными продуктами социальной практики, то социология имеет дело с самой социальной практикой, т.-е. с совокупностью общественных отношений. Выше мы сказали, что всякому общественному отношению присущи идеологические (целевой и нормативный) моменты. В развитие этого положения следует добавить, что нормативный момент присущ общественному отношению, как момент объективно-нормативный. Обусловленность общественных отношений объективно-нормативным моментом есть выражение функциональной связи индивида с группой, ибо все общественные отношения суть социально-функциональные отношения. Объективная норма, как отражение и выражение социально-

функциональной связи, есть идеологически кристаллизованная коллективная воля, господствующая над индивидом; воля, которая диктуется сознанию индивида фактом его принадлежности к коллективу. В то же время она та необходимость, которая диктуется коллективу условиями его существования.

Таким образом, мы отмежевали социологию и в отношении объекта исследования, и в отношении методологическом от непосредственно граничащих с ней наук — биологии и коллективной психологии.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Конструктивно-идеологические элементы социальной организации: задачи, нормы и право.

1. Задачи, которыми определяется деятельность организации, нормы, регулирующие поведение членов организации, и правоотношения, связывающие членов организации, образуют в своей совокупности идеологический скелет социальной организации.

Задачи организации вытекают из условий ее существования. Социальные нормы и правоотношения, как элементы идеологического скелета организации, возникают и изменяются в строгом соответствии с ее задачами, именно: социальные нормы обусловливаются задачами, а правоотношения обосновываются соответствующими нормами.

Таким образом, исходным моментом изменений, которые последовательно претерпевают элементы идеологического скелета социальной организации, являются изменения, совершающиеся в условиях существования социальной организации. Иначе говоря, идеологический скелет социальной организации развивается в процессе приспособления организации к условиям ее существования.

Из вышеизложенного вытекают два руководящие методологические указания:

а) при изучении каждого последующего элемента идеологического скелета надлежит исходить из момента его обусловленности предшествующим:

б) при изучении изменений, претерпеваемых идеологическим скелетом в целом, надлежит исходить из анализа изменений в условиях существования организации.

2. Задачи. Поскольку даны условия существования организации, постольку объективно даны и задачи ее деятельности. Если задачи, вытекающие из условий существования организации, не осознаны

последней, они являются задачами потенциальными. Поскольку они становятся достоянием сознания организации, постольку они перестают быть задачами потенциальными или латентными и превращаются в задачи актуальные.

Степень соответствия или адекватности актуальных задач задачам потенциальным зависит от степени полноты и точности учета организацией условий своего существования.

3. Социальные нормы. Поскольку даны задачи деятельности организации, постольку объективно даны и правила целесообразного, т.-е. необходимого для успешного осуществления задач, поведения членов организации. В меру осознания организацией условий своего существования и вытекающих из них задач, ею сознаются и вытекающие из этих задач правила или нормы должного поведения. Таким образом, поскольку даны определенные условия существования организации, постольку потенциально даны не только соответствующие этим условиям задачи деятельности, но также и соответствующие задачам нормы поведения. Задачи деятельности и нормы поведения суть не что иное, как отраженные и преломленные в сознании организации условия ее существования. В сознании членов организации как таковых нет ничего, что предварительно не заключалось бы в условиях существования организации.

Поскольку организация в целом или отдельные ее члены не понимают зависимости задач деятельности и норм поведения от условий существования, постольку им присуща иллюзия, будто задачи и нормы устанавливаются произвольно, т.-е. диктуются волей людей или воображаемых сверхъестественных существ, а не вытекают из условий существования.

4. Обычай и закон. Исходным моментом социальных норм является обычай или простая, недифференцированная социальная форма. Она возникает и развивается медленно, как продукт естественного отбора общественных групп, с одной стороны, и как продукт внутригруппового социального отбора, с другой стороны. Обычай есть развивающаяся в интересах общества привычка поступать определенным образом при определенных обстоятельствах. Существование обычая предполагает социальную однородность группы и медленность темпа ее развития.

Обычай есть идеологический костяк социально недифференцированного или слабо дифференцированного родового общества. Когда внутри последнего начинают слагаться, на основе разложения родовой и возникновения частной собственности, общественные классы, то обычай начинает оттесняться и вытесняться новой, писаной социальной нор-

мой-законом. С образованием общественных классов социальная однородность, а вместе с тем и единство интересов общества исчезают. Место единства занимает борьба противоположных классовых интересов. На место единого для всего общества неклассового обычая выступают классовые социальные нормы: писанные нормы господствующего класса, класса собственников, как представителя новых развивающихся производственных отношений, и неписанные нормы—умирающий обычай подчиненных классов, продолжающих еще жить в условиях родовых производственных отношений. Таким образом, превращение родового общества в классовое сопровождается дифференциацией социальных норм по классовому признаку. Обычай—до тех пор единая, неклассовая, универсальная социальная норма—а) перестает быть, в силу изменившихся производственных отношений, социальной нормой для господствующего класса и б) превращается в классовую социальную норму для общественных элементов, сохраняющих прежние, родовые, производственные отношения и низведенных историей на положение подчиненных классов.

Взаимоотношение закона и обычая, как социальных норм, определяется характером взаимоотношений соответствующих классов. Поскольку господствующий класс подавляет подчиненные классы, поскольку воля последних признается лишь в меру непротиворечия ее воле господствующего класса, постольку и обычай терпится законом лишь в меру своего непротиворечия последнему. В процессе постепенного развития и расширения сферы действия новых производственных отношений и, следовательно, постепенного вымирания и уменьшения сферы деятельности прежних производственных отношений, закон расширяет и развивает сферу своего влияния за счет обычая.

В связи с дифференциацией социальных норм в условиях классового общества на нормы писанные (законы) и неписанные (обычаи), появляется и резко выступает их противопоставление, как норм гетерономных и автономных. Закон, как продукт самоопределения господствующего класса, является для него нормой автономной. Он есть норма, целесообразно регулирующая поведение господствующего класса в его интересах. Для подчиненных же классов закон есть норма гетерономная, ибо он противоречит их классовым интересам, не является с их точки зрения целесообразной регулирующей нормой. Для них он является социальной нормой, принудительно навязываемой враждебной классовой волей. Обычай же, как продукт самоопределения подчиненных классов, является для них нормой автономной.

Из сказанного вытекает, что поведение подчиненных классов в его отношении к господствующим классам регулируется социальными

нормами гетерономными или принудительными, поведение же этих классов, лежащее вне их отношения к господствующим классам, регулируется нормами автономными, или обычаем.

Что касается господствующих классов, то их поведение, как класса, всегда автономно, независимо от того, регулируется ли оно законом или обычаем. Последний в регулировании их поведения имеет значение или как нормы, сохранившейся от прошлого в виду ее непротиворечия писанной норме, или как нормы, возникшей в развитие и дополнение писанной нормы.

5. Моральные нормы и закон. При разграничении морали и закона, как норм, внутренне и внешне обязательных, буржуазные идеологи исходят из представления о морали и законе, как о нормах общечеловеческих, а не классовых. Вследствие этого их построения носят абстрактный характер. С их точки зрения моральные нормы представляют продукт самоопределения автономной человеческой личности. А, так как автономная человеческая личность признается ими „абсолютной ценностью", то и моральные нормы приобретают в их глазах характер норм абсолютных. Закон или юридическая норма представляет с их точки зрения неклассовую принудительную норму, устанавливаемую государством и ограничивающую автономную личность. Противоречие морали и закона устраняется в так называемой „чистой демократии", которая также выводится из идеи абсолютной ценности автономной личности.

Идея абсолютной ценности автономной личности или, что то же, идея верховенства личности представляет отрицание примата общества над личностью и находится, следовательно, в противоречии с одним из основных биологических и социологических фактов. Идея эта по классовому своему происхождению представляет идеологический продукт мелкобуржуазной психологии и составляет квинт-эссенцию сознания мелких хозяйчиков, противостоящих друг другу, как равные „самоценности". Как идеологический продукт, она представляет идеологическое производное от идеи неограниченной, суверенной частной собственности и абсолютной свободы ее обращения.

В основании мелко-буржуазной теории взаимоотношения морали и закона, как видно из вышеизложенного, лежат две идеи: идея противоположности интересов автономной личности и общества и идея верховенства личности. Противоречие интересов личности, как носительницы идеи абсолютной морали, и общества, олицетворенного в законе, разрешается в идее чистой демократии, воплощающей в себе начало абсолютной ценности автономной личности и осуществляющей, таким образом, идею верховенства автономной личности. В основе учения о про-

тивоположности интересов личности и общества лежит неясное противопоставление „идеальной личности“ (абсолютно-ценной автономной личности)—„личности реальной“ (вспомним хотя бы учение Николая Бердяева о я идеальном и я реальном). „Общество“ с этой точки зрения представляется совокупностью несовершенных, реальных личностей. Противоречие между „обществом“, как совокупностью несовершенных реальных личностей, и между абсолютно-ценной или идеальной личностью—изживается постепенно в процессе совершенствования „реальных личностей“. Когда процесс изживания завершится, т.-е. когда „реальные личности“ усовершенствуются до „идеальных личностей“, тогда наступит царство „чистой демократии“, т.-е. совокупности абсолютно-ценных автономных личностей, и тогда противоречие между обществом и автономной личностью, или, что то же, между законом (внешней нормой) и моралью (внутренней нормой),—исчезнет.

Мелко-буржуазная теория противоречия моральных норм нормам юридическим представляет не что иное, как теоретическую абстракцию противоречия классовых интересов мелкой и крупной буржуазии.

Мелко-буржуазная мораль (т.-е. интересы мелкой буржуазии) противостоят крупно-буржуазному з а к о н у (т.-е. интересам крупной буржуазии).

Если с высот мелко-буржуазной абстракции спуститься на почву классовой действительности, то нетрудно видеть, что соотношения между моралью и законом определяются различно, в зависимости от того, к а к у ю мораль и с к а к и м законом мы сопоставляем. Ведь морали вообще и закона вообще не существует, а потому бесцельно и ставить вопрос о соотношении морали вообще и закона вообще. Родовое общество, как общество неклассовое, вообще не знает дуализма морали и закона, потому что их дуализм есть продукт классового общества. В последнем каждый класс имеет свою мораль и свой закон. Закон рабовладельческого общества, являясь юридическим выражением морали класса рабовладельцев, не противоречил, да и не мог противоречить морали господствующего класса. Но он находился в противоречии с моральным сознанием класса рабов. Точно так же буржуазный закон не противоречит в целом буржуазной морали, потому что он как раз и воплощает буржуазную мораль. Буржуазный закон, поскольку он выражает интересы одной фракции класса, может противоречить морали, т.-е. интересам других фракций этого класса, в случае противоположности или различия интересов этих фракций. Но буржуазный закон противоречит пролетарской морали, потому что последняя выражает классовые стремления пролетариата. Пролетарский закон, как показывает опыт совет-

ской государственности, не противоречит пролетарской морали, но противоречит буржуазной морали. В будущем коммунистическом обществе, переходной формой к которому является наша советская общественно-государственная система, существующий в классовом обществе дуализм закона и морали, как выражение классовой борьбы, совершенно исчезнет и уступит место новому их соотношению.

6. Закон и мораль, как объективная и субъективная формы социальной нормы. Выше я уже указал, что в рамках существования господствующего класса закон и мораль не противостоят в целом друг другу, как разнородные по своему содержанию категории социальных правил, но являются лишь разными формами одних и тех же норм. Иначе говоря, закон, как норма поведения господствующего класса, однороден по содержанию с моральной нормой этого класса. Закон—объективная форма социальной нормы, мораль—ее субъективная форма.

Моральная норма, как продукт морального сознания индивида, т.-е. сознания им логической обязательности определенного поведения в интересах целого, служит исходным моментом того процесса развития социальной нормы, кульминационным пунктом которого является закон. Следовательно между моральной нормой, как продуктом индивидуального морального сознания, как субъективно-идеологическим (внутренним) моментом, и между законом, как объективированным (внешним) продуктом массового морального сознания, существует генетическая связь, опосредствованная промежуточными моментами. Это положение требует краткого пояснения. Выше я указал, что, поскольку даны условия существования группы, а следовательно и задачи ее деятельности, постольку объективно даны и логически вытекающие из этих задач нормы поведения или социальные нормы. Это значит, что нормы поведения могут не быть еще достоянием сознания ни одного из членов группы, тем не менее латентно, потенциально, они уже существуют; существуют, как одно из условий осуществления поставленных перед группою условиями ее бытия задач ее деятельности. Когда начинается процесс осознания этих потенциально-объективных норм отдельными членами группы, они по отношению к этим членам превращаются в социальные нормы субъективно-актуальные. Когда же они становятся достоянием сознания большинства членов группы, вследствие массового осознания изменившихся условий существования группы, и когда это большинство выявляет свою волю в направлении придания этим нормам внешней обязательности, тогда они из норм субъективно-актуальных массового характера превращаются в нормы объективно-актуальные, в закон, как внешне-выявленный про-

дукт группового самоопределения. Для группы (класса) закон есть норма поведения автономная, ибо как таковой, он не продиктован ей извне, но является элементом ее внутреннего бытия и развития. Для каждого же члена группы в отдельности он является нормой внешней (гетерономной), хотя и однородным по содержанию с соответствующей ему, живущей в сознании отдельных членов, моральной (субъективно-актуальной) нормой. В тех случаях, когда при общем достаточно развитом моральном сознании группы, наличие в сознании отдельных ее членов соответствующей моральной нормы является достаточным стимулом для их поведения, согласованного с интересами группы, существование закона, как внешне-обязательной нормы, служит для них как бы резервным стимулом. Если, благодаря временному ослаблению их морального сознания, или в силу каких-либо иных обстоятельств, соответствующая моральная норма не дает надлежащего эффекта, то в действие вводится резервный импульс. В тех же случаях, когда у морально неразвитых или слабо развитых членов группы отсутствует, или весьма мало актуальна, соответствующая моральная норма, тогда законодательная норма по отношению к их поведению является единственным и притом наиболее реальным стимулом.

Если какой-либо закон возникает вышеописанным способом, т.-е. как форма или гарантия согласования индивидуального поведения с интересами класса и в то же время как форма согласования поведения класса с изменившимися в каком-либо отношении условиями его существования, то очевидно, что в случае дальнейшего изменения условий существования класса, и притом в направлении их несоответствия с существующим законом, последний окажется в противоречии с изменившимися условиями и, следовательно, с теми новыми субъективно-актуальными нормами, которые появятся в сознании отдельных членов, как результат учета ими происшедших изменений. Это обстоятельство явится исходным пунктом для вытеснения существующего закона нарождающейся социальной нормой. Момент превращения последней в соответствующую объективную норму будет моментом изменения или отмены старого закона и издания нового. Возникновение противоречия между существующим законом и новой, неоднородной с ним по содержанию, моральной нормой, нормально приводящее к замене существующего закона новым, однородным по содержанию с новой моральной нормой, представляет не что иное, как фазу диалектического развития социальной нормы внутри господствующего класса. По этой схеме, надо полагать, будет определяться взаимоотношение закона и морали, как объективной и субъективной форм социальной нормы, и согласно ей бу-

дет совершаться процесс их развития в будущем неклассовом обществе.

7. Моральное сознание. Для лучшего понимания природы моральной нормы, необходимо остановиться на анализе морального сознания, продуктом которого является моральная норма.

Идеологической основой, на которой возникает и развивается моральное сознание, является социальное сознание, или сознание общности интересов, присущее группе индивидов, находящихся в одинаковых условиях существования, а следовательно, в одинаковых условиях деятельности и поведения.

Степень интенсивности или развития социального сознания индивида находится в зависимости от уровня его интеллектуального развития и от степени активности его, как члена группы.

Социальное сознание группы представляет совокупность социальных сознаний составляющих группу индивидов. Оно находит свое реальное выражение в существовании групповых или социальных задач. Под последними следует разуметь такие задачи, для разрешения которых оказываются недостаточными силы и средства, находящиеся в распоряжении индивида, и которые, следовательно, требуют для своего осуществления совместной деятельности. Возникновение таких задач свидетельствует о наличии идеологического момента, объединяющего социальное сознание отдельных членов группы и являющегося центром, вокруг которого объединяются их действия. Раз группа формулировала определенную социальную задачу, то это позволяет уже говорить о групповом сознании, или о социальном сознании группы, уже не как о простой совокупности социальных сознаний членов группы, не как о совокупности субъективных сознаний, а как об едином, объективном сознании группы. Его конкретным содержанием является содержание соответствующей социальной задачи. Таким образом, наличие совокупности субъективных социальных сознаний или социальных сознаний членов группы является исходным моментом развития социального сознания группы, а возникновение соответствующей групповой задачи представляет конечную ступень этого развития. Самый же процесс развития группового, социального сознания представляет по своему содержанию процесс взаимодействия индивидуальных социальных сознаний, как выражения процесса общения членов группы друг с другом.

Поскольку отдельные члены группы сознают необходимость осуществления в их собственных интересах стоящих перед группою социальных задач, постольку они не могут не сознавать вместе с тем и необходимости воздержания от поступков, совершение которых пре-

пятствует в каком-либо отношении успешному осуществлению желательных для них социальных задач, а также необходимости невоздержания от таких поступков, совершение которых является положительным условием успешного осуществления этих задач. Иначе говоря, они не могут не сознавать необходимости подчинения своего поведения определенным правилам или нормам. Эти диктуемые индивиду его собственным сознанием нормы и суть нормы моральные, т.-е. логически обязательные правила поведения, регулирующие поступки индивида в интересах группы.

Из сказанного с очевидностью вытекает, что моральное сознание, как сознание логической, внутренней обязательности соблюдения определенных норм поведения, является не чем иным, как продуктом деятельности социального сознания индивида. Логически обязательные социальные нормы образуют в своей совокупности *содержание* морального сознания. *Задача* этого сознания заключается в согласовании поведения индивида с интересами группы или, выражаясь иначе, в *регулировании* поведения индивида в соответствии с интересами группы. *Функция* его — это установление или утверждение соответствующих норм и применение их. Наличие у индивида морального сознания свидетельствует об его способности к *саморегулированию* своего поведения.

Степень интенсивности или развития морального сознания индивида находится в полном соответствии со степенью развития его социального сознания. Следовательно, те же условия, которые определяют степень развития социального сознания индивида (а именно, уровень умственного развития и степень социальной активности), определяют и уровень его морального развития. Высшей форме развития группового социального сознания—социальным задачам—соответствует и высшая форма коллективного или группового морального сознания—объективная моральная норма, т.-е. норма, признанная группою правилом поведения, обязательным для всех членов группы. Объективная моральная норма является по отношению к индивиду надъиндивидуальной, внешнеобязательной нормой поведения. В случаях, когда индивид, в силу недостаточности развития его морального сознания, не соблюдает этой нормы добровольно, ее соблюдение гарантируется ее санкцией. Снабженная санкцией объективная моральная норма и есть, как это было показано выше, закон.

Из всего сказанного о моральном сознании и моральной норме с несомненностью вытекает, что мораль есть явление не метасоциального (т.-е. не религиозного и не метафизического) порядка, но от на-

чала до конца представляет явление социального порядка, т.-е. представляет продукт бытия общественного человека.

8. Социальные регуляторы. Моральное сознание является внутренним регулятором поведения индивида, как члена организации. Функция его оказывается вполне достаточной для регулирования поведения индивидов, обладающих нормально развитым социальным сознанием.

Если исходить из представления об идеальной общественной организации, т.-е. такой, все члены которой обладают совершенно однородным по содержанию и одинаково высоко развитым социальным сознанием, то мы имели бы налицо полное согласование поведения всех членов организации с задачами и интересами организации. В такой идеальной организации не было бы места для существования каких-либо иных социальных регуляторов. Однако, как об этом свидетельствует весь опыт истории, на практике моральное сознание большей или меньшей части членов организации оказывается недостаточно действительным регулятором их поведения. Последнее обычно нуждается в корректировании со стороны организации. Функцию такого корректирования выполняют внешние регуляторы. Содержание их деятельности составляет фиксирование объективных социальных норм (или, выражаясь точнее, объективация моральных норм), а также понуждение к их выполнению в случае, когда они не соблюдаются добровольно. В организациях простых, недифференцированных, функции внешнего регулирования выполняются общим собранием членов организации, или их общими представительными органами. В организациях же сложных или дифференцированных эти функции возлагаются на специальные органы. Так, например, в классовом обществе, как наиболее развитой организации, эти функции выполняются законодательными и судебными органами. Первые выполняют функцию объективации моральных норм господствующего класса, а вторые — функцию их принудительного осуществления в необходимых случаях. Первая функция может быть охарактеризована в целом, как нормоустановительная, а вторая — как нормоприменительная.

Для лучшего уяснения социальной природы внешних регуляторов, следует остановиться на вопросе о том, чем обусловливается принудительный характер их функции. Выше я уже указал, что закон, как внешняя норма социального поведения, предполагает наличие так называемой санкции, содержанием которой является угроза, имеющая целью предупредить нарушение нормы. Следовательно, принудительный характер закона обусловливается его санкцией.

Санкция закона есть угроза прибегнуть к принуждению или насилию, если воля законодателя не будет исполнена. Насилие или угроза,

как социальное явление, составляет содержание общественного отношения, именуемого властвованием. На одной стороне этого отношения стоит его активный субъект или властвующий, и на другой стороне— пассивный субъект или подвластный. Возможность возникновения отношений властвования обусловливается неодинаковой приспособленностью индивидов к условиям существования и деятельности. Очевидно, что в случае противоположности интересов и обусловленного ею столкновения или борьбы двух индивидов, перевес сил, при прочих равных условиях, окажется на стороне индивида, который будет лучше приспособлен к условиям борьбы. Поэтому, если хуже приспособленный учитывает условия борьбы, т.-е. превосходство противника, то он предпочитает меньшее зло—подчиниться воле угрожающего насилием противника и принять его условия—большему злу—подвергнуться насилию. В большинстве случаев угроза насилием, или, выражаясь на языке социологов и юристов, психическое принуждение оказывается для слабейшего достаточным аргументом для подчинения воле сильнейшего и освобождает последнего от необходимости прибегать к физическому принуждению. Если сопоставить условия борьбы, в которых находятся с одной стороны организация, у которой несравненно бо́льшие материальные рессурсы, а с другой стороны отдельный член организации, далеко уступающий организации в отношении материальных и иных, находящихся в его распоряжении, рессурсов, то становится понятным, почему именно организация в случае борьбы господствует над индивидом, диктуя ему свои условия, а не наоборот.

Сказанное проливает свет на природу внешних регуляторов. Функция законодательного органа, как одного из органов внешнего регулирования, представляет не что иное, как властвование организации или группы над индивидом, осуществляемое в форме психического принуждения. Функция же судебного органа, как другого органа внешнего регулирования, представляет не что иное, как властвование организации над индивидом, осуществляемое в форме физического принуждения. Судебное решение не имеет в указанном смысле иного значения, как приведение угрозы законодателя в исполнение.

Из сказанного вытекает также и значение того взаимоотношения, которое существует между законодательным и судебным органами. Каждый из них обусловлен функцией другого. Функция первого по времени предшествует функции второго. Первый, т.-е. законодательный орган, имеет в виду предупредить возможное нарушение нормы, стоящей на страже коллективного интереса. Второй, т.-е. судебный орган, имеет

в виду ликвидировать, с наименьшим ущербом для организации, уже совершившееся нарушение нормы.

В начале настоящего § я указал, что деятельность внешних социальных регуляторов имеет своей непосредственной целью корректировать поведение членов организации, поскольку их поведение дефективно, т.-е. недостаточно согласовано с интересами целого, вследствие слабого развития их морального сознания. Это обстоятельство дает основание заключить, что чем выше общий уровень социального и морального развития группы, тем меньшая необходимость существует в деятельности внешних регуляторов. Если это так, то есть основание предполагать, что в будущем неклассовом, социалистическом обществе, все отношения которого будут проникнуты началом социальной солидарности, и уровень морального сознания которого будет несравненно выше соответствующего уровня классового общества, значение внешних регуляторов будет ничтожно, по сравнению с их значением в классовом обществе. Дело в том, что в последнем они выполняют не только функцию регулирования поведения членов господствующего класса, но также и другую функцию, играющую, с точки зрения сохранения общественной системы, более важную роль, чем регулирование поведения членов господствующего класса, а именно функцию подавления классовых антагонистов. Эта последняя функция, которая обусловливает столь характерную, вытекающую из классовой природы государственной организации, черту государственных внешних регуляторов—их гипертрофию, в социалистическом обществе совершенно отпадет. Что же касается первой функции—принудительного регулирования, то она постепенно превратится из правила в редкое исключение.

9. Правоотношения. Общественное отношение есть такое отношение между людьми, которому присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный. Наличие первого момента показывает, что общественное отношение есть такое отношение между людьми, в которое субъекты этого отношения вступают сознательно, т.-е. преследуя определенную цель. Наличие же второго момента показывает, что общественное отношение представляет такое сознательное отношение между людьми, составляющие содержание которого действия нормированы или урегулированы. Под нормированными или урегулированными действиями разумеются действия, совершаемые согласно установленных норм. Такими нормами являются или нормы, устанавливаемые посредством договора самими субъектами соответствующего отношения, или нормы, устанавливаемые организацией, членами которой состоят субъекты отношения, или, наконец, нормы, уста-

навливаемые комбинированным способом, т.-е. в части самими субъектами отношения, а в части третьей стороной (организацией [1]).

Как на пример общественного отношения, можно указать на отношение между покупателем и продавцем.

Предположим, что *А* купил у *Б* сапоги оговоренного качества за наличный расчет на сумму пять тысяч рублей дензнаками 23 года. Это отношение, прежде всего, целесообразное для обоих субъектов, потому что один субъект этого отношения—покупатель—вступает в отношение с целью приобрести определенную вещь, а другой—продавец—вступает в отношение с целью получить в обмен на вещь деньги. Далее, это отношение урегулировано или нормировано: во-первых, в отношении порядка расчета—платить наличными; во-вторых, в отношении цены; в-третьих, в отношении денежных знаков; в четвертых, в отношении качества сапог; в-пятых, в отношении требования закона (нормы, установленной не сторонами, а государством), чтобы сапоги не были краденые, и т. д., и т. д.

Установив правильное с социологической точки зрения определение общественного отношения, мы можем перейти теперь к определению правоотношения.

Правоотношение есть нормативный момент общественного отношения.

Из нашего определения с очевидностью вытекает, что правоотношение не представляет отношения, которое существует отдельно от общественного отношения, что правоотношение и общественное отношение не суть отдельные отношения, которые могут соединяться и разделяться, и что правоотношение не представляет формы, содержание которой составляет общественное отношение. Противопоставление правоотношения общественному отношению равносильно противопоставлению части целому, потому что правоотношение есть нормативное содержание общественного отношения, т.-е. часть содержания последнего. Без правоотношения нет и общественного отношения. Лишенное своего нормативного содержания, общественное отношение перестает быть таковым.

Если неправильно различать правоотношение и общественное отношение, как самостоятельные отношения, и противопоставлять их одно другому, например, как форму и содержание, то также неправильно и отождествлять их. Формула: правоотношение есть общественное от-

---

[1]) Об общественном отношении см. выше очерк: „Размежевание социологии с биологией и психологией".

ношение, или что то же, право есть совокупность общественных отношений—неправильна, потому что правоотношение, как указано было выше, представляет нормативную часть содержания общественного отношения. Но ведь, нормативным содержанием не исчерпывается все содержание общественного отношения. Ему присуще, кроме того, как указано было в начале настоящего параграфа, целевое содержание. Это значит, что всякое общественное отношение имеет в виду какие-либо определенные конкретные цели: хозяйственные, политические, брачные, вероисповедные, научные, художественные и т. д. Притом целевой момент составляет главный момент общественного отношения. Нормативный момент является по отношению к нему моментом подчиненным. Все это показывает, насколько неправильно отождествлять правоотношение с общественным отношением.

Если правоотношение не представляет особого общественного отношения, но составляет лишь социально-нормативный элемент последнего, то, очевидно, что субъектами правоотношения являются те же субъекты общественного отношения. В вышеуказанном примере общественного отношения покупатель *А* является не только субъектом определенного хозяйственного интереса, нашедшего выражение в поставленной им цели—приобрести сапоги, но также и субъектом добровольно им принятой на себя, на основании договора с субъектом *Б*, обязанности уплатить за эти сапоги определенную сумму денег. Точно также, продавец является не только субъектом определенного интереса, но и субъектом определенной обязанности принятой им на себя на основании договора с *Б* также добровольно. Но субъект общественного отношения *А* является не только субъектом обязанности. Он кроме того является субъектом определенного права—права на получение сапог. Основанием его права служит принятая им на себя обязанность—уплатить деньги. Соответственно этому и субъект *Б* является также субъектом права (на получение денег), основанием которого служит принятая им на себя обязанность передать сапоги.

Из вышеприведенного примера с отчетливостью вытекают следующие положения, могущие быть подтвержденными многочисленными другими примерами общественных отношений:

а) основанием обязанностей субъектов отношения является договор или акт двустороннего волеизъявления (или самоопределения) этих субъектов, по содержанию своему представляющий совокупность конкретных норм (например: платить наличными, платить дензнаками 23 года, доставить сапоги такого-то качества и т. д.);

б) основанием права каждого субъекта отношения служит принятая им на себя обязанность, или, выражаясь иначе, „право“, при-

надлежащее каждому субъекту, есть производное от принятой им на себя „обязанности“;

в) содержание права каждого субъекта однородно с содержанием обязанности другого (в указанном примере содержание „права“ *А*: „получение от *Б* сапог“. однородно с содержанием обязанности *Б*: „передача *А* сапог“);

г) содержание (или „объект“) „права“ и содержание „обязанности“ одного и того же субъекта эквивалентны (в указанном примере содержанию „права“ *А*—„получение сапог“ эквивалентно его обязанности—„передача денег“ и, наоборот, содержание „права“ *Б*—„получение денег“ эквивалентно содержанию его „обязанности“—„передача сапог“).

Рассмотренное нами правоотношение представляет „частное“ или „гражданское“ правоотношение, т.-е. правоотношение, возникающее по инициативе частных лиц. Поскольку подобного рода правоотношения не противоречат закону, т.-е. социальной норме, устанавливаемой государством, и поскольку оно подпадает под действие соответствующего закона, т.-е. в данном случае под действие норм гражданского кодекса, постольку она становится отношением *юридическим*, *т.-е. правоотношением*, которому государство гарантирует судебную защиту.

Наряду с частными правоотношениями, т.-е. правоотношениями, возникающими по инициативе частных лиц, существуют публичные правоотношения, т.-е. правоотношения, возникающие по инициативе государства и основанные не на договоре, а на законе, т.-е. на социальной норме, устанавливаемой государством. Как на пример публичного правоотношения, можно указать на правоотношение, основанное на законе о воинской повинности. В силу этого закона граждане мужского пола, достигшие определенного возраста и удовлетворяющие определяемым законом условиям, обязаны воинской службой. Этой „обязанности“ определенных лиц корреспондирует „право“ уполномоченных на то государственной властью должностных лиц требовать от субъектов воинских обязанностей выполнения действий, входящих в содержание этих обязанностей. Эквивалентом „обязанности“ призванных на военную службу является их „право“ на получение от государства бесплатного содержания на все время службы. Этому их „праву“ корреспондирует „обязанность“ государства в лице определенных органов последнего предоставить военнообязанным причитающееся содержание. Это правоотношение, как правоотношение, возникающее по инициативе государства и в непосредственных интересах государства, как отношение принуди-

тельное, основанное на законе, является отношением юридическим, т.-е. выполнение его гарантируется.

Правоотношение „военная служба“ составляет нормативное содержание общественного отношения, целью которого является обеспечение безопасности государства, субъектами которого являются с одной стороны государство, а с другой стороны — отдельные граждане, и которое возникает по инициативе государства.

Рассматривая отдельные конкретные правоотношения, нетрудно убедиться, что конкретные „права“, входящие в состав их содержания, представляют основанную на договоре или на законе возможность притязать на совершение или несовершение определенных действий. Такие конкретные, принадлежащие определенным субъектам, права носят название *субъективного права*. Они-то и образуют настоящее, реальное право. В противоположность этому реальному праву, праву определенного субъекта, выдвигается в юриспруденции понятие *объективного права*, под которым разумеют совокупность устанавливаемых государством социальных норм, или законов, или, выражаясь иначе, правовых норм, т.-е. норм, на основании которых возникают субъективные юридические права и обязанности.

Противопоставление „объективного“ и „субъективного“ права имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение, непосредственно связанное с деятельностью преимущественно судебных органов. Поскольку в их задачу входит защита конкретных субъективных прав, постольку они, в целях оказания необходимой защиты, должны предварительно: а) выяснить, на какой конкретной обязанности и какого субъекта основано заявленное правопритязание, и б) в случае констатирования соответствующей субъективной обязанности, выяснить, на каком законе (т.-е. „объективном праве“) эта обязанность основана. Таким образом, задача суда в этом отношении заключается в том, чтобы выяснить, можно ли подвести заявленную правовую претензию („субъективное право“) под какую-либо из норм закона („объективного права“).

Теоретический интерес представляет не столько различие права субъективного и права объективного, сколько различие конкретных и абстрагированных правоотношений. Конструируя, в результате классификации правоотношений и обобщения однородных конкретных правоотношений, такие понятия, как, напр., право покупателя, право продавца, право арендатора, право кредитора, право опекуна, и т. д., и т. д., мы получаем *типы* или *виды* правоотношений. Путем группировки типов и дальнейших обобщений, мы получаем более высокую степень обоб-

щения—роды правоотношений и т. д. Полученные таким путем соответствующие определения права имели бы с точки зрения социологической такое же научное значение, какое, например, в биологии имеют видовые, родовые, семейственные, отрядовые и т. д. определения животных форм. Существующие же различные виды „объективного права" постольку лишь могут иметь теоретическое значение, поскольку они практически возникли в результате более или менее правильного обобщения законодателем конкретных правоотношений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Производственные отношения.

1. Технические отношения производства. Производственные отношения обычно определяют, как взаимоотношения людей в процессе их совместного воздействия на природу. Это определение вполне соответствует общему определению производственных отношений, даваемому К. Марксом в статье „Наемный труд и капитал". „Во время производства", говорит Маркс в этой статье, „люди вступают в определенные отношения не только к природе, но и друг к другу. Чтобы производить, они должны действовать совместно и вступать в определенные отношения друг к другу". В „Предисловии" к „критике политической экономии" Маркса мы находим, во-первых, то же общее определение производственных отношений: „в общественном производстве", говорится в предисловии, „люди вступают в определенные, необходимые, независимые от их собственной воли, отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества"... Во-вторых, в том же „Предисловии" мы находим частное определение производственных отношений: „на определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, если выбрать для этого юридическое выражение, с теми имущественными отношениями, в пределах которых эти производительные силы вращались до сих пор". Как видно из приведенных слов, Маркс в данном случае употребляет выражение „производственные отношения" в смысле „имущественные отношения производства".

Полное определение производственных отношений должно гласить: производственные отношения представляют те технические, правовые и, в частности, имущественные отношения, в которые вступают люди в процессе обще-

ственного производства, т.-е. совместного воздействия на природу. Обоснование этого определения и составляет непосредственную задачу настоящего очерка.

Остановимся первоначально на характеристике первого элемента, входящего в содержание производственных отношений, на технических отношениях производства. Попробуем дать их характеристику на отдельных примерах. Предположим, что перед группою лиц стоит задание: доставить бревно из леса на склад. „Доставить" бревно можно различным образом: его можно „перевезти", например, при помощи лошади; затем его можно „перетащить", при помощи веревок волоком; наконец, при отсутствии лошади, веревок или каких-либо других средств труда, его можно „перенести", т.-е. доставить на руках. Предположим, что в рассматриваемом случае, за отсутствием всех прочих средств для доставки бревна, его приходится перенести на руках. Сколько же пар рук, т.-е. сколько человек требуется для переноски? Это, очевидно, зависит прежде всего, от тяжести или веса бревна. Разделив вес бревна, выраженный в определенных единицах, на количество таких же единиц, обозначающих тяжесть, которую способен перенести человек средней силы на определенное расстояние, мы приблизительно определим количество людей, необходимых для переноски бревна. Далее, как должны быть пространственно расположены точки приложения сил (рук) лиц, участвующих в переноске бревна? Это зависит от формы бревна, т.-е. от предмета труда. Если, предположим, бревно одинакового диаметра на обоих концах, то точки приложения сил распределятся равномерно по концам бревна и на середине его. Если же на одном конце бревна диаметр, а следовательно, и вес бревна, будет больше, чем на другом конце, то на более тяжелый конец придется больше точек приложения сил, чем на менее тяжелый конец. Кроме того, промежуточные, т.-е. срединные, точки приложения передвинутся ближе к тяжелому концу. Принцип технической целесообразности, который будут стремиться выполнять, в меру своей сознательности и опытности, рабочие, пространственно распределяясь около бревна, можно формулировать так: точки приложения сил к бревну должны быть, в зависимости от его формы и распределения в нем тяжести, определены таким образом, чтобы при переноске каждый затрачивал бы приблизительно одинаковое с другими количество сил. Если это правило не будет соблюдено, то, при условии, что все рабочие обладают равной силой, те из них, на долю которых придется большая тяжесть, обессилеют скорее других, что вызовет необходимость остановки в пути для отдыха, перемещения и т. д., т.-е. потребует затраты большего количе-

ства времени и сил со стороны всех участников. Далее, при более или менее строгом соотношении количества рабочих и тяжести бревна, поднять его можно будет только при условии одновременного приложения к нему сил всеми рабочими. При разновременном приложении сил, поднять его не удастся, и те рабочие, которые будут прилагать усилия поднять бревно ранее других, оттого ли, что они поспешили, или оттого, что другие запоздали, затратят при неоднократных попытках поднять бревно больше сил, чем требуется. Поэтому, второе правило их технического поведения должно гласить: поднять бревно должны все одновременно, по сигналу. Предположим теперь, что бревно поднято одновременно, но при переноске рабочие идут не в ногу, не соблюдают ритма движения. Это вызовет перебои в движении отдельных рабочих, изменения в распределении тяжести, затрату большего количества сил со стороны отдельных рабочих, неудовольствие с их стороны и в результате замедление работы. Поэтому, поскольку они будут стремиться к соблюдению в своей работе общего принципа целесообразной деятельности—с наименьшими затратами сил и времени стремиться к достижению наибольших результатов, постольку они должны будут подчиниться еще одному техническому правилу: ритму движения. Наконец, когда бревно будет доставлено к месту назначения и его надо будет опустить на землю, то в этом случае рабочие будут действовать не произвольно и дезорганизованно, но или все одновременно оставят бревно и оно упадет на землю, не угрожая опасностью никому из рабочих, или сперва опустят его на землю одним концом, и затем осторожно другим, т.-е. как в первом, так и во втором случае будут действовать согласованно.

Указанными четырьмя правилами: целесообразным пространственным размещением рабочих вокруг бревна, согласованностью действий при его поднятии, ритмом движений при переноске и согласованностью действий при опускании бревна на землю—и определяется содержание или характер „технических отношений“, в которые становятся люди при перенесении бревна или аналогичного ему предмета. Из сказанного видно, что содержание технических отношений производства определяется характером задания, предметом труда и характером средств труда.

Характер задания, предмет и средства труда—суть те конкретные условия, преломляясь через которые общий принцип разумной, целесообразной деятельности (с наименьшей затратой сил, средств и времени стремиться к достижению наибольших результатов) претворяется в ряд конкретных правил технического поведения или технических отношений производства.

Представляет ли техническое отношение производства „общественное отношение“ в том смысле, как мы определили последнее в главе „Размежевание социологии с биологией и психологией“? Как указано в этой главе, всякому общественному отношению присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный. Следовательно, утвердительный ответ на поставленный вопрос может быть дан только в случае, если техническому отношению производства также окажутся присущими основные идеологические моменты. Что касается первого, т.-е. целевого момента, то он имеется налицо. В рассмотренном нами примере „переноска бревна“ является общей целью всех субъектов технического отношения. Что же касается второго, т.-е. нормативного момента, то он также имеется. Правила технического поведения, т.-е. правила, определяющие одни технические действия, как технически должные, и другие—как технически не должные, и образуют нормативное содержание технического отношения.

Итак, техническое отношение производства есть общественное отношение. Производственным отношением мы его именуем в соответствии с характером его целевого момента—оно направлено на осуществление производственной цели (доставка бревна). Техническим же отношением мы именуем его в соответствии с его нормативным моментом, который в данном случае является моментом нормативно-техническим.

Рассмотренный нами пример представляет одну из элементарных форм хозяйственного сотрудничества или совместного воздействия группы лиц на природу. В данном случае все лица одновременно производят однородные действия над одним и тем же предметом—бревном. Обратимся теперь к другому примеру, к примеру сложного сотрудничества, при котором каждый из участников производства совершает неодинаковые с другими трудовые операции, обусловленные общим заданием. Если в первом случае, группа лиц, связанных сотрудничеством, представляет как бы единого суммированного рабочего, то во втором случае группа сотрудничающих представляет как бы единого комбинированного рабочего. В первом случае, именно в случае переноски бревна, работу мог бы совершить один рабочий, если бы он обладал силой, равной сумме сил всех рабочих, участвовавших в переноске бревна. Такой воображаемый рабочий мог бы взять бревно на плечо и доставить его по назначению. Во втором случае воображаемый единый рабочий для изготовления предмета, производство которого основано на техническом разделении труда, должен был бы обладать столькими парами рук, сколько рабочих нормально требуется для про-

изводства этого предмета. Притом разные руки такого единого комбинированного рабочего, при помощи различных инструментов, выполнили бы одновременно различные операции.

Сотрудничество, как форма планомерного и согласованного совместного воздействия людей на природу, избавляет от необходимости мечтать о воображаемых услугах воображаемого единого суммированного, или комбинированного рабочего и дает реального суммированного или комбинированного рабочего—коллектив, претворяющий воображаемое в реальное.

Характерные черты сложного сотрудничества построенного на техническом разделении труда, удобнее всего показать на примере той формы мануфактуры, которую Маркс называет органической и при которой продукт производства получается не „путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов", а „своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций". Такова, например, мануфактура иголок, при которой проволока последовательно „проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих". Мануфактура превратила самостоятельного ремесленника, цельного рабочего—в рабочего частичного, в элемент „производственного механизма", по выражению Маркса. „Если мы рассмотрим", говорит Маркс в „Капитале", „определенное количество сырого материала, например, тряпок на бумажной мануфактуре, проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно пробегает в руках различных частичных рабочих последовательную лестницу фаз производства, пока наконец продукт не примет своей окончательной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую в целом, как совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих, совокупный рабочий одною частью своих многочисленных вооруженных инструментами рук тянет проволоку, между тем, как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше товара. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создает их сама, разлагая ремесленную деятельность. С другой стороны она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая данного рабочего к одной и той же

детали. Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является, в то же время, определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или группе других рабочих их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда других. Таким образом, здесь один рабочий непосредственно дает занятия другим. Рабочее время, необходимое для достижения искомого полезного эффекта в каждом частичном процессе, устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфактуры покоится на предположении, что в данное рабочее время достигается данный результат. Лишь при этом условии различные, дополняющие друг друга процессы труда могут непрерывно совершаться один рядом и одновременно с другим в пространстве и времени. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно и рабочих, вынуждает каждого из этих последних употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создается гораздо более высокая степень непрерывности, согласованности, правильности, порядка и, особенно, интенсивности труда, чем это имеет место в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации. Закон, согласно которому на производство продуктов должно быть затрачено лишь общественно-необходимое время, при товарном производстве проявляется, вообще говоря, только в виде принудительного внешнего давления конкуренции, реализуется благодаря тому, что, выражаясь поверхностно, каждый производитель должен продавать свой товар по рыночной цене. Между тем в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени представляет технический закон самого процесса производства.

Однако, различные операции требуют неодинакового времени для своего совершения, и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, раз каждый рабочий должен изо дня в день совершать одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, напр., в словолитне на 4 литейщиков требуется 2 отбивальщика и один полировщик, так как литейщик выливает в час 2000 букв, отбивальщик отбивает 4000, а полировщик полирует 8000. Здесь принцип кооперации возвращается к своей простейшей форме: к одновременному применению труда многих людей, выполняющих однородную работу, но теперь принцип этот выражает собою известное органическое отношение. Таким образом, мануфактурное разделение труда не только упрощает и умножает качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические отношения между коли-

чественными размерами этих органов, т.-е. относительным количеством рабочих и относительной величиной рабочих групп в каждой из этих специальных функций. Наряду с качественным расчленением оно устанавливает количественные нормы и пропорции в общественном процессе труда".

Мастерски сделанная Марксом, вышеприведенная характеристика органической формы мануфактуры показывает, в какой степени операции, совершаемые каждым частичным рабочим, этим элементом „производственного механизма", должны быть согласованы с операциями всех прочих частичных рабочих „Согласуй твои технические действия с действиями других участников производства" — таково основное правило технического поведения при сложном, основанном на техническом разделении труда, сотрудничестве. Это основное правило совпадает, как это ясно из вышеизложенного, с таковым же основным правилом технического поведения и при простом сотрудничестве. Иначе, конечно, и быть не может, поскольку всякое сотрудничество представляет так или иначе согласованную форму деятельности. Интерес представляет не само по себе основное правило технического поведения, а те частные правила, которые вытекают из него, как из общего принципа целесообразного коллективного поведения и которые обусловливаются особенностями мануфактурного производства. Одно из таких правил мануфактурного технического поведения гласит: пространственное расположение в мастерской отдельных частичных рабочих должно быть таково, чтобы продукт, изготовляемый одним и составляющий сырье для операций другого, передавался другому без задержки, непрерывно, дабы не замедлять хода соответствующих операций и не увеличивать без нужды времени производства. Очевидно, что распределение частичных рабочих в мастерской не может быть произвольным, например, в алфавитном порядке фамилий рабочих или согласно какой-нибудь геометрической симметрии. Оно строго предопределяется характером производства и всей совокупностью условий, в которых протекает данное производство. Всякое иное пространственное расположение рабочих, кроме того единственного, которое вытекает из существа и интересов производства как технического процесса, будет неправильным, и его неправильность даст почувствовать себя в тех или иных отрицательных результатах. Как на пример другого правила технического поведения при мануфактурном производстве можно указать на правило, требующее, чтобы каждый рабочий изготовлял определенное количество частичных продуктов в определенное время. Если это правило количественной пропорциональности операций, совершаемых отдельными рабочими, не будет соблюдаться, то

следствием этого будут перебои и задержки в работе всего „производственного механизма“. Если рабочий, совершающий определенные операции, не получает в данный период времени определенного количества сырья, благодаря слабой интенсивности труда рабочего, изготовляющего сырье, то он сам не в состоянии будет произвести требуемое условиями производства количество продукта в определенное время, и от этого пострадают операции третьего рабочего, для которых продукты, изготовляемые вторым, в свою очередь являются сырьем.

Поэтому каждый рабочий, в отношении рабочих, непосредственно зависящих от него по характеру совершаемых ими операций, должен следовать вышеуказанному правилу, которое точнее можно формулировать так: необходимо развивать во время работы среднюю, установленную для твоих операций интенсивность труда, дабы количество производимых тобою в определенный период времени частичных продуктов соответствовало количественной потребности в этих продуктах других рабочих. Однако, не только в количественном отношении продукция одного рабочего должна соответствовать техническим потребностям другого. Не меньшее значение имеет и соответствие продукции потребностям другого рабочего в качественном отношении. И не только потому, что от качества сырья зависит и качество производимого из него продукта, но и потому, что при низком качестве продукта, неизбежная его браковка уменьшает его количество. Поэтому и в отношении качества производимого продукта соответствующий частичный рабочий должен руководствоваться правилом технического поведения, предписывающего изготовлять сырье не ниже среднего, установленного технической потребностью других рабочих, качества.

Таковы важнейшие грубо формулированные нормы технического поведения частичных рабочих мануфактуры. Они, как мы видим, имеют задачей регулировать технические отношения участников производства, с точки зрения их целесообразного пространственного размещения, согласования производимых ими операций в отношении времени, а также количества и качества продукции. Этими нормами, разумеется, далеко не исчерпываются все правила технического поведения частичных рабочих. Для нашей задачи достаточно и сказанного.

Анализ технических отношений мануфактурного производства показывает, что им точно так же, как и техническим отношениям в случаях простого сотрудничества, присущи оба идеологических момента, свойственных всякому общественному отношению: целевой и нормативный.

В обеих рассмотренных нами формах сотрудничества—простого и сложного, основанного на техническом разделении труда,—связь между участниками производства дана непосредственно. В обеих указанных формах деятельность каждого участника производства непосредственно обусловлена деятельностью других участников того же производства, что прямо и отражается в сознании участников производства в форме их нормативно-технических представлений. Существует, однако, форма сложного сотрудничества, в которой отсутствует непосредственная связь между участниками сотрудничества. Я имею в виду форму сотрудничества, осуществляемую в рамках общественного разделения труда на основе обмена и конкуренции. Возьмем, например, три отдельных производства: скотоводство, кожевенное производство и сапожное производство. Скотовод производит шкуры, как товар, т.-е. для обмена: кожевенник производит другой товар—кожи; сапожник из кож производит сапоги. Все три перечисленные производства представляют самостоятельные товарные производства. Никакой непосредственной связи между участниками этих производств нет, производственные цели их различны. Однако, отсутствие непосредственной связи не означает отсутствие всякой связи. Связь между указанными производствами несомненно существует. Шкуры, производимые скотоводом, являются сырьем для кожевенного производства. Они, как сырой материал, составляют предмет кожевенного производства. Следовательно, наличие шкур представляет техническую предпосылку кожевенного производства. Существование последнего в указанном отношении обусловлено существованием скотоводства. И наоборот, поскольку скотовод производит шкуры, рассчитывая на их сбыт кожевеннику, постольку производство шкур обусловлено существованием кожевенного производства. Далее, поскольку кожа, как сырье, составляет предмет сапожного производства, постольку последнее обусловлено существованием первого и, наоборот, поскольку кожевенник при производстве кож рассчитывает на их сбыт сапожнику, постольку существование последнего составляет условие существования кожевенника. Таким образом, существование всех трех производств взаимно обусловлено. Эта взаимная обусловленность реализуется в актах обмена. Не является ли, однако, связь, реализуемая в актах обмена, путем купли-продажи, связью, в которой реализуются также технические отношения производства между скотоводом, кожевенником и сапожником? Несомненно, да. Дело в том, что, когда кожевенник приобретает на рынке—т.-е. в условиях конкуренции—шкуры, то он, как производитель кож, предъявляет определенные технические требования к шкурам, как сырью. Точно также, когда сапожник приобретает на рынке кожу в ка-

честве сырья, то он к ней предъявляет определенные технические требования. Следовательно, конкуренция побуждает скотовода при производстве шкур, а кожевенника—при производстве кож—изготовлять товар применительно к спросу, т.-е. первого применительно к техническим условиям производства кож, а второго—применительно к условиям производства сапог. Конкуренция диктует правила технического поведения производителям, непосредственно не связанным, и устанавливает, таким образом, согласованность между ними, как элементами сотрудничества, основанного на обмене. Технические отношения производства между этими элементами, не данные непосредственно и не сознаваемые их участниками, властным голосом конкуренции заявляют о своем существовании. Соблюдение диктуемых конкуренцией правил технического поведения контролируется обменом. „Норма", говорит Маркс в „Капитале", „применяемая при разделении труда внутри мастерской a priori и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителя и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простых членов принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов".

Рассмотренные *технические отношения производства*, свойственные различным формам сотрудничества, позволяют определить эти отношения, *как общественные отношения, в которые вступают люда в процессе производства материальных условий своего существования, которые определяются техническими условиями производства (техническим заданием, предметом и средствами производства) и регулируются техническими нормами или непосредственно, поскольку эти нормы отражаются в сознании участников производства, как преломленные технические условия производства, или косвенно в процессе конкуренции.*

2. Правовые отношения производства. Мы проанализировали понятие технических отношений производства, как одного из элементов понятия производственных отношений. Вторым существенным элементом последнего понятия являются правовые отношения или правоотношения производства.

Возникновение и развитие правоотношений производства находится в связи с функцией управления, которая в той или иной форме присуща всякой общественной форме производства. „Всякий непосредственно общественный или общий труд", говорит Маркс, „нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными деятельностями и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного тела в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собою, оркестр нуждается в дирижере". (Капитал, т. I).

В первобытных общественных формах производства, примером которых могут служить родовые коммуны северо-американских индейцев, классическое описание которых дано Люисом Морганом в его работе „Первобытное общество", или мелкие индийские общины, описанные К. Марксом в „Капитале". Функции управления осуществляет „глава" или „старшина" общины. „Первобытные мелкие индийские общины, сохраняющиеся частью и до сих пор", говорит Маркс, „покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившихся нормах разделения труда, которые при основании каждой новой общины дают готовый план и схему производства... В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно, как домашним побочным промыслом. На ряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим „главу" общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей... Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непогрешимой правильностью закона природа: каждый отдельный ремесленник, например, кузнец и пр., выполняет все относящиеся к его профессии операции строго установленным традиционным способом и, однако, совершенно самостоятельно, не признавая над собою никакого авторитета в пределах мастерской". Анализируя приведенное описание Маркса, мы видим, что каждый ремесленник выполняет все относящиеся к его профессии операции строго традиционным способом, т.-е. согласно тем техническим приемам и правилам, которые он унаследовал от своих предшественников: отцов, дедов, прадедов и т. д., и которые, вследствие неизменности технических условий его производства (строго установившихся требований к его производству или строго установившегося задания, сырья и орудий производства), превратились в „технический обычай".

Авторитет этого обычая есть единственный авторитет, который он признает в пределах своей мастерской. За пределами его мастерской его отношения к другим участникам производственного механизма, т.-е. те технические отношения производства, субъектом которых он является, определяются „упрочившимися нормами разделения труда“, действующими с непогрешимой правильностью законов природы, т.-е. обычаем или нормами обычного технического поведения. И подобно тому, как в пределах мастерской он не признает никакого иного авторитета, кроме авторитета традиционной техники производства, так за пределами своей мастерской, т.-е. в пределах общины, он не признает никакого иного авторитета в сфере технических отношений производства, кроме авторитета обычая или традиционных норм технического поведения. Иначе говоря, как в области техники, так и в области технического поведения, все его действия определяются обычаем. Авторитет самого „главы“ общины в глазах членов общины определяется мерою его отношения к обычаю. „Глава“ не стоит над обычаем, он не „законодатель“. Он стоит под обычаем. Его авторитет—это авторитет старейшего хранителя обычая, его носителя и истолкователя. „Глава“ не творец социальных норм, а только судья, т.-е. защитник их. Господство обычая в первобытном обществе над отдельными членами последнего, будет ли то рядовой член или старшина, вытекает из примата общества над индивидом. Обычай, как общепринятая, усвоенная практикой норма поведения, как таковая, не является ни продуктом творчества индивида, ни даже продуктом бессознательного, как принято выражаться, творчества коллектива. Она — продукт развития первобытного общества, развития крайне медленного, почти незаметного даже в рамках существования ряда поколений, однако несомненно имеющего место. Ведь не сразу же возникает обычай, как „упрочившаяся норма“ поведения. „Упрочившаяся норма“ поведения есть продукт весьма медленного и длительного, незаметного для живущих поколений, развития. Как же развивается „обычай“? В процессе социального отбора. Если это так, а все данные говорят за то, что это именно так, то очевидно, что обычай является не продуктом бессознательного творчества коллектива, а продуктом механически протекающего весьма медленного процесса развития. Процесс развития обычая представляет процесс его упрочения как в смысле распространения, так и в смысле укоренения. Чем более „упрочился“ обычай, тем, следовательно, он совершеннее, как норма поведения. Индийская община, как „производственный механизм“, сложившийся путем социального отбора в определенных, как бы застывших условиях существова-

ния, представляет своего рода верх совершенства. Он функционирует как бы автоматически. Определяющие взаимоотношения его членов обычаи применяются последними так же автоматически, как правила ходьбы. Будучи разрушен в силу какой-либо внешней причины, такой производственный механизм восстанавливается как бы автоматически из сохранившихся элементов. „Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин", говорит Маркс, „которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова на том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну, объясняет тайну неизменности азиатских обществ"... В неизменных условиях существования естественный социальный отбор устанавливает задачи деятельности, строго и совершенно соответствующие условиям существования, устанавливает нормы поведения, строго подогнанные к задачам деятельности и создает, таким образом, „производственный механизм", наиболее приспособленный к условиям существования.

„Глава" индийской общины, как орган управления „производственным механизмом", действующий согласно обычаям, является органом, автоматически выполняющим „общие функции, возникающие из движения всего производственного тела".

Как видно из вышеизложенного, в период существования первобытного общества производственные отношения регулируются обычаем. Последний же, как известно, представляет недифференцированную социальную норму. Социальной однородности первобытного общества соответствует единство социальной нормы, как правила целесообразного поведения в интересах целого. Когда обычай, регулирующий определенные производственные отношения, безотчетно или сознательно, но самостоятельно применяется каким-либо членом группы, как субъектом соответствующего отношения, обычай действует, как норма технического поведения. Когда же обычай применяет „глава" группы, выступающий в качестве ее организатора или судьи, т.-е. как представитель интересов группы, то, поскольку делаемое им констатирование или истолкование обычая обязательно для членов последней и применяется ими в силу этой обязательности, постольку обычай действует как правовая норма, как внешне-обязательное правило технического поведения. Иначе говоря, поскольку обычай в той или иной форме, в форме ли постановления собрания родичей, в форме ли судебного решения главы группы, или в форме объявленного жрецом волеизъявления божества, выступает, как выражение воли всей группы, обязательное для ее членов, постольку обычай этот претворяется в сознании членов группы

в правовую норму. Отношения производства, регулируемые обычаем, как правовой принудительной нормой, выступают, как правоотношения производства.

Таким образом, обычная норма, в зависимости от того, санкционирована она или нет, как норма обязательная, органом управления производством, действует или как правовая норма технического поведения, или просто как норма технически-целесообразного поведения. Единство социальной нормы, в зависимости от способа ее применения, т.-е. в зависимости от того, применяется ли она, как норма неосознанная, или— как норма осознанная, разумеется, нисколько не нарушается. Обычная норма, констатированная группою в форме того или иного постановления, получившая официальное признание группы, становится „упрочившеюся" нормой поведения, нормой, достигшей высшей ступени развития.

Обычай перестает быть единой социальной нормой поведения, когда первобытное общество уступает место классовому обществу. Тогда, наряду с обычаем, продолжающим в качестве автономной нормы регулировать сохраняющиеся еще родовые или общинные производственные отношения, появляется закон, т.-е. писанная норма, являющаяся продуктом сознательного творчества господствующего класса собственников. Вместе с исчезновением социальной однородности, как следствием классовой дифференциации общества, исчезает и единство социальной нормы. Последняя приобретает классовый характер.

Поскольку субъектами производственных отношений оказываются представители различных классов, поскольку они вступают в производственные отношения под давлением противоположных классовых интересов и разно понимают цель производства, и поскольку, наконец, управление производством оказывается в руках класса—собственника средств производства, постольку значение внешне-принудительных, обязательных норм производственного поведения возрастает и характер их меняется.

Примитивные производственные отношения родового общества, обусловленные низким уровнем техники и общностью средств производства, не дифференцированные на технические отношения и на правоотношения производства и регулируемые также недифференцированной социальной нормой—обычаем, в связи с дифференциацией общества на классы уступают место производственным отношениям классовым, характеризующимся разделением на технические и правовые отношения производства, регулируемые соответственно разнородными нормами. Если в первобытном обществе правовые нормы производственного поведения

суть те же нормы технического поведения, лишь фиксируемые, обобщаемые и официально возводимые в степень обязательных норм в порядке общего руководства производственным процессом, то в классовом обществе, на ряду с нормами технического поведения, т.-е. нормами, обусловленными техническими условиями производства, появляются неоднородные с первыми нормы поведения, обусловленные социальной, классовой структурой общества. Первые с логической необходимостью вытекают из существа производства, как технического процесса, а вторые с такой же логической необходимостью вытекают из классовых противоречий, с одной стороны, представителей рабочей силы, потребляемой в процессе производства, не являющихся собственниками средств производства, и, с другой стороны, собственника средств производства, осуществляющего одновременно функции управления производством и эксплуататора рабочей силы. Двойственную роль капиталиста в производстве прекрасно вскрыл Маркс в „Капитале". „Функции управления, наблюдения и гармонизации", говорит он, „делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но, как специфическая функция капитала, функция управления приобретает известные характерные особенности. Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса является возможно большее самовозрастание стоимости капитала, т.-е. возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а следовательно, неизбежно растет и давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, она есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустранимым антагонизмом между эксплуататором и объектом его эксплуатации. Далее, по мере того, как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему, как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением. Кроме того, кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, эксплуатирующего этих рабочих одновременно. Связь их функций, как единства производительного тела, лежит вне их самих—в капиталисте, который их связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически—как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям".

Двойственный характер функций управления в капиталистической мануфактуре, как это видно из вышеприведенного описания Маркса, обусловливает и двойственный характер правил поведения участников производства, издаваемых в порядке управления последним. Для лучшего понимания этого двойственного характера правил производственного поведения, элиминируем на время вторую функцию, т.-е. функцию эксплуатации. Предположим, что собственником мануфактуры является коллектив рабочих, участвующих в производстве. Так как функции управления производством всегда принадлежат тому, кому принадлежат средства производства, то, следовательно, в нашем примере функции управления мануфактурой будут принадлежать самим рабочим, как коллективному собственнику средств производства. Так как мануфактура представляет сложный производственный механизм, нуждающийся в непрерывном поддержании его единства, как целого, посредственном согласования деятельности отдельных составляющих его частей, то очевидно, что функции руководства или управления не могут осуществляться самим коллективом рабочих, как таковым. Функция руководства окажется, в силу условий производства, обособленной и порученной специальному органу, выбранному коллективом рабочих. Этот орган, однородный по своему классовому составу со всеми прочими элементами производственного механизма, будет определяться в своей деятельности производственной задачей, общей для всех участников производства. Задача эта будет заключаться в производстве возможно большего количества и возможно лучшего качества предметов производства с наименьшею затратою средств и сил участников производства. В соответствии с этой задачей, а также в соответствии с техническими условиями работы отдельных частей производства, орган управления будет разрабатывать общий план производства и устанавливать, в порядке согласования работы отдельных частей и в целях наилучшего осуществления производственного плана, правила поведения для участников производства. Правила эти, формулирующие технические отношения производства, вытекающие из всей совокупности условий деятельности всего производственного механизма, как целого, являются *обязательными*, обеспеченными дисциплинарной санкцией, волеизъявлениями органа управления, как выразителя воли производственного коллектива. Рассматриваемые с точки зрения этих правил или норм взаимоотношения участников производства будут выступать, как *производственные правоотношения*.

Здесь будет уместно, во избежание возможных недоразумений, подчеркнуть возможно яснее различие между *техническими отношениями производства* и *правоотношениями производства*.

Первые отражаются в сознании их участников непосредственно как правила технически-целесообразного поведения, а не как волеизъявление органа управления. Смысл этих правил следующий: для получения такого-то результата, должно поступать так-то. Они нормы внутренние, логически обязательные. Вторые же отражаются в сознании их участников, как чужое обязательное волеизъявление, как нормы внешне-обязательные. Следовательно, правоотношения производства суть технические отношения, опосредствованные волей коллектива через орган управления. Какие именно технические отношения производства будут опосредствованы волею коллектива, это зависит от характера и значения соответствующих производственных отношений в процессе деятельности производственного механизма. Правила технического поведения, соблюдаемые всеми участниками производства добровольно в силу их внутренней обязательности и потому не нуждающиеся в подкреплении или усилении степени их обязательности волеизъявлением коллектива, естественно не остановят на себе особого внимания органа управления. Те же правила технического поведения, которые вытекают из производственных отношений, не прямо связанных с операциями, выполняемыми отдельными рабочими, но обусловленных функциями отдельных частей производственного аппарата, а потому непосредственно и недоступных большинству прямых участников производства, естественно, будут нуждаться, в меру их значения и в целях надлежащего соблюдения, в санкции органа управления.

Правила поведения членов производственного коллектива, независимо от того, будут ли они просто правилами технического поведения или правовыми нормами производственного поведения, являются *автономными нормами поведения*, т.-е. представляют продукт производственного *самоопределения* отдельных членов коллектива или коллектива в целом.

В зависимости от степени сложности производственного механизма находится и степень сложности аппарата управления производством. Отдельные части производственного механизма могут иметь свои специальные органы управления, так называемые органы ближайшего руководства. Поскольку отдельные части, как более мелкие, объединяются в техническом отношении в более крупные части механизма, их техническому обособлению будет соответствовать объединение ближайших органов управления в особый орган—общий орган ближайшего руководства. Последние будут подчинены верховному или общему органу управления производством. Таким образом возникнет иерархически построенный аппарат руководства производством. Деятельность нижестоя-

щих органов этого аппарата будет регулироваться правилами, издаваемыми органами вышестоящими. Это будут уже не правила производственного поведения в вышеуказанном смысле, а правила управления производством, которым будет соответствовать особая область правоотношений производства.

Выяснив на примере однородного в классовом отношении производственного мануфактурного механизма различие между техническими и правовыми нормами производственного поведения, а также те условия, которые определяют возникновение правоотношений производства, обратимся к соответствующему анализу производственных отношений мануфактурного капиталистического предприятия, т.-е. производственного механизма с разнородным классовым составом.

В таком предприятии непосредственная техническая цель—производство определенных предметов—оказывается опосредствованной классовой задачей капиталиста-собственника средств производства—извлечение из предприятия возможно большей прибыли. Эта задача находится в противоречии с классовой задачей рабочих предприятия. Если капиталист в погоне за прибылью стремится к уменьшению издержек производства и в частности к понижению заработной платы, т.-е. к увеличению нормы эксплуатации, то рабочие, наоборот, стремятся к повышению заработной платы, т.-е. к уменьшению нормы их эксплуатации. Капиталист и рабочие, в соответствии с различием классовых задач, коими определяется их отношение к производству, вносят в это последнее также и различные понимания начала целесообразности их поведения, как участников производства. Начало целесообразности в понимании рабочего гласит: стремись к возможно большей заработной плате при наименьшем расходовании своих сил. В понимании же капиталиста то же начало гласит: стремись к получению возможно большей прибыли при наименьшей затрате средств, т.-е. в частности, при наименьшей заработной плате. Так как средства производства принадлежат капиталисту и так как участие рабочих в производстве определяется лишь их положением, как носителей потребляемой в процессе производства рабочей силы, иначе говоря, так как капиталисту, как собственнику и организатору предприятия, принадлежит господствующая роль в производстве, а рабочим, как одному из технических условий производства, принадлежит подчиненная роль, то весь производственный процесс в целом определяется классовыми интересами капиталиста. Последним определяется не только выбор сырья и орудий, а также подбор рабочих и служащих. Самые технические отношения производства оцениваются и регулируются с точки зрения этих интересов. Технические

отношения производства выступают не просто как „технически целесообразные взаимоотношения участников производства", а как „технически целесообразные с точки зрения капиталиста взаимоотношения участников производства". Очевидно, что правила технического поведения рабочих в понимании капиталиста не одно и то же, что „правила технического поведения рабочих" в понимании самих рабочих. Правила „технического поведения", формулируемые капиталистом и, следовательно, с точки зрения интересов капиталиста, не могут соблюдаться рабочими за совесть, как правила, признаваемые целесообразными и переживаемые как внутренне-обязательные. Рабочие под давлением своих интересов естественно будут вносить в производственные отношения свое классовое понимание начала целесообразности. Так как предприятие составляет собственность капиталиста и так как, следовательно, ему принадлежит и управление производством, то на практике осуществляется регулирование технических отношений производства соответственно интересам и пониманию капиталиста. Поскольку рабочие противятся такому регулированию, противопоставляя ему свое понимание „технической целесообразности", постольку капиталист подавляет их сопротивление соответствующими мерами в порядке управления предприятием.

Мысль о различном классовом понимании „технической целесообразности" может показаться противоречащей данному в начале определению технических отношений производства, как отношений, вытекающих с внутренней логической необходимостью из условий производства. На самом деле, однако, никакого противоречия здесь нет. Дело в том, что самое техническое задание, на осуществление которого направлено производство, представляет одно из условий производства. В рассматриваемом же нами примере мы как раз имеем дело с неоднородными содержаниями, которые вкладываются в техническое или производственное задание представителями различных классов. В коммунистическом обществе производственное задание будет определяться единым общественным, а не разными классовыми интересами, понимание его будет одинаково со стороны всех участников производства и поведение их в производстве будет однородно. Не суженное классовыми интересами и не парализуемое в своем осуществлении классовой борьбой, но определяемое действительными интересами труда, техническое задание не будет являться условием производства, ограничивающим возможность наиболее целесообразного использования других условий производства. Соответственно этому и производственные отношения будут регулироваться исключительно в интересах наиболее целесообразного использования всех производственных рессурсов.

Выше мы указали на то, что в мануфактурном капиталистическом, как и во всяком другом капиталистическом производстве, весь производственный процесс определяется интересами капиталиста. Он определяется интересами капиталиста и в том смысле, что целью его является получение прибыли, и в том смысле, что капиталисту, как владельцу предприятия, принадлежит управление им. Как капиталист—он осуществляет функцию эксплуатации общественного процесса труда, и как капиталист—он осуществляет функцию управления производством. Какая же из двух функций оказывается преобладающей: какая основной, и какая—производной? Несомненно первая. „Капиталист не потому является капиталистом", —говорит Маркс,—„что он управляет промышленным предприятием,—наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала подобно тому, как в феодальное время высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности". В виду того, что функция управления, как функция капиталиста, является производной от его функции эксплуататорской, а также в виду противоречия классовых интересов капиталиста и рабочих, функция управления оказывается двойственной. Управление капиталиста направлено не только на согласование частей производственного механизма. Последнее предполагает предварительное успешное подавление сопротивления эксплуатации, которое оказывают рабочие на всем, так сказать, протяжении производственного процесса. Особенности, отличающие функцию управления капиталиста, не могут, конечно, не отражаться на характере и содержании издаваемых им в порядке управления правил производственного поведения. Правила эти являются, прежде всего, нормами не автономными, а гетерономными, продиктованными не только чужой, но чужой классовой, т.-е. враждебной волей. Далее, нормы эти определяют не только технические отношения производства, но и классовое отношение производства. Наконец, нормы эти проникают вглубь производственного процесса значительно более, чем в первом, классово-однородном примере производственного процесса, что объясняется именно классовым капиталистическим содержанием понимания технических отношений производства.

Общий анализ производственных отношений, сделанный выше, позволяет определить правоотношения производства, как такие отношения между более или менее самостоятельными частями производственного механизма, которые определяются и регулируются правилами, устанавливаемыми органами управления производством.

Мы рассматривали до сих пор правоотношения производства, как правоотношения, определяемые правилами внутреннего распорядка, т.-е. правилами, не выходящими за пределы отдельного производства. Необходимо, однако, указать, что кроме правил обязательного производственного поведения, издаваемых органами управления производством, существуют юридические нормы, которые устанавливаются государством, как организацией господствующего класса собственников, и которые регулируют производственные отношения в национальном масштабе в интересах господствующего класса, а отчасти, формально, в ограждение интересов рабочих, поскольку они издаются в порядке уступки под давлением классовой борьбы пролетариата из тактических соображений господствующего класса.

Что касается имущественных отношений производства, то они составляют самую существенную часть правоотношений производства определяя самый характер отношений, как мы видели это на примере капиталистической мануфактуры.

В эпоху господства родовой общественной организации имущественные отношения производства регулируются принципом общей собственности на средства производства и вытекающим из него началом имущественного равноправия. Начало имущественной общности накладывает свой отпечаток на все прочие правоотношения производства родового общества, регулируемые обычаем и столь же примитивные, как и другие общественные отношения этой эпохи. При несложности производственных процессов родового общества, самое разграничение отдельных видов производственных отношений представляется, как мы видели это выше, делом трудным и условным.

Родовые имущественные отношения начали разлагаться под влиянием обмена, обусловленного общественным разделением труда. „Разделение труда в обществе“, говорит Маркс „и соответственное ограничение индивидума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки. В пределах семьи, а с дальнейшим развитием в пределах рода—естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.-е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно с появлением конфликтов между родами и подчинением одного рода другими. С другой стороны.... обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные инди-

виды, а семьи, роды и т. д. вступают между собою в сношения, как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а, следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает путем обмена между первоначально различными, но независимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого разъединяются, разлагаются, причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами — и становятся самостоятельными, сохраняя между собою лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами путем обмена их продуктов в качестве товаров" (Капитал, т. I). Возникновение и развитие в условиях общественного разделения труда междуобщинного или междуродового, а также внутриобщинного или внутриродового обмена, явилось вместе с тем возникновением и развитием института собственности.

„Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относится друг к другу, как лица, воля которых господствует в этих вещах; таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного, общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, выражен он законно, или нет,—есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением (там же)". Таким образом, предпосылкою обмена является взаимное, все равно, молчаливое или выраженное, признание обменивающихся собственниками, т.-е. субъектами права господства над вещью и, в частности, права ее отчуждения. Это не значит, что возникновение идеи собственности предшествовало возникновению обмена. Идея собственности, как обобщение, возникла и развилась из соответствующего нормативно-правового эле-

мента обмена, как общественного отношения. Следовательно, идея собственности есть идеологический продукт развившегося обмена.

Поскольку обмен первоначально возник между семьями, родами и общинами, как выражается Маркс, т.-е. между коллективными единицами, постольку в процессе развития этого обмена возникло, как идеологический продукт этого процесса, представление о коллективной собственности. Семьи, роды и общины начали сознавать себя, как субъектов коллективной собственности, и противополагать себя другим таким же субъектам не ранее, чем они вступили в обмен между собою, хотя и до обмена они являлись коллективными владельцами различных предметов. Точно так же и представление о частной собственности могло возникнуть и развиться не ранее, чем обмен проник внутрь родов и общин, когда в качестве субъектов правоотношений обмена стали выступать отдельные лица.

Обмениваемые предметы могли являться объектами частной собственности лишь постольку, поскольку они являлись продуктами индивидуального труда. Следовательно, развитие частной собственности было обусловлено развитием и господством мелкого, индивидуального, ремесленного производства. Развитие же и господство мелкого производства было обусловлено низким уровнем техники: орудия труда были примитивны и обычно изготовлялись самими производителями.

Таким образом, возникновение в процессе обмена частной собственности было обусловлено низким уровнем материальных производительных сил.

Вместе с развитием общественного разделения труда, с отделением города от деревни [1]), соответственно расширялась и углублялась сфера обмена, а, следовательно, и сфера частно-имущественных производственных отношений.

Для правильного понимания имущественных отношений производства, характерных для отдельных периодов общественного развития, необходимо обратить надлежащее внимание на правовое положение в производстве рабочей силы. Характерной особенностью рабовладельческих производственных отношений является правовое положение раба. Последний рассматривался не как субъект производственных отношений, не как носитель соответствующих производственных обязанностей и прав, а как объект. Он входил в состав хозяйственного инвентаря господина в качестве „говорящего инструмента“, по выражению Ари-

[1]) „Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни“. (Маркс, „Капитал“ т. I).

стотеля. Что касается имущественных отношений производства феодального общества, то их наиболее характерной особенностью является правовое положение крепостного. Рабочая сила последнего рассматривалась, как предмет собственности феодала, и была предметом имущественных сделок. Личность крепостного разделяла юридическую судьбу его рабочей силы. При капиталистических отношениях производства представитель рабочей силы раскрепощается и превращается в субъекта производственных отношений, юридически равноправного капиталисту. Фикция юридического равенства маскирует и защищает экономическое неравенство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Производительные силы и механизм общественного развития.

В предисловии „К критике политической экономии“ К. Маркс оперирует понятиями: „материальные производительные силы“ и „общественные производительные силы“. Во всех тех случаях, когда Маркс употребляет выражение „производительные силы“, не квалифицируя их как „материальные“ или „общественные“, он употребляет это выражение в смысле „материальные производительные силы“. Иначе говоря, оперируя в „предисловии“ понятием производительные силы, Маркс всегда употребляет это понятие, как видовое, а не как родовое. В противоположность Марксу большинство марксистов оперируют понятием „производительные силы“ как родовым понятием, подразумевая под ним средства производства (машины, орудия, сырье, вспомогательные материалы) и рабочую силу. Следовательно, Маркс разграничивает понятия „материальных“ и „общественных“ производительных сил, а марксисты соединяют их. Чем это объясняется? По моему мнению тем, что не все марксисты, к сожалению, преодолели буржуазную политическую экономию. Буржуазная политическая экономия, как известно, есть теоретическое отражение, или, если угодно, теоретическое изображение капиталистического периода общественного развития. Она является „буржуазной“ также и в том смысле, что она описывает и анализирует капиталистическое хозяйство с точки зрения положения, занимаемого в производстве буржуазией, и стремится помочь буржуазии теоретически осознать хозяйственные условия ее бытия, т.-е. говоря иначе, она служит интересам буржуазии. Буржуа-практик не разграничивает материальные и общественные производительные силы, а соединяет их. Для него важно и существенно производство в целом, т.-е. машины, сырье, вспомогательные материалы и рабочая сила, объединяемые им, как предпринимателем. С его точки зрения машины и

сырье, с одной стороны, и рабочая сила, с другой стороны, части единого целого—процесса производства. Эти части для него представляют интерес постольку, поскольку они соединены в одно, ибо только в таком состоянии они приносят ему прибыль. Поэтому для него „производительные силы" не пустое „родовое" понятие, а живое, реальное содержание. Буржуа-теоретик, в полной гармонии с буржуазной практикой, конструирует понятие „производительные силы", в содержание которого включается, наряду с машинами, сырьем и т. д., и рабочая сила.

Что касается рабочего, то он не соединяет себя, как общественную производительную силу, с материальными производительными силами, а, наоборот, противостоит им—и притом в двояком отношении: как субъект работы объекту работы и как эксплуатируемая общественная производительная сила—средствам эксплуатации и их собственнику. Если капиталист соединяет рабочего, являющегося для него таким же средством производства прибыли, как машины и сырье, с последними в одно—в „производительные силы", и противопоставляет их себе, как объект своего господства и эксплуатации, то рабочий, наоборот, соединяет капиталиста и материальные средства производства в одно целое—в „капиталистические средства производства", и противопоставляет их себе, как средство производства прибавочной стоимости или эксплуатации.

Маркс, как идеолог пролетариата, как теоретик, не стоящий на точке зрения буржуазии, как не апологет, а противник буржуазного строя, естественно не приемлет теоретических конструкций буржуазных экономистов. Он дает критику буржуазной политической экономии. Его критика является не чем иным, как „разоблачением" тайны капиталистического производства и капиталистической теории. Критикуя буржуазную политическую экономию и разоблачая ее перед рабочим классом, он был бы непоследовательным, если бы принял буржуазную конструкцию понятия производительных сил. Вот почему мы не находим у Маркса единого буржуазного определения производительных сил, совершенно бесплодного с точки зрения пролетарской политической экономии, но зато находим два различные, не покрывающие друг друга и не противоречащие друг другу определения: материальные производительные силы и общественные производительные силы. Даст их синтез, т.-е. объединит их, как видовые понятия, в единое родовое понятие—наука в социалистическом обществе, потому что только в этом обществе будет существовать то реальное содержание, которое должно соответствовать логическому содержанию несуществующего в пролетарской политической экономии родового понятия производительных сил.

Имеется, пожалуй, некоторая аналогия между тем, как Маркс противопоставил установленному буржуазной политической экономией делению капитала на основной и оборотный свое деление капитала на постоянный и переменный и между тем, как Маркс противопоставил определению производительных сил буржуазных экономистов два своих вышеуказанных определения. Деление капитала на основной и оборотный находится в строгом соответствии с интересами капиталиста, не представляя непосредственного интереса для рабочего. Деление же капитала на постоянный и переменный, как об этом свидетельствуют работы самого Маркса, имеет существенное значение для правильного уразумения эксплуататорской природы капиталистического производства.

Чтобы дать читателю возможность лично убедиться в том, какими определениями оперирует Маркс в своем „предисловии" я ниже привожу последнее, подчеркнув все места, где упоминаются производительные силы: „... В общественном производстве люди вступают в определенные необходимые, независимые от их собственной воли, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил (1). Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, ту реальную основу, на которой поднимается юридическая и политическая надстройка, и которой соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает весь социальный, политический и духовный жизненный процесс. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот — общественное бытие определяет их сознание. На определенной ступени своего развития материальные производительные силы (2) общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, если выбрать для этого юридическое выражение, с теми имущественными отношениями, в пределах которых эти производительные силы (3) вращались до сих пор. Будучи в начале формами развития для этих производительных сил (4), эти отношения становятся их оковами. И тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы радикально изменяется, медленно или быстро, вся огромная надстройка. При рассмотрении таких переворотов нужно постоянно различать между материальным переворотом в экономических условиях производства, поддающимся точному констатированию, с точностью естественных наук, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди сознают и изживают этот конфликт. Как нельзя оценивать человека по тому

мнению, которое он сам имеет о себе, точно также нельзя оценивать революционную эпоху по господствующему в эту эпоху сознанию, напротив, необходимо объяснить это сознание, как вытекающее из противоречий материальной жизни, из конфликта между общественными производительными силами (5) и производственными отношениями. Никакая общественная форма не исчезает раньше, чем развились старые производительные силы (6), которым она удовлетворяет, и новые, высшие производственные отношения никогда не заступают ее места раньше, чем материальные условия их существования назрели в утробе старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда лишь такие задачи, которые оно в состоянии разрешить, ибо при ближайшем рассмотрении можно постоянно убедиться, что сама задача только там и выдвигается, где уже существуют материальные условия для ее разрешения или, по крайней мере, находятся в процессе созревания. Говоря вообще, и азиатский, и античный, и феодальный, и современный буржуазный способ производства можно признать прогрессивными эпохами экономической формации общества. Буржуазные производственные отношения представляют собой последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы (7) создают вместе с тем и материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией и завершается пролог к настоящей истории человеческого общества.

Анализируя приведенное место из „предисловия" мы убеждаемся, что: а) в случаях, отмеченных цифрами 1 и 2 Маркс употребляет выражение „материальные производительные силы", b) в случаях, отмеченных цифрами 3 („эти производительные силы") и 4 („этих производительных сил") он под местоимениями „эти" и „этих" разумеет „материальные"; в) в случае, отмеченном цифрой 5, он говорит об „общественных производительных силах" и, наконец, г) в случаях, отмеченных цифрами 6 и 7, он употребляет выражение „производительные силы" в смысле „материальные производительные силы". Таким образом, в своем „предисловии" Маркс, оперируя понятием производительные силы, ни разу не употребляет его в том значении, которое придает этому понятию буржуазная политическая экономия.

Разграничение понятий „материальные" и „общественные" производительные силы весьма существенно для правильного понимания механизма общественного развития. В дальнейшем изложении под выра-

жением „материальные производительные силы“ мы, в смысле Маркса, будем разуметь материальные средства производства, т.-е. землю, орудия, машины, сырье, и вспомогательные материалы, а под „общественными производительными силами“—непосредственных производителей, т.-е. рабочих. Рабы были главною общественною производительною силою античного общества, крепостные—феодального общества, а наемные рабочие [1]) являются главною производительною общественною силою капиталистического общества.

Краткое изложение схемы механизма развития классового общества необходимо начать с характеристики развития материальных производительных сил, ибо, согласно одному из основных положений материалистической социологии, претерпеваемые ими изменения являются исходными моментами всего общественного развития. Их изменения служат как бы толчками для соответствующих изменений других элементов общественного целого. Что же следует разуметь под развитием материальных производительных сил? Вообще говоря, те качественные и количественные изменения материальных средств производства, которые повышают производительность труда и увеличивают массу производимых продуктов. Так, например, под развитием земли, как материальной производительной силы, следует разуметь все те совершающиеся или производимые в ней изменения, которые повышают степень ее плодородия, а также все те количественные изменения, т.-е. увеличение ее площади, с которыми связано увеличение количества производимых землей продуктов. Поскольку земельные площади не обрабатываются, или так или иначе не эксплуатируются, т.-е. не обращаются ни под земледелие, ни под скотоводство, ни под охоту и т. д., постольку они представляют лишь резервную, а не функционирующую материальную производительную силу. Всякое обращение под культуру новых земельных площадей, их перевод из состояния резервного в состояние функциональное, будет „количественным“ развитием земли, как материальной производительной силы. Всякие же изменения, производимые на функционирующих уже площадях земли с целью улучшения ее свойств (осушение, орошение, удобрение и т. д.) будут являться „качественным“ развитием земли, как материального средства производства. Впрочем, развитие земли, как производительной силы, выражается не только в ее „развитии“ в качественном и количественном отношениях в вышеуказанном смысле, но также и в изменениях способов ее использования. Целесообразное

[1]) Еще в «Нищете философии» Маркс определил рабочий класс, как основную производительную силу общества.

с точки зрения свойств и топографического расположения земель и распределение под соответствующие хозяйственные культуры (под хлебные злаки, под технические культуры, под кормовые травы и т. д.) также является моментом, повышающим степень производительности труда. В данном случае мы имеем пример развития материальной производительной силы путем ее дифференциации. В понятие развития земли, как материальной производительной силы, входит также степень распространения претерпеваемых землей вышеуказанных изменений в масштабе народного хозяйства.

В качестве другого примера развития материальных производительных сил можно указать на развитие такого „орудия" труда, как мельница. Исходным пунктом развития „мельницы" можно считать перетирание чего-либо между ладонями рук. Здесь мы не имеем еще мельницы, как „орудия", *но принцип мельницы уже дан. Мельница* как „орудие", *появляется, когда между ладонями помещаются две* твердых параллельных поверхности *(например, два плоских камня)* с помощью которых *совершается перетирание. Это примитивная „ручная* мельница". *Следующей ступенью развития мельницы будут два* каменных жернова, укрепленных на земле, *из которых верхний* вращается при помощи палки движущимся по окружности человеком. Еще следующей ступенью развития будет та же система жерновов, но приводимая в движение животным. Дальнейшей этой ступенью развития мельницы будет мельница ветряная, т.-е. приводимая в движение силою ветра. За ней будет следовать мельница водяная. Далее идут паровая и электрическая. Расположим все перечисленные типы мельницы в один последовательный ряд в порядке их перечисления. Полученный ряд будет в грубом, примерном виде изображать процесс технического развития мельницы, как материального средства производства. Процесс развития в данном случае выражается, прежде всего, в последовательном переходе от технически менее сложного и совершенного к технически более сложному и совершенному средству производства. Далее процесс развития в данном случае выражается в постепенном возрастании степени мощности силы, приводящей в движение механизм мельницы. Сила рук человека заменяется силою движения его тела, далее сила человека заменяется силою животного, последняя— силою ветра, сила ветра—силою падающей воды, сила падающей воды— силою пара и, наконец, сила пара—электрической энергией. Итак, мельница прошла путь развития от аппарата, приводимого в движение кистями человеческих рук, до машины, приводимой в движение самым мощным источником энергии—электричеством.

Мы рассмотрели процесс развития мельницы с внешней, технической стороны. Посмотрим теперь, каково значение этого процесса развития, если рассматривать его не с внешней, а с внутренней стороны, со стороны целесообразного использования человеческой энергии, участвующей в мукомольном производстве. Рассматриваемый с внутренней стороны процесс этот представляет процесс последовательного возрастания степени производительности труда. Если для получения пуда муки посредством примитивной ручной мельницы требовалась работа одного человека в течение нескольких дней, то время, необходимое для получения того же количества муки при помощи электрической мельницы измеряется частями секунды.

Чем же, однако, обусловлен вышеуказанный процесс развития мельницы? Превратилась ли ручная мельница в мельницу электрическую самостоятельно, в силу своеобразной „энтелехии", т.-е. в силу присущего ей какого-то „закона внутреннего развития", или процесс ее развития был обусловлен причинами, вне ее лежащими? Надо полагать, что даже самый завзятый виталист-универсалист не рискнет говорить о „внутренней силе развития", присущей мельнице. Процесс развития мельницы, как орудия, обусловлен социальными причинами и в этом смысле является процессом социальным. Дело в том, что мельница, взятая сама по себе, изолированно, вне ее отношения к человеку, вовсе не представляет „орудия". Она даже не представляет просто „вещи", если употреблять этот термин, как юридический. Она представляет просто часть внешнего, материального мира. „Орудием" мельница является только для человека. Поэтому процесс ее развития, как „орудия", есть процесс, обусловленный отношением к ней людей. Этот процесс представляет процесс вытеснения в процессе конкуренции мельницей, технически более совершенной, мельницы, технически менее совершенной, например, процесс вытеснения мельницей паровой мельницы водяной или мельницей электрической мельницы паровой. Поскольку, при прочих равных условиях, производство муки на электрической мельнице связано с меньшими издержками производства, чем то же производство на мельнице паровой, постольку мука, производимая на электрической мельнице, будет вытеснять муку, производимую на паровой мельнице. Следовательно, не что иное, как конкуренция, в товарном обществе является движущей силой развития мельницы, как орудия производства.

Но за каждой мельницей стоит ее собственник. Следовательно, вытеснение в процессе конкуренции, например, мельницей электрической мельницы паровой, будет в то же время процессом оттеснения на рынке собственником технически более совершенной мельницы собственников мель-

ниц, технически менее совершенных. Таким образом, оказывается, что изменение в материальном средстве производства, выразившееся в конструкции электрической мельницы, обусловило, в результате его распространения в порядке конкуренции, соответствующие изменения в составе класса собственников. В среде последнего, наряду с владельцами разных иного рода мельниц, появились владельцы электрических мельниц, одержали на рынке верх над своими конкурентами, заставили их отойти на второй план и заняли командующее положение в мукомольном производстве. Однако, не только в классе собственников средств производства технические изменения обусловливают соответствующие качественные и количественные изменения. Они вызывают соответствующие изменения также в составе рабочего класса. Появление в мукомольном производстве электрической мельницы и ее распространение связано со спросом со стороны владельцев этих мельниц на квалифицированную рабочую силу.

Среди рабочих мукомольного производства появляются электротехники различной квалификации. Но, так как вместе со спросом на рабочих, знакомых с электротехникой, в том же мукомольном деле понижается спрос рабочих, обслуживающих, скажем, паровые мельницы, в виду вытеснения их мельницами электрическими, то, следовательно, с появлением среди рабочих мукомольной промышленности новых элементов, наблюдается постоянное уменьшение прежних элементов, т.-е., иначе говоря, состав рабочих начинает претерпевать значительные изменения.

Таким образом, изменения, совершающиеся в материальных производительных силах, косвенно, через изменения, совершающиеся в классе собственников, обусловливают изменения общественных производительных сил.

Вытеснение в разных отраслях производства группами собственников технически более совершенных средств производства групп собственников технически менее совершенных средств производства, в процессе хозяйственной конкуренции, представляет по существу своему процесс социального отбора, т.-е. процесс отбора владельцев предприятий, технически наиболее приспособленных к условиям конкуренции. Точно так же процесс качественных и количественных изменений, происходящих в составе общественной производительной силы, являющийся, как мы видели, процессом, производным от изменений, совершающихся в классе собственников, также представляет процесс отбора элементов общественной производительной силы, наиболее приспособленных к требованиям развивающейся техники. Этот процесс регулируется, с одной

стороны, соответствующим спросом на рабочую силу, а, с другой стороны, ее предложением.

Соответствие процесса отбора общественной производительной силы процессу отбора материальной производительной силы (который идентичен с процессом отбора собственников средств производства) регулируется самым процессом конкуренции, поскольку последний беспрепятственно протекает в рамках существующих производственных отношений, или, выражаясь иначе, поскольку общее правовое и в частности имущественное положение общественной производительной силы позволяет протекать процессу отбора общественной производительной силы беспрепятственно. Поскольку же правовое положение общественной производительной силы (раба, крепостного, наемного рабочего) начинает являться препятствием для отбора общественной производительной силы, определяемого спросом на нее со стороны развивающейся материальной производительной силы, постольку процесс отбора самой материальной производительной силы также начинает задерживаться. Изменение правового состояния общественной производительной силы начинает в таких случаях сознаваться заинтересованными собственниками материальных средств производства, как необходимое условие их дальнейшего хозяйственного развития. Под давлением этого сознания, они направляют свои усилия на изменение существующих производственных отношений в сторону улучшения в нужном для них отношении правового положения рабочей силы. Поскольку низкая в качественном и количественном отношении степень производительности общественной производительной силы, находившейся в рабском состоянии, препятствовала замене примитивных и грубых орудий производства орудиями технически более совершенными, постольку естественно было стремление со стороны заинтересованных собственников к пользованию рабочей силой, способной, в силу своего правового положения в производстве, развивать большую степень трудовой производительности.

Связь рабского труда с низкой техникой прекрасно подчеркнул Маркс. Говоря о том, с какой заботливостью капиталист наблюдает за тем, чтобы не имели места нецелесообразное потребление материала и расточение средств производства, Маркс указывает, что нецелесообразное потребление и расточение материальных средств производства составляют „одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как instrumentum vocale от животного, как instrumentum semivocale, и от неодушевленного орудия труда, как instrumentum mutum. Но сам-то рабочий дает почувствовать живот-

ному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому считается экономическим принципом такого способа производства применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих государствах, расположенных у Мексиканского залива, до начала гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые взрывали землю, как свинья или крот, но не делали борозд и не переворачивали ее...“ В своем „Sea Bord Slave states“ Olmsted рассказывает между прочим: „Мне показывали здесь орудия, которые ни один человек, находящийся в здравом уме, не дал бы рабочему, работающему по найму, так как они тяготили бы его; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. И я уверен, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы неэкономно предоставить последним более легкие и менее грубые орудия, и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва последней легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным является то соображение, что лошади не могли бы переносить того обращения, которому они подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого материального вреда, не простуживаются и не заболевают, если пренебрегать уходом за ними или переобременять работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и я почти каждый раз вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на севере немедленно прогнал бы погонщика“ („Капитал“, прим. 17).

Очевидно, что при таком правовом положении общественной производительной силы, при котором последняя не имеет абсолютно никакого интереса ни к повышению производительности своего труда, ни к бережному отношению к материальным производительным силам, развитие техники, если и может иметь место, то весьма ограниченное. Поскольку римские колоны или, например, русские крепостные имели при системе барщины и оброка некоторый интерес к увеличению продуктив-

ности своего труда, и к более или менее заботливому отношению к средствам производства, постольку они, как общественная производительная сила, находившаяся в относительно лучшем правовом положении, давали возможность для некоторого технического прогресса по сравнению с техникой рабовладельческого общества.

Замена феодальных производственных отношений отношениями капиталистическими, или, иначе говоря, изменение в отношении общественной производительной силы режима крепостнического на режим наемного рабочего, явилось условием для дальнейшего развития материальных производительных сил. Не находящийся, подобно рабу и крепостному, на иждивении хозяина, но предоставленный своей собственной судьбе, находясь постоянно под угрозою безработицы и голода, поставленный в условия сильной конкуренции при поисках работы, наемный рабочий имеет несравненно больше импульсов к повышению производительности своего труда по требованию предпринимателя, по сравнению с крепостным. Однако, правовое положение наемного рабочего не представляет благоприятных условий для постоянного развития производительности его труда. По мере осознания наемным рабочим механизма, при помощи которого капиталист извлекает из его труда прибавочную стоимость, по мере роста его классовой солидарности и организованности, у него не может быть особенно высоких и значительных импульсов для повышения производительности своего труда. Этому препятствует сознание им того, что он работает в ущерб себе на пользу капиталиста. Только с переходом к социалистическому правовому положению, при котором пришедший на смену „наемному рабочему“ „рабочий свободный“, коллективный собственник средств производства, будет преисполнен сознанием, что всякое увеличение производительности его труда означает улучшение его собственного благополучия и благополучия его потомства, правовое положение общественной производительной силы не будет в каком бы то ни было отношении являться помехой для беспрепятственного развития материальных производительных сил.

Переход в России к советской общественно-государственной системе, коренным образом изменивший правовое положение общественной производительной силы по сравнению с ее правовым положением в условиях капиталистического режима, превративший общественную производительную силу из объекта эксплуатации в господина важнейших производительных рессурсов страны, вызвал к жизни новые, несравненно более глубокие и широкие импульсы к развитию производительности труда. В условиях советского режима нет и не может быть никаких

препятствий для прогресса материальных производительных сил со стороны правового положения рабочей силы в производстве.

Поскольку процесс вытеснения собственниками технически более совершенных средств производства собственников технически менее совершенных средств производства встречает препятствия в существующих имущественных отношениях производства в смысле правовых ограничений рабочей силы, или в смысле правовых ограничений для свободного товарного обращения какого-либо материального средства производства (например, земли при феодальном режиме), постольку этот процесс далеко не имеет характера мирной хозяйственной конкуренции, но претворяется в активный процесс классовой политической борьбы. Группа собственников средств производства, продолжающая занимать господствующее положение в условиях конкуренции только потому, что, опираясь на принадлежащий ей государственный аппарат, насильственно поддерживает систему существующих отношений производства, возбуждает против себя борьбу той группы собственников, которая, опираясь на новые развивающиеся материальные средства производства, встречает препятствия для своего свободного экономического развития в существующих производственных отношениях. Так, например, возникшая и развившаяся в рамках феодального общества новая группа собственников технически более совершенных средств производства — буржуазия — встретила препятствия для своего дальнейшего развития в существовавших феодальных отношениях производства. Препятствия для ее развития, т.-е. для распространения новых капиталистических отношений производства, заключались в дворянской монополии на землю, т.-е. в отсутствии свободы обращения земли, как товара, в праве помещика на рабочую силу крепостного, т.-е. в отсутствии свободы обращения рабочей силы, как товара, в цеховом закрепощении ремесленного труда и в целом ряде многочисленных феодальных привилегий. В виду того, что устранение этих правовых ограничений было равносильно потере феодалами их господствующего положения, поддерживаемого лишь тем, что в их руках был аппарат государственного управления, при помощи которого они подавляли сопротивление классов, заинтересованных в изменении существовавших производственных отношений, и регулировали их в направлении сохранения своего привилегированного положения, класс феодалов, очевидно, не мог решиться на добровольное самоуничтожение, и потому перед буржуазией оставался только один путь, путь революционного устранения господствующего класса. Поскольку новые производственные отношения, которые несла с собой буржуазия, объективно обещали улучшение

правового положения общественным производительным силам, и поскольку трудящиеся массы в силу своего эксплуатируемого и подчиненного положения являлись естественными врагами существовавшего феодального режима, постольку они оказывали буржуазии активную поддержку в ее революционном стремлении.

Так как всякой системе производственных отношений присущ особый, свойственный только ей, характер идеологических моментов— целевого и нормативно-правового, то, очевидно, что борьба за всякую новую систему производственных отношений сопровождается также борьбой новой идеологии против идеологии господствующего класса. Целевому идеологическому моменту дают новое содержание задачи революционного класса, а нормативно-правовому — вытекающие из этих задач новые правоотношения производства. Поэтому идеологическая борьба всегда является неизбежным спутником классовой политической борьбы, составляя ее производный элемент. Конкретные формы, в которые воплощается новое идеологическое содержание, обусловливаются особенностями борющихся классов.

В результате беглой, схематической характеристики механизма развития классового общества, мы приходим к следующим основным положениям:

1. Исходными моментами развития классового общества являются изменения, совершающиеся в материальных производительных силах.

2. Изменения эти обусловливают непосредственно процесс социального отбора в классе собственников средств производства и, косвенно, внутри общественной производительной силы, или в классах трудящихся; социальный отбор этот происходит в рамках экономической конкуренции.

3. Экономическая классовая борьба между классом собственников средств производства и между классом трудящихся происходит в рамках и на основе существующих производственных отношений по линии противоречия их классовых интересов.

4. Поскольку конкуренция внутри класса собственников или экономическая борьба между классом собственников и трудящимися перерастает рамки существующих производственных отношений и поскольку борьба начинает вестись, с одной стороны, за изменение существующих производственных отношений, а, с другой стороны, за их сохранение, постольку экономическая борьба осложняется борьбой политической или борьбой за государственную власть, обладание которой открывает обладающему ею классу реальную возможность регулирования производственных отношений в своих классовых интересах.

5. Кульминационным пунктом политической борьбы является открытая революционная борьба, т.-е. прямая физическая борьба между классами, приводящая, в результате победы революционного класса, к замене прежних имущественных отношений производства новыми.

6. Подобно тому, как политическая борьба представляет явление, производное от экономической борьбы, борьба идеологическая является моментом, производным от борьбы политической.

Возвращаясь, после всего вышеизложенного, к затронутому в начале настоящего очерка вопросу о соотношении материальных и общественных производительных сил, мы получаем возможность с еще большим основанием указать на неправильность с точки зрения революционного марксизма теоретического объединения материальных и общественных производительных сил, как видовых понятий, в единое родовое понятие „производительные силы“. Мы видим, что в классовом обществе развитие материальных производительных сил исторически связано с развитием класса собственников. Конкретным социальным воплощением и выражением их развития являются в каждый данный период интересы той или иной фракции класса собственников. Иначе это быть не может, ибо, поскольку процесс развития материальных производительных сил является, как на это было указано вначале, процессом социальным, и поскольку в классовом обществе они являются объектом частной собственности, постольку их развитие, как процесс социальный, не может не воплощаться в конкретные формы классового движения собственников. Что касается развития общественной производительной силы, то ее развитие в классовом смысле представляет процесс развития класса трудящихся.

Иначе говоря, материальные и общественные производительные силы, рассматриваемые в рамках развития классового общества, имеют различную классовую природу. Материальные производительные силы противостоят в лице класса собственников рабочему классу, как общественной производительной силе. Поэтому попытка теоретического их объединения дает в результате пустую абстракцию, лишь маскирующую различную классовую природу объединяемых элементов. Маскировка эта является плюсом с точки зрения эксплуатирующего класса. С точки же зрения эксплуатируемого класса она является минусом, ибо идеологически вредна для него.

Понятие „производительные силы“ в том смысле, как этим понятием оперируют буржуазные экономисты, по существу является понятием *техническим*, а не социологическим. Маркс же, поскольку по

крайней мере это явствует из анализа его „Предисловия“, оперирует понятиями „материальные“ и „общественные“ производительные силы, как понятиями социологическими. Если процесс производства брать лишь, как процесс технический, т.-е. отвлекаясь от его социальной стороны, то мы имеем, с одной стороны, материальные средства производства как материю производственного процесса, и человека, как действующее лицо этого процесса. Но, поскольку Маркс говорит о процессе общественного развития, он очевидно оперирует соответствующими понятиями не как понятиями техническими, а как понятиями социологическими.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общество и государство.

1. Социологическое определение общества.

Для правильного построения социологического определения общества необходимо исходить из „общественного отношения", как элементарного социального явления. Этот методологический прием, хотя и составляет необходимое условие правильного социологического определения общества, не является, однако, достаточным условием. Кроме него требуется предварительное, правильное и точное определение самого общественного отношения. Только при соблюдении последнего условия устраняется с методологической стороны опасность смешения социологического определения общества с биологическим и социально-психологическим его определениями.

На вопросе об установлении точных признаков понятия „общественное отношение", непосредственно связанном с вопросом о правильном размежевании социологии с соседними научными дисциплинами — биологией и социальной психологией, мы уже, правда, кратко, останавливались в очерке „Размежевание социологии с биологией и психологией". Это обстоятельство освобождает нас от необходимости вновь проделывать всю работу по определению „общественного отношения". Надлежит лишь остановиться на некоторых дополнительных замечаниях. При определении общественного отношения мы исходили из представления о нем, как о таком отношении между людьми, которому присущи два основных признака или момента: целевой и нормативный. Согласно этому представлению всякое иное отношение между людьми, т.-е. отношение, не имеющее указанных признаков, не есть общественное отношение в социологическом смысле этого слова. Оно может быть отношением или биологическим, или социально-психическим, но отнюдь не социальным.

Попытаемся кратко определить взаимоотношение между „общественным отношением", как отношением между людьми в социологическом значении этого термина, и между „отношениями между людьми", как формами биологического и социально-психологического отношений. Биологическим явлением в широком значении этого слова будет всякий растительный или животных организм, все равно, будем ли мы иметь в виду мельчайший из микроскопических одноклеточных организмов, или такой сложный организм, как человеческий. Всякое отношение между организмами, вытекающее из их жизнедеятельности, представляет биологическое отношение. Следовательно, и всякое отношение между людьми, в вышеуказанном смысле, т.-е. как отношение, вытекающее из их жизнедеятельности как организмов, будет биологическим отношением. Так, например, те отношения, которые устанавливаются между людьми в процессе их естественного отбора, будут отношениями биологическими. Что касается психических отношений между людьми, то, поскольку „психика" является продуктом длинного и сложного процесса развития органического мира и составляет элемент жизнедеятельности организма на определенной ступени развития последнего, постольку понятие психического или социально-психического отношения между людьми покрывается понятием биологического отношения. Точнее говоря, психическое отношение между организмами представляет лишь элемент их биологического отношения. По основаниям методологического характера элемент этот, как объект изучения, обособляется в особую научную дисциплину. Психология, как естественная наука, целиком поэтому базируется на биологии. Социальная психология, как наука, исследующая механизм психического взаимодействия людей, также базируется на биологическом отношении. Сказанным предопределяется взаимоотношение „общественного отношения" к иного рода отношениям между людьми. Его можно формулировать следующим образом: общественное отношение есть такое социально-психическое, а следовательно, и биологическое отношение между людьми, которому присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный.

Уточнив несколько свое представление об „общественном отношении", как элементарном, т.-е. социологически неразложимом, социальном явлении, мы можем непосредственно перейти к определению общества.

Не будет преувеличением сказать, что в обыденной речи с словом „общество" соединятся всякая совокупность людей, независимо от ее характера, численности, а также продолжительности ее существования. Термин „общество" употребляется как синоним человечества („человеческое общество"), национальности, нации, сословия, обществен-

ного класса и т. д. Им обозначаются всякого рода социальные формы: семья, государство, „организация". „компания", товарищество" и т. д. Наконец, им обозначаются всякие случайные скопления людей („общество", собравшееся за чашкою чая, на палубе парохода, в гостиной, в вагоне железной дороги и т. д.). Социологическое определение отличается от обыденного или разговорного тем, что с ним всегда сочетается строго определенное содержание.

От всех прочих социальных форм или, как выражаются некоторые авторы, „общений" общество отличается тем, что все прочие формы являются по отношению к нему формами производными, частями, возникающими в процессе его развития путем диффенциации. Следовательно, по отношению ко всем прочим социальным формам, как производным, общество является формой первичной. Первые возникают, существуют и развиваются лишь на основе второго. Так, например, сословия, политические партии, религиозные общины, научные, художественные, спортивные и т. п. формы общения — представляют лишь продукт развития общества, его составные части. Как социальные формы, они покрываются обществом, как основной, первичной и сложной социальной формой. Все производные социальные формы как элементы общества, подчинены во всех отношениях целому. Они следуют его судьбе. Оно выступает по отношению к ним как „общение" самостоятельное и независимое, все же другие формы выступают по отношению к обществу, как „общения" или формы зависимые, несамостоятельные, регулируемые в отношении условий своего существования и деятельности целым.

Общество в социологическом смысле является независимой социальной формой не только в отношении других производных социальных форм. В качестве такой же независимой формы оно противостоит другим подобным ему, однородным с ним, существующим рядом с ним обществам. Следовательно, оно выступает в качестве независимой формы общения не только в сфере внутриобщественных отношений, но и в сфере междуобщественных или международных отношений.

В классовом обществе „независимость" в сфере внутриобщественных отношений выступает в форме верховенства интересов экономически господствующего класса, организованного в государство. В сфере же международных отношений независимость выступает как особого рода правоотношение, регулируемое началом взаимности, т.-е. как независимость взаимнопризнаваемая. В содержание понятия независимости в международно-правовом смысле входят: право самостоятельного, независимого от воли других обществ, регулирования внутриобщественных

отношений, а также право бесконтрольного распоряжения территорией, составляющей материальную базу существования общества.

Все вышеизложенное позволяет определить общество как независимую, территориально-отграниченную совокупность индивидов, связанных определенной системой общественных отношений.

2. Псевдо-социологическое определение общества.

В социологии, как науке, преобладают три основных течения. Два из них, биологическое и психологическое, сложились вследствие стремления смежных с социологией научных дисциплин (биологии и социальной психологии) рассматривать социологию, как не самостоятельную, а подчиненную им научную область. Третье возникло на основе стремления рассматривать социологию как самостоятельную дисциплину, отличную, с одной стороны, от биологии, а с другой стороны—от социальной психологии.

Биологическое течение в социологии распадается на два направления: органическое и дарвиновское. Сущность первого направления сводится к тому, что оно исходит при определении центрального социологического понятия—общества из понятия организма. „Общество представляет организм“—таково основное положение органической школы в социологии. Таким образом, согласно точки зрения этой школы, понятие общества является понятием не самостоятельным, а производным от понятия „организм“. Главное основание, которое представители этой школы приводят в подтверждение правильности своего определения, сводится к указанию на то, что отдельные части или „органы“ „общественного тела“ взаимнообусловлены в своем существовании и в отправляемых ими функциях и подчинены целому, т.-е. „общественному телу“ подобно тому, как это имеется у животного организма. Само по себе указание это правильно, но вывод из него: следовательно, общество есть организм—неправилен. С таким же основанием можно было бы утверждать, что общество есть механизм, аргументируя тем, что в механизме все его части взаимообусловлены и подчинены функции целого. Несомненно одно: механизм, организм и общество, как сложные аггрегаты или системы, а именно, первый—механических частей, второй—органических тканей и третий—общественных групп, построены на принципе взаимной обусловленности составляющих их частей и подчинения функций этих частей функции целого. Однако, из этого обстоятельства вовсе не следует, что организм есть механизм, а обще-

ство есть организм. На основании сходства, нельзя делать заключение о тождестве. Но это именно делают, в более или менее грубой форме, представители органической школы в социологии. Отождествлять механизм, организм и общество или организацию никоим образом недопустимо уже по одному тому, что слишком различен характер связей между частями, образующими соответствующие аггрегаты. Между частями машины связь чисто внешняя, механическая, между частями организма связь внутренняя, непрерывно-органическая, а между частями общества или организации связь хотя и внутренняя, но не непрерывно-органическая, а в виде общественного отношения, т.-е. идеологическая, могущая прерываться и восстановляться.

Общество, будучи рассматриваемо с точки зрения соотношения составляющих его частей, представляет организацию, которая, как таковая, и по характеру образующих ее частей, и по характеру связей или отношений, соединяющих эти части и, наконец, по характеру выполняемых ею функций, представляет аггрегат совершенно отличный и от механизма, и от организма. Механизм и организм суть условия существования общества, но не общество.

Органическая школа в социологии представляет любопытную попытку построения теории общества, пользуясь исключительно методом аналогии. Научная значимость ее ничтожна. Органические теории в социологии можно охарактеризовать, как теоретический пустоцвет. Нельзя, однако, сказать того же относительно ее прикладного значения, а именно относительно политического использования ее господствующими классами, как идеологического орудия классовой борьбы. Общеизвестен рассказ о том, как идеолог римских патрициев Менений Агриппа, будучи послан патрициями в качестве парламентера к плебеям, удалившимся на священную гору, удачно воспользовался аналогией между классовым обществом и человеческим телом для того, чтобы добиться от плебеев возвращения в Рим, т.-е. добровольного подчинения патрициям. Начало взаимозависимости органов человеческого тела он умело претворил в начало политического подчинения одного класса другому, изобразив это начало, как закон природы. С неменьшим успехом, на всем протяжении истории, другие идеологи других общественных классов пользовались, ведущей свое происхождение от Менения Агриппы, органической теорией общества для достижения своих политических целей. Ею пользовались как для оправдания политического централизма (путем аналогии с центральной нервной системой), так и для обоснования децентрализма путем аналогии с низшими животными организмами, не обладающими центральной нервной системой.

Что касается дарвиновского направления в социологии, то оно характеризуется воззрением на общество, как на арену борьбы за существование. Оно представляет упрощенную буржуазную интерпретацию теории Дарвина с целью оправдания капиталистической конкуренции путем возведения ее в непреложный закон природы, а также в целях „научной критики“ социализма, якобы стремящегося посредством уничтожения конкуренции, этой движущей силы всякого прогресса, остановить этот прогресс и привести к уничтожению общества. Теория эта представляет плод теоретического недомыслия буржуазии, которым пользуются политические дельцы, спекулирующие на научной неграмотности масс. В вопросе об отношении подлинной, а не фальсифицированной теории Дарвина к социологии речь идет не о дарвиновском направлении в социологии, а об установлении логической связи между дарвинизмом, как материалистической биологией, и научной, т.-е. материалистической социологией, в том направлении, как это соотношение трактовалось нами в первом очерке настоящей работы.

Второе основное направление в социологии, господствующее в настоящее время у буржуазных социологов, направление психологическое, исходит из представления об обществе, как о совокупности взаимодействующих людей. Это определение настолько неопределенно, что под него можно подвести любое из обыденных или разговорных, указанных выше значений, связываемых с термином „общество“. Поэтому теоретическое значение этого определения так же ничтожно, как и значение обывательских определений. Один из вариантов этого определения, гласящий, что общество представляет наиболее широкое взаимодействие людей, по существу дела не уточняет определения общества. Его можно понимать или в том смысле, что этим определением покрывается всякое взаимодействие индивидов вплоть до наиболее широкого взаимодействия, т.-е. до взаимодействия в мировом масштабе, или в том смысле, что оно признает „обществом“ только наиболее широкую форму, т.-е. форму мирового общения и, следовательно, лишает права именоваться обществом какие-либо из прочих масштабов взаимодействия, как, например, масштаб национального взаимодействии. Рассматриваемое определение кроме того стирает различие между „общественным“ отношением в социологическом смысле этого термина и другими видами отношений между людьми; с точки зрения этого определения всякое отношение между людьми, как „взаимодействие людей“, есть общественное отношение. Кроме того, этому определению логически корреспондирует не идея примата общества под индивидом, а, наоборот, идея примата индивида над обществом. Согласно этого определения не общество создает чело-

века, а люди, вступая во взаимодействия, образуют общество. Общество есть продукт взаимодействия индивидов. Взаимодействия, т.-е. взаимные действия людей, т.-е. действия, определяемые сознанием и волею индивидов, т.-е. сознание и воля индивида составляют начало и конец социально-психологической социологии. Иначе говоря, никакого подлинного социологического содержания в рассматриваемом определении не заключается. Оно стирает границы не только между психологией и социологией, но и между биологией и психологией, поскольку не отличает отношений между людьми, как отношений биологических, от прочих видов отношений между людьми. Это определение представляет плод смешения понятий по самым разнообразным направлениям, а, так-как одна из задач науки заключается как раз в том, чтобы разграничивать, а не смешивать понятия, то очевидно, что оно ничего общего с наукой не имеет. По существу оно представляет воплощенную в наукообразную форму капиталистическую конкуренцию.

Начало социологии, как самостоятельной науки без всяких колебаний в сторону биологии и психологии, положено марксизмом. В своей статье „Наемный труд и капитал" К. Маркс дает зародышевое социологическое определение общества, как совокупности общественных отношений. Это определение и должно служить руководящим указанием для всякого социолога-марксиста. Пользуясь этим указанием, как компасом, он благополучно избегает в своих социологических исследованиях Сциллы—биологии и Харибды—психологии.

3. Биологическое определение общества.

Определения общества, которые мы находим у представителей биологического направления в социологии, являются определениями псевдосоциологическими. Их отнюдь не следует смешивать с биологическим определением общества. Одно дело—определения общества, которые выдвигает биологическое направление в социологии, и другое дело—определение общества, даваемое биологией, как таковой. В первом случае мы имеем определения, которые являются плодом смешения точек зрения биологической и социологической и которые в одинаковой мере не выдерживают критики ни с точки зрения биологии, ни с точки зрения социологии, как обособленных научных дисциплин. Во втором же случае мы имеем определение, являющееся не продуктом вторжения биологии в чуждую ей область научного исследования, не результатом простого и грубого отождествления явлений социальных

с явлениями биологическими, но продуктом правильного разграничения биологии и социологии, как смежных научных дисциплин. Биологическая точка зрения на общество, не смешиваемая с социологической и признающая за последней право на самостоятельное существование, не только не противоречит факту существования последней, но, наоборот, необходима, как дополняющая и оттеняющая последнюю.

При определении общества с биологической точки зрения должно исходить не из понятия организма и не из понятия борьбы за существование, как это делают представители органической и так называемой дарвиновской школ в социологии, но из понятия *приспособления*. Выше мы видели, насколько неправильно отождествление общества с организмом. Высказанные нами соображения о неправильности такого отождествления в данном случае уместно дополнить указанием на то, что отождествление общества с организмом недопустимо и с чисто биологической точки зрения, а именно потому, что общество представляет совокупность организмов, как биологических единиц, и, следовательно, определять общество, как организм, это значит отождествлять часть с целым. Общество с биологической точки зрения правильно будет определять, как *форму существования людей, обеспечивающую им наибольшую степень приспособленности к окружающей среде*.

Сопоставляя указанное определение с буржуазно-дарвиновским представлением об обществе, как об арене борьбы за существование, мы видим, что даваемое нами определение характеризуется воззрением на общество не как на *арену* борьбы за существование, а как на *форму* или *способ* борьбы за существование. Воззрение на общество, как на арену борьбы за существование, представляет, как мы видели, идеологический продукт классовых условий существования и развития буржуазии, в особенности мелкой буржуазии, распыленной и перемалываемой конкуренцией. Оно, следовательно, является классовым определением общества, т.-е. определением, представляющим теоретическое отражение в сознании определенного класса условий его существования. С указанной точки зрения и должен определяться удельный научный вес этого определения.

Представляя форму совместной борьбы людей за существование, общество, подобно всем прочим биологическим формам, возникло и развилось путем естественного отбора.

Биологическая природа общества определенно проявляется не только в том, что общество возникает и развивается, как биологиче-

ская форма в вышеуказанном смысле, но и в сфере внутренних отношений на определенной ступени развития общества. Как известно, в родовом обществе общественные отношения возникают и развиваются на основе родственных отношений. Последние как бы представляют ту эмбриональную оболочку, внутри которой развиваются общественные отношения. Только в период перехода родового общества в классовое происходит дифференциация единых „родственно-общественных" отношений на отношения родственные и отношения общественные. Приэтом, эта дифференциация представляет не простое механическое разделение или разъединение ранее слитых в одно отношений. Она представляет определенный процесс развития. Дифференцированные элементы—родственные отношения, с одной стороны, и общественные отношения, с другой стороны, существенно отличаются от тех единых, однородных отношений, которые мы в определенном, условном смысле назвали „родственно-общественными отношениями". Родственные отношения, как продукт этой дифференциации, выступают уже, как претворенные в общественные отношения в социологическом значении этого термина.

Указанная дифференциация как бы проводит демаркационную линию между биологией и социологией. Она указывает пределы, до которых могут и должны простираться претензии и компетенция биологии и от которых начинается компетенция социологии.

В соответствии с указанной дифференциацией находится и дифференциация обычая, как единой, недифференцированной социальной нормы родового общества, на социальные нормы классового общества. Обычай, как выработанная естественным отбором привычка родового человека поступать в известных случаях определенным образом, в результате дифференциации превращается в социальные нормы, которые являются продуктом не стихийно действующего отбора, а отбора, преломленного в общественном сознании; являются нормами декларированными, установленными обществом.

Вопросы, затронутые нами попутно, в связи с разграничением биологической и социологической точек зрения на общество, представляют научные темы, почти не останавливающиее на себя внимание ни биологов, ни социологов. Между тем, изучение весьма интересного процесса дифференциации отношений родового общества с указанной точки зрения только и может дать прочный базис для развития социологии, как самостоятельной науки.

4. Социально-функциональная связь.

В главе „Размежевание социологии с биологией и психологией" мы перечислили основные биологические функции, свойственные человеку на ряду со многими животными, и указали на условия, при которых эти функции принимают характер функций общественных. Поскольку человек питается, размножается, защищается и ориентируется в среде, постольку его питание, размножение, защита и познавание, рассматриваемые безотносительно к деятельности других людей, представляют чисто биологические функции, вытекающие из процесса существования человека, как процесса органического. Поскольку же перечисленные виды жизнедеятельности человека представляют виды деятельности, регулируемые обществом в интересах целого, постольку они, не утрачивая характера функций биологических, приобретают характер также и социальных функций. Выступая в сфере международных отношений, как самостоятельное целое, и стремясь отстоять свое право на самостоятельное существование, общество в процессе приспособления к условиям своего существования среди других обществ естественно вступает на путь регулирования как хозяйственной деятельности, так и биологических функций своих членов в целях обеспечения своего роста и развития населения, средств защиты и т. д. В известном смысле, общество, следовательно, также нуждается для своего существования в питании, размножении, защите и в познавательной деятельности. И подобно тому, как каждый член общества для осуществления своих биологических функций нуждается в материальных средствах или в средствах существования, добываемых в процессе хозяйственной деятельности, так же точно и общество, хотя вышеперечисленные его функции являются производными от соответствующих функций составляющих его единиц, нуждается, в порядке приспособления биологических функций индивидов к своим потребностям, в материальных средствах. Индивид, поскольку его биологические и хозяйственные функции регулируются обществом и тем самым возводятся на степень функций социальных, является функционально-социальным элементом.

Непосредственные отношения, возникающие между обществом и индивидом, как функциональным элементом общества, являются публичными функциональными отношениями. Поскольку хозяйственные и биологические функции индивидов взаимно обусловлены, или, выражаясь

иначе, поскольку осуществление хозяйственных и биологических функций индивидом находится в зависимости от осуществления соответствующих функций другими индивидами и поскольку отношения, вытекающие из такой взаимозависимости, регулируются или самими индивидами, или обществом в интересах индивидов, постольку такие отношения являются частно-функциональными отношениями.

В соответствии с различением публично-функциональных и частно-функциональных общественных отношений находится и различение публичных и частных правоотношений, как нормативных содержаний социально-функциональных или общественных отношений.

5. Родовое общество.

В литературе противопоставляют обычно общество родовое обществу классовому (или политическому, согласно терминологии буржуазных авторов), как организацию кровнородственную организации территориальной. Это противопоставление неправильно прежде всего потому, что родовое общество, как и классовое общество и вообще как всякое другое общество, представляет организацию территориальную. Поскольку основой всякого общества является хозяйственная деятельность, построенная на сотрудничестве, и поскольку территория является в том или ином отношении необходимой предпосылкой всякой хозяйственной деятельности, постольку всякое общество является организацией, связанной с определенной территорией, т.-е. организацией территориальной. Разумеется, характер связи общества с его территорией и прочность связи бывают различны. У кочевых обществ, в зависимости от особенностей их хозяйственной деятельности (скотоводства), характер связи с территорией один, у земледельческих другой. У первых связь с определенной территорией непостоянна и подвижна, у вторых же она в высшей степени отличается постоянством. Для нас, однако, является существенным не характер связи общества с территорией и не степень постоянства этой связи, а самый факт связи. Всякое общество нуждается в территории, как в базе и объекте прежде всего для своей хозяйственной деятельности. Следовательно, если всякое общество есть организация территориальная, то нельзя противопоставлять классовое общество родовому, как организацию территориальную в указанном смысле. Неправильно также противопоставлять классовое общество родовому, как организацию территориальную и в том смысле, что в родовом обществе принадлежность отдельных членов к обществу определяется

наличием кровнородственной связи, а в классовом — наличием территориальной связи, выражающейся в более или менее постоянном пребывании на территории общества. Совершенно верно, что в родовом обществе принадлежность к обществу определялась наличием кровной связи и что чужеродцы, если только они не были усыновлены, не рассматривались, как члены общества, не пользовались его защитой и другими, вытекающими из факта принадлежности к обществу, правами. Однако, несомненно, что в родовом обществе кровнородственная связь не заменяла территориальной связи. Поскольку родич фактически не пребывал на территории общества, постольку он ни в какой форме не мог реализовать права и выгоды, проистекающие из его кровнородственной связи с обществом. Иначе говоря, при отсутствии у родича территориальной связи с обществом, кровнородственная связь не заменяла последней ни в каком отношении, не устраняла ее, а, напротив, предполагала. Следовательно, и в смысле основания для принадлежности к обществу территориальность, как признак, нельзя противопоставлять кровнородственной связи. Но если бы даже кровнородственная связь и была признаком равнозначимым с территориальной связью, то из этого еще не следовало бы, что устанавливаемое авторами на основании этих признаков различие между родовым и территориальным обществами правильно. Их ошибка в данном случае заключается в том, что они признак несущественный, второстепенный, возводят на степень видового отличительного признака (fundamentum divisionis). Связь индивида с обществом, как это было показано в предыдущем (4-м) параграфе, прежде всего функциональная. Поскольку индивид является в каком-либо отношении функциональным элементом общества, т.-е. поскольку он выполняет какую-либо имеющую значение для общества функцию, например, хозяйственную, или воспроизводительную, или воинскую и т. д. и т. д., постольку он находится в функциональной связи с другими членами общества и с обществом, как целым. Принадлежность отдельных лиц к обществу имеет для последнего значение лишь постольку, поскольку они являются или могут быть функциональными элементами общества. Функциональная связь есть связь общественная, т.-е. общественное отношение. Что же касается кровнородственной и территориальной связи, то сами по себе они не составляют общественного отношения.

Функциональная связь индивида с обществом, как общее правило, является реальной, поскольку индивид пребывает на территории общества. Поэтому территориальная связь является, с одной стороны, условием осуществления функциональной связи, а с другой стороны—

внешним признаком, по наличию которого можно заключить о существовании функциональной связи. Взаимоотношение кровнородственной и территориальной связи в родовом обществе сводится к тому, что кровнородственная связь является моментом, ограничивающим круг лиц, могущих вступать в функциональные отношения с обществом, а следовательно и пребывать на территории общества.

Таким образом, оказывается, что ни кровнородственная связь, ни территориальная не могут рассматриваться, в силу вышеизложенных оснований, как видовые отличительные признаки. Таким признаком может быть лишь имущественно-правовой принцип, регулирующий функциональные, т.-е. общественные, отношения. Для родового общества мы имеем один имущественно-правовой принцип—общность обладания средствами производства и средствами существования, а для классового общества другой принцип—принцип частной собственности на средства производства и средства существования. Регулируемые различными принципами, родовое и классовое общество представляют различные системы функционально-социальных или общественных отношений.

В соответствии с изложенным родовое общество можно определить, как территориально обособленную, кровнородственную и независимую группу людей, связанных системой первобытно-коммунистических общественных отношений.

Все другие особенности или признаки родового общества являются производными по отношению к указанному. Общность обладания средствами производства и существования обусловила социальную однородность родового общества. Оно не знает ни деления на классы, ни обусловленной этим делением дифференциации членов общества на имущих и неимущих, на эксплуатирующих и эксплуатируемых, на господствующих и подчиненных. Все его члены пребывают в состоянии естественного равенства и свободы, ограничиваемых лишь возрастно-половыми различиями. Оно не знает принуждения, как принципа, регулирующего общественные отношения. Оно представляет общественную систему, гармоничную в том смысле, что оно внутренне спаяно общностью интересов и не знает борьбы интересов и антагонизмов, раздирающих классовое общество.

Чуждое отношения господства и подчинения, оно представляет организацию, построенную на принципе самоуправления, которая по мере роста и усложнения, т.-е. в процессе своего развития, превращается в организацию федеративную. Классическое описание родового общества, как сложной федерации родовых коммун, дал Люлэ Морган в своей работе „Первобытное общество“. Основной ячейкой общественной орга-

низации северо-американского индейского племени ирокезов, особенно хорошо изученного Морганом, является род, характеризующийся тремя главнейшими признаками: кровнородственная связь членов рода, общее родовое имя и запрещение браков внутри рода. Каждый род представляет самоуправляющуюся единицу. Высшим органом рода является собрание всех взрослых родичей без различия пола. Должностные лица: старшина (сахем), военачальники и служители культа (жрецы) избираются, ответственны и смещаемы. Родственные роды, т.-е. роды, происшедшие путем деления (аналогичного делению одноклеточных организмов), соединяются в братства (фратрии, по терминологии Моргана), которые имеют частью общественные, частью религиозные функции, но не являются, в тесном смысле слова, органом общественной власти. Объединенные во фратрии роды образуют союз родов или племя. Каждое племя характеризуется особым именем, наречием, верховной властью и принадлежащей ему территорией. Высшим органом общественной власти является совет племени, образуемый из вождей, входящих в состав племенного союза вождей. В компетенцию совета племени входят все вопросы общеплеменного характера. Постановления совета принимаются единогласно, заседания совета публичны, т.-е. открыты для всех родичей, которые могут не только присутствовать, но и имеют совещательный голос. Отдельные племена, объединяясь под давлением условий своего существования, образуют союз племен или нацию. Союз племен прокезов представляет одну из выдающихся федераций северо-американских индейцев. Она представляет высшую ступень, до которой развилась общественная организация ирокезов. Возникновение ее Морган относит к 1400—1450 г.г. Главнейшие черты ее следующие:

1. Она состояла из пяти племен, которые были автономны в вопросах местного самоуправления.

2. Высшим органом федеративной власти был совет пятидесяти вождей, равных друг другу по рангу и значению.

3. Каждая из пятидесяти должностей членов совета была назначена навсегда определенному роду; когда должность делалась вакантной, род замещал ее через избрание из числа своих членов; род мог также устранить вождя от должности, если признавал его негодным; утверждение вождя в должности принадлежало совету.

4. Сахемы федерации являлись в то же время сахемами соответствующих племен, образуя вместе с вождями этих племен племенные советы, которые во всех вопросах, касающихся исключительно племени, обладали высшей властью.

5. В федеративном совете сахемы голосовали по племенам, так что каждому племени принадлежало вето относительно решений остальных племен, и для действительности решений федеративного совета они должны были приниматься единогласно.

6. Совет каждого племени имел право созывать федеративный совет, но последний не имел права собираться по собственному решению.

7. В общем совете предоставлялась свобода ораторам из народа высказываться по общественным вопросам, но право решений принадлежало одному совету.

8. Федерация не имела ни лица с высшей исполнительной властью, ни оффициального главы.

9. Так как опыт показал необходимость высшего военачальника то была создана соответствующая должность, но разделена между двумя лицами, так что один мог нейтрализовать другого. Оба высших военачальника были равны по власти [1]).

6. Классовое общество и общественные классы.

В противоположность родовому обществу классовое общество представляет территориально отграниченную и независимую совокупность индивидов, связанных системою общественных отношений, построенной на принципе частной собственности на средства производства и существования. Развилось классовое общество из родового в результате распадения последнего на классы, обусловленного возникновением частной собственности на средства производства. Возникновение же частной собственности было обусловлено, как на это неоднократно указывалось в настоящей работе, тремя главнейшими причинами: общественным разделением труда, обменом и примитивным, ручным характером орудий производства.

Процесс возникновения частно-имущественных производственных отношений и постепенного вытеснения ими первобытно-коммунистических или родовых производственных отношений был вместе с тем процессом возникновения и развития общественных классов. Следовательно, общественные классы возникли в связи с изменением, которое претерпели имущественные отношения производства родового общества. Все члены родового общества находились в одинаковых имущественно-производственных отношениях. С возникновением же частной собственности на средства

[1]) О родовом обществе см. мою работу „Основы советской конституции" 1923.

производства члены общества оказались в неодинаковых имущественно-производственных отношениях. Одни из них оказались собственниками средств производства, другие оказались лишенными средств производства. Собственники средств производства, в зависимости от характера собственности, недвижимой или движимой, также оказались на неодинаковом положении. Далее, собственники средств производства, в зависимости от того, занимались ли они производством самостоятельно, как мелкие производители, или превратили средства производства в орудие эксплуатации, в свою очередь распались на группы, находящиеся в неодинаковых условиях производства, и т. д. Неодинаковое имущественно-производственное положение и обусловленные им отношения господства и эксплоатации породили классовые противоречия и борьбу. Вышеуказанные главнейшие особенности, порожденные переходом к частно-имущественным отношениям производства, позволяют определить общественные классы как элементы общества, поставленные в неодинаковые частно-имущественные отношения производства и находящиеся в состоянии борьбы, обусловленной противоречиями их производственных интересов.

Развитие классового общества, обусловленное в своих исходных моментах, как на это было указано в другом месте, развитием материальных производительных сил, выражающимся в вытеснении в процессе конкуренции орудиями технически более совершенными орудий технически менее совершенных, характеризуется вытеснением одних общественных классов другими. Собственники более совершенных средств производства вытесняют собственников менее совершенных средств производства, а в соответствии с этим происходит и процесс вытеснения одних эксплуатируемых классов другими. Преемственная смена эксплуатирующих и эксплуатируемых общественных классов связана с соответствующим изменением господствующей системы частно-имущественных производственных отношений. Так, рабовладельческая система производственных отношений уступила место феодальной, а последняя капиталистической, которая начала уже вытесняться социалистической по мере перехода средств производства в распоряжение трудящихся. Сменившиеся одна за другой системы частно-имущественных производственных отношений отличаются между собой правовым положением в производстве эксплуатируемого класса, т.-е. общественной производительной силы. Совершенно бесправный раб, это „говорящее орудие“, находившееся в правовом положении объекта производственных отношений, уступил место главнейшей общественной производительной силе феодального общества—полу-объекту и полу-субъекту—крепостному,

а последний уступил место юридически равноправному субъекту производственных отношений—наемному рабочему.

Дисгармоничное, антагонистическое, раздираемое производственными противоречиями классовое общество существует и развивается, как система общественных классов, благодаря функции государства.

7. Государство.

Родовое общество, благодаря солидарности образующих его элементов, представляло организацию внутренне-целостную и устойчивую. Сменившее его классовое общество оказалось организацией антагонистической, т.-е. характеризующейся не солидарностью, а борьбою интересов составляющих его элементов, а потому лишенной внутренней целостности и устойчивости. Поэтому существование и развитие его исторически оказалось обусловленным необходимостью для класса экономически господствующего и потому наиболее заинтересованного в сохранении всей общественной системы организоваться в аппарат, способный обеспечить внешнюю целостность и устойчивость классового общества. Таким аппаратом и является государство.

Для лучшего понимания природы государства, как социального явления, необходимо подробнее остановиться на обстоятельствах, обусловливающих его существование и функцию.

Выше мы определили общественные классы, как части общества, поставленные в неодинаковые частно-имущественные отношения производства и находящиеся в состоянии борьбы, проистекающей из противоречия их производственных отношений. Как части общества, т.-е. определенной системы общественных отношений, отдельные общественные классы являются не случайными для целого элементами, могущими быть без всякого ущерба удаленными вовсе или замененными другими столь же случайными частями. Каждый общественный класс представляет *определенную* часть всей системы. Его существование и функция составляют необходимое условие для существования всей системы, и, наоборот, существование всей системы, т.-е. всех прочих ее частей, является необходимым условием существования и функции данной части. Иначе говоря, существование и функции общественных классов, как частей общества, *взаимно обусловлены*. Так, например, в капиталистическом обществе рабочий класс, как часть этого общества, составляет условие существования класса капиталистов, а последний—условие существования рабочего класса. Класс сельско-хозяй-

ственных рабочих, или фермеров, — условие существования класса землевладельцев и наоборот. Класс промышленных капиталистов и класс промышленных рабочих составляют условие существования класса землевладельцев и класса земледельцев, и наоборот. Класс торговых посредников составляет условие существования всех прочих классов, а последние составляют условие его существования.

Взаимообусловленность существования общественных классов проистекает из их функционально-производственной взаимозависимости. Производство, как технический процесс, представляет целесообразное сочетание средств производства и рабочей силы. Производство, как социальный процесс, осуществляющийся в рамках капиталистического общества, предполагает деятельность класса капиталистов, как собственников средств производства, и рабочего класса, как носителя рабочей силы. Сочетание средств производства и рабочей силы, т.-е. производство, как технический процесс, обусловлено сотрудничеством класса капиталистов и рабочего класса, т.-е. производством, как социальным отношением. Нет сотрудничества, как социального момента, нет и производства, как технического момента. Итак, рабочий класс и класс капиталистов представляют функционально-связанные взаимозависимые части общества. Капиталиста на путь производства толкает стремление к получению прибыли, а рабочего — стремление к получению средств существования. Следовательно, цели их неодинаковы, и не единство целей объединяет их в производстве. Для получения прибыли капиталист нуждается в участии рабочего, а последний для получения средств существования нуждается в капиталисте. Иначе говоря, осуществление целей одного класса опосредствовано функцией другого.

Однако, общественные классы являются в отношении друг к другу неравнозначимыми условиями существования и деятельности. В то время как, например, рабочий класс представляет для буржуазии, как для эксплуатирующего класса, абсолютное условие существования, буржуазия для пролетариата, как для класса эксплуатируемого, является относительным условием существования. С отпадением рабочего класса прекращается и бытие класса капиталистов, как собственника средств производства и существования и как класса паразитического. Поэтому побуждаемый к самосохранению класс капиталистов стремится сохранить во что бы то ни стало и рабочий класс, т.-е., иначе говоря, стремится сохранить существующую систему общественных отношений, как систему, обеспечивающую ему наиболее благоприятный, по сравнению с другими классами, материальный режим существования. Что

же касается рабочего класса, то последний, в виду того, что существующая общественная система, в которой он занимает положение экономически эксплуатируемого и политически угнетаемого класса, не обеспечивает даже минимальных, относительно сносных, условий существования, стремится, наоборот, не к сохранению существующей общественной системы, а к ее уничтожению. Уничтожение существующей общественной системы для него означает преодоление тех производственных отношений, в рамках которых для него немыслимо достижение жизненного уровня, соответствующего его развитию, как общественной производительной силы, а также уровню развития материальных производительных сил. В рамках капиталистической производственной системы она всегда остается классом последним, низшим и эксплуатируемым. Преодоление капиталистической системы производственных отношений для него означает не прекращение существования, а переход к лучшим условиям существования. С гибелью существующей общественной системы изменяется модус его существования, он перестает существовать, как эксплуатируемая общественная производительная сила, и вступает на путь нового существования в качестве неэксплуатируемой, свободной, общественной производительной силы.

Таким образом, в связи с различной значимостью одних общественных классов для других, как условий существования, оказывается различным и их отношение к существующей системе общественных отношений. Классы эксплуатирующие стремятся сохранить данную систему, как абсолютное условие своего существования. Классы же эксплуатируемые стремятся к уничтожению данной системы и к замене ее совокупностью условий более благоприятного существования.

Если при таком прямо противоположном отношении классов-антагонистов к существующей системе она все-таки продолжает сохраняться, то это имеет место лишь постольку, поскольку перевес сил в классовой борьбе оказывается на стороне классов эксплуатирующих. Опираясь на находящиеся в их распоряжении материальные и духовные рессурсы страны, эксплуатирующий класс организуется в государство, основная задача которого и заключается в сохранении существующей системы общественных отношений. Осуществляется эта задача, с одной стороны, посредством функции подавления классовых противников и, с другой стороны, посредством внушения им идеологии, парализующей самую мысль о сопротивлении господствующей системе. Функция подавления выполняется законодательными, судебными, административными, полицейскими и военными органами государства. Функция же внушения соответствующей идеологии осуществляется школьной системой, церковью,

печатью, искусством и т. п. социальными институтами. Внушаемая идеология прежде всего имеет в виду замаскировать в глазах эксплуатируемых масс эксплуататорский характер существующего общественно-государственного строя.

Суммируя все вышеизложенное, эксплуататорское государство можно определить, как необходимый элемент классового общества, представляющий идеологически замаскированную организацию класса собственников и имеющий целью сохранение существующей общественной системы путем парализования классовых противников, как мерами подавления их сопротивления, так и мерами внушения им соответствующей идеологии.

В эпоху разложения родового общества государство явилось условием возникновения классового общества. В дальнейшем оно было условием его развития от системы рабовладельческих общественных отношений до капиталистических. Наконец, в период разложения капиталистического общества государство, в качестве организации эксплуатируемых масс, выступает как условие перехода классового общества в неклассовое, социалистическое, общество. Таким образом, государство проделывает своеобразный путь диалектического развития из орудия материального и духовного угнетения трудящихся масс в орудие их раскрепощения.

Государство пролетарское, в отличие от государства эксплуататорского, представляет идеологически открытую организацию трудящихся, имеющую целью сохранение и развитие системы общественных отношений, основанной на принципе обобществления средств производства и социального равноправия, как путем соответствующих культурно-хозяйственных мероприятий, так и путем подавления сопротивления, оказываемого буржуазией.

Более подробное изложение предлагаемого здесь учения о государстве можно найти в моей книге „Основы советской конституции“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие 3

Очерк первый.

Материалистическая биология и материалистическая социология.

Глава 1. Материалистическая биология 7
„ 2. Происхождение человека 16
„ 3. Человек и активное приспособление 26
„ 4. Общественный человек и социальный отбор 43
„ 5. Марксизм или материалистическая социология 48
„ 6. Соотношение дарвинизма и марксизма 51

Очерк второй.

Глава 1. Размежевание социологии с биологией и психологией 61
„ 2 Конструктивно-идеологические элементы социальной организации: задачи, нормы и право 68
„ 3. Производственные отношения 84
„ 4. Производительные силы и механизм общественного развития . . 108
„ 5. Общество и государство.
§ 1. Социологическое определение общества 123
§ 2. Псевдо-социологическое определение общества 126
§ 3. Биологическое определение общества 129
§ 4. Социально-функциональная связь 132
§ 5. Родовое общество 133
§ 6. Классовое общество и общественные классы 137
§ 7 Государство 139